

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Бегство с позиций великой державы

6

И.Максимычев

Вторая статья И.Максимычева, основанная на анализе книги “Горбачев и германский вопрос” (Сборник документов 1986–1991 годов), знакомит читателей с содержанием переговоров на высшем уровне в треугольнике “СССР – ФРГ – ГДР” в критический период с 1989 по начало 1990 года и позволяет более четко проследить линию Горбачева на отказ от поддержки ГДР и его фактическое согласие на объединение Германии на условиях Бонна.

Ядерное сдерживание в начале XXI века

15

Н.Зиневич

Рассматривая вопросы ядерного сдерживания в начале XXI века, автор дает определение концепции сдерживания как военно-политической категории и ее использования при строительстве стратегических ядерных сил, а также приводит формулу определения потребности в СЯС для гарантированного нанесения агрессору неприемлемого ущерба в любых условиях.

Формирование международного имиджа России

22

Ю.Бойко

Обосновывая актуальность целенаправленного формирования международного имиджа России как крупного актора мировой политики, способного отстаивать свои государственные интересы, автор рассматривает внешне- и внутривнутриполитические направления этой деятельности и приходит к выводу, что Российская Федерация способна по всем параметрам эффективно участвовать в формировании нового мирового порядка и глобального управления и для этого у нее есть достаточные ресурсы, политическая воля и позитивная репутация как участницы большинства международных организаций.

Новый порядок для современного мира

29

С.Конопатов

Сосредоточив основное внимание на характеристике современных тенденций в сфере международных отношений, автор раскрывает сущность понятия “мировой порядок”, исследует истоки и развитие нового мирового порядка при гегемонии США, выводит его основные характеристики и показывает стремление США форсировать установление в мире “*Pax Americana*”.

Судьба ДОВСЕ

35

Н.Извеков

Автор, бывший в 1989–1991 гг. заведующим отделом Управления МИД СССР по проблемам ограничения вооружений и разоружения, рассматривает развитие ситуации, сложившейся вокруг Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) со времени его подписания и до настоящего момента, а также причины, побудившие российское руководство объявить мораторий на выполнение Договора.

Геополитический треугольник “Россия – США – Китай” и Центральная Азия

43

А.Имангазиев

Рассматривая исторические и теоретические аспекты геополитической картины современного мира и происходящий переход к многополярному мироустройству, автор особое внимание уделяет поиску концептуальных различий между понятиями “полюс”, “центр силы”, “цивилизация” и другими политологическими терминами. Автор принимает также попытку выявить критерии, согласно которым тот или иной “центр” мировой силы может претендовать на статус самостоятельного. На основе сравнительного анализа военного, экономического, научно-технологического, информационного потенциалов государства или объединения государств делает вывод, что применительно к Центральной Азии сегодня наибольшее влияние оказывают три мировых актора, образующих треугольник “Россия – США – Китай”.

Гражданский контроль силовых структур

51

С.Баранов

Стремясь раскрыть сущность гражданского контроля силовых структур как части общенациональной системы безопасности, автор дает свое определение этой социально-политической категории, раскрывает ее сущность и движущие силы и указывает на возрастающее значение гражданского контроля над военно-силовыми структурами государства в современных условиях.

Метаморфозы американского неоконсерватизма: идеология на излете

56

А.Громыко

Указав, что неоконсерваторы, или как их называют в США “неоконы”, в последнее время играли и продолжают играть определяющую роль в политике Вашингтона, в том числе и во внешнеполитической сфере, автор отмечает, что к 2002 г. их влияние на принятие внешнеполитических решений Белым домом стало решающим.

Результатом этого явилась силовая внешняя политика США, основанная на трех главных неоконсервативных стратегических догматах: превентивной войне, односторонних действиях и “демократизации”, и их прямое вовлечение в боевые действия в Ираке и Афганистане.

Кавказ во внешней политике США

68

С.Семедов

Анализируя основные направления политики США на Кавказе, автор выделяет геополитические и экономические интересы, определяющие их курс на проникновение в этот регион, и отмечает, что важнейшим направлением их усилий являются меры по изменению маршрутов доставки нефти и газа из Каспийского бассейна в Европу в обход России и стремление к политической унификации Грузии, Армении и Азербайджана под эгидой Вашингтона.

Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово

79

А.Абашидзе

Автор – известный юрист-международник, проводит международно-правовой анализ разработанного западными державами документа “Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово” с точки зрения соответствия его положений международному праву.

ЮНЕСКО и диалог цивилизаций

87

А.Скачков

Анализируя политику ЮНЕСКО в области развития диалога между современными культурами, религиями и цивилизациями, автор делает вывод, что эта линия представляет собой единственную альтернативу однополюсной модели мира, ибо она направлена на утверждение равных условий для взаимодействия между современными цивилизациями в условиях глобализации и возрастающей угрозы межкультурного раскола.

ГУАМ в контексте региональной политики Украины

94

Ю.Седякин

Анализируя деятельность Украины в рамках объединения ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), которое по ее настоянию в мае 2006 г. было преобразовано в “Организацию за демократию и экономическое развитие – ГУАМ”, автор показывает стремление украинского руководства использовать эту организацию в своей региональной политике в качестве противовеса России на постсоветском пространстве.

Маркетинговая парадигма электоральной борьбы XXI века

100

И.Недяк

В статье рассматриваются базовые постулаты политического маркетинга XXI в., которые объясняют социальную направленность его ответов на два злободневных вопроса: почему борьба за доверие избирателей становится важнее борьбы за их голоса

для современных партий? Почему в современном обществе применение “мягкой силы” убеждения эффективнее жестких технологий рекламы?

**Маршал А.М.Василевский на службе Родине
в послевоенные годы**

108

В.Афанасьев, Н.Щербаков

Авторы на основании архивных и других документов знакомят читателя с деятельностью Маршала Советского Союза А.М.Василевского на посту начальника Генерального штаба и министра обороны в послевоенный период и показывают его роль в обеспечении безопасности Советского государства.

**Организация воинских перевозок на Дальний Восток
в 1945 г.**

117

И.Мартыненко

В статье рассматривается организация и осуществление воинских перевозок по крупномасштабной переброске войск и военной техники с западных направлений на Дальний Восток в 1945 г.

Рецензия

**Уникальный источник информации по современной
Британии**

125

Ю.Фокин

Автор – Чрезвычайный и Полномочный Посол, советник ректора Дипакадемии МИД России, рецензирует две вышедшие книги по современной Великобритании – “Великобритания. Эпоха реформ”, в которой максимально объективно исследуются жизненно важные стороны британского общества и перспективы его эволюции, и “Модернизация партийной системы Великобритании”, где наглядно представлена многоярусная структура партийно-политической системы и процессы, происходящие в ней.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежала», доктор технических наук
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокomпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Бегство с позиций великой державы*

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(институт Европы РАН)

Точка невозвращения

Население ГДР отказалось признать политбюро ЦК СЕПГ под руководством Эгона Кренца в качестве нового руководства страны. Как таковое воспринималось лишь правительство ГДР во главе с популярным председателем Совета министров Хансом Модровым, избранным на этот пост 13 ноября 1989 г., то есть уже после падения Стены.

Известный как сторонник демократических реформ в духе советской “перестройки” Модров не мог отмахнуться от политических реалий, одним из важнейших аспектов которых стал замаячивший сразу же после открытия восточногерманских границ призрак объединения обоих германских государств на базе требований ФРГ, то есть присоединения Восточной Германии.

Модров справедливо полагал, что “если мы не займемся германским вопросом, то германский вопрос займется нами”.

В оглашенном им 17 ноября правительственным заявлении была выражена готовность начать переговоры с ФРГ о *создании “договорного сообщества”*, то есть некой новой общности германских государств. Это понятие не расшифровалось, но было ясно, что “договорное сообщество” могло носить как конфедеративный, так и федеративный характер, а также служить формой перехода от конфедерации к федерации**.

Инициатива Модрова была способна существенно изменить последующий ход событий, поскольку подразумевала

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2007. № 7.

** В правительственном заявлении Модрова говорится: “Правительство ГДР готово всемерно расширить сотрудничество с ФРГ и поднять его на новую ступень. Это относится ко всем вопросам: обеспечение мира, разоружение, экономика, наука и техника, охрана окружающей среды, транспорт, почта и телефон, культура, туризм и огромная гуманитарная сфера. Мы за то, чтобы подкрепить сообщество ответственности обоих немецких государств договорным сообществом, которое выйдет далеко за рамки договора об основах отношений и договоров и соглашений, заключенных до сегодняшнего дня обоими государствами. Данное правительство готово к переговорам на эту тему” (И.Н.Кузьмин. 41-й год Германской Демократической Республики. М., 2004. С. 28–29).

практически немедленное начало переговоров между ГДР и ФРГ, на которых восточногерманская республика отстаивала бы свои (и одновременно советские) интересы.

Однако именно в этот момент Горбачев изменил разрекламированному им принципу невмешательства в дела социалистических стран. От его имени в закрытом порядке до сведения Модрова было доведено недовольство Москвы его излишней самостоятельностью в постановке вопроса о “договорном сообществе”.

Без поддержки СССР руки ГДР в плане переговоров с ФРГ, которые не могли не затрагивать “национальный вопрос”, были связаны. Момент был упущен. В результате инициатива в германском вопросе, “разбуженном”, главным образом, политикой “перестройки”, перешла в руки Бонна.

Характерно, что в рассматриваемой публикации Горбачев-фонда нет ни одного документа по данной теме кроме оглашенных в бундестаге 28 ноября “10 пунктов” Коля, которые были направлены как раз на перехват инициативы Бонном. В тексте “10 пунктов” содержался ряд разрозненных предложений по развитию германо-германских отношений, в том числе относительно порядка продвижения обоих германских государств “от конфедеративных структур к федерации”. (С. 254–263).

Западноевропейские соседи ФРГ гораздо быстрее осознали перспективу германского объединения, чем население СССР, задавленное обломками рушащейся под влиянием просчетов “перестройки” экономики и обострением межэтнических конфликтов: общественное внимание в СССР концентрировалось почти исключительно на внутренних проблемах, достигших

опасного накала. Впрочем, политический класс Советского Союза не мог игнорировать нарастающий развал европейского щита страны.

Горбачев признавался во время встречи с президентом Франции Франсуа Миттераном* в Киеве 6 декабря 1989 г.: “Для нас германский вопрос – больной вопрос. Общество наше резко реагирует на действия канцлера” (имелись в виду пресловутые “10 пунктов”) (С. 289).

Шаг Коля тем больнее задел Горбачева, что в телефонном разговоре с канцлером 11 ноября он поделился своей идеей создания “треугольника ФРГ, СССР и ГДР”, в котором “все должно быть продумано и сбалансировано”, и Коля как будто не отверг этой идеи.

Коля даже заявил: “На мой взгляд, наши отношения перешли сугубо официальный уровень, имеют личный оттенок. Полагаю, так они могли бы развиваться и впредь”. (С. 249–250).

Однако открывшаяся перспектива присоединения ГДР перевесила для канцлера соображения внешнеполитической осторожности.

На протяжении трех месяцев (ноябрь 1989 г. – январь 1990 г.) главным рецептом, на котором настаивал Горбачев в отношении решения германского вопроса, было “сохранение стабильности” в ГДР. Об этом говорил он и представителям ФРГ, и председателю Совета министров Италии, и президенту США, и президенту Франции.

На пресс-конференции в Милане 1 декабря он заявил, например, о том, что “нынешняя Европа, включая ее границы, а также наличие двух германских государств – это итог определенного исторического периода. Как будет дальше с судьбой этих государств, интересует нас всех, как и то, что будет с миром, с нашей цивилизацией, Европой, нами. Я ду-

* Франсуа Миттеран – президент Франции в 1981–1995 гг.

маю, время покажет. Пусть история сама распорядится. Сегодня ставить вопрос о воссоединении как актуальный вопрос международной политики было бы неправомерно. Больше того, это бы только осложнило ситуацию" (С. 267).

Очень резкой получилась беседа с Геншером 5 декабря, когда советский лидер обрушился на "10 пунктов" Коля с совсем недипломатической критикой. Горбачев говорил, что канцлер, видимо, "уже считает, что играет его музыка, мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать. [...] Даются указания, каким путем должна идти ГДР, какие структуры создавать. Руководство ФРГ просто распирает от желания командовать. И это, уверяю вас, чувствуют все".

В словах Горбачева было много правды. Как, впрочем, и в ответной реплике Геншера, что именно советская политика "является причиной происходящего и в ГДР, и в Венгрии, и в других социалистических странах" (С. 276–277, 280).

В здании бывшего Союзнического контрольного совета для Германии состоялась встреча послов четырех держав (12 декабря), несших ответственность за Германию и Берлин в целом. Формальным поводом для нее стали предложения Рейгана по расширению сотрудничества между Восточным и Западным Берлином, обнародованные еще в 1987 г. Однако на встрече обсуждались и более широкие проблемы. Сам факт встречи вызвал острое беспокойство в Бонне.

Посол ФРГ в СССР Клаус Блех стал расспрашивать советских представителей о том, как расценивать эту ситуацию. Если "речь идет о рутинной встрече для обсуждения берлинских дел, это одно, – говорил

он. – Но если представить себе, что речь идет о попытке «контроля над Германией», то с этим, мол, в нынешних условиях не согласятся ни ФРГ, ни ГДР" (С. 297).

Вместе с тем, встреча четырех послов, которая объективно приобрела характер политического нажима на ФРГ со стороны держав, обладавших особыми правами в германских делах, дала быстрые практические результаты.

20 декабря 1989 г. в Москву прилетел представитель фракции ХДС/ХСС в бундестаге по вопросам разоружения Карл Ламмерс с миссией успокоить русских. Помимо смягченной интерпретации "10 пунктов" Коля, которая должна была рассеять подозрения советского руководства в отношении "захватнических" намерений Бонна, он изложил свой прогноз развития обстановки в Европе, в целом учитывающий интересы СССР.

Он говорил о том, что в "определенных кругах" ФРГ обсуждается в перспективном плане вопрос, "не создать ли своего рода пояс нейтральных государств, пересекающий всю Европу – от Швеции через Польшу, Германию, Чехословакию, Венгрию и до нейтральных Балкан?

Не стоит ли всем этим странам в будущем стать «финляндизированными»?"

Ламмерс рисовал заманчивую картину построения системы европейской безопасности для всех стран континента, включая СССР, а также налаживания общеевропейского политического, экономического и иного сотрудничества.

Он обещал на будущее тесные связи между Европейскими сообществами и СССР, к которым "будут подключаться другие восточно- и западноевропейские страны", а также сотрудничество между СССР и Западноевропейским союзом в плане обеспечения общеевропейской безопасности (С. 302–303).

* "Финляндизация" – американский уничижительный термин для обозначения влияния СССР за пределами социалистического содружества. Любая страна, поддерживающая хорошие отношения с СССР, объявлялась западной пропагандой "финляндизированной".

Казалось бы, и слепой должен был увидеть: ужесточение советской позиции в плане защиты своих стратегических интересов стало давать неплохие результаты. В ФРГ (по крайней мере, на среднем политическом уровне) обозначились подвижки, открывавшие путь к приемлемому для СССР компромиссу.

“Ключ от германского единства” продолжал оставаться в руках Москвы.

Надо было только суметь им воспользоваться.

Однако 26 января 1990 г. в советской политике наступил перелом в противоположном направлении. В этот день у Горбачева состоялось совещание по германской тематике, на которое не были приглашены ни советские послы в обоих германских государствах, ни представители компетентных отделов МИД СССР*.

По итогам совещания были приняты решения, означавшие, по существу, выдачу ГДР на милость западным немцам.

В пространном выступлении генсека на совещании констатировалось, что в ГДР “нет реальных сил” и регулировать процесс объединения можно “только через ФРГ”. В этой последней, по мнению Горбачева, следовало использовать соперничество между СДПГ и ХДС за симпатии восточных немцев для того, чтобы принудить Коля “всерьез встать в германских делах на европейскую точку зрения”, то есть учитывать, в частности, интересы СССР.

Из-за недовольства ФРГ встречей четырех послов Горбачев сформулиро-

вал предложение начать переговоры об условиях объединения в формате “пятерки”, то есть четыре державы-победительницы “плюс Коль” (по ходу совещания эта формула приобрела более благопристойный вид “4+2”, что подразумевало участие и ГДР). Он почувствовал, что реализация этой концепции вызовет осложнения в общественном мнении СССР (“моральный фактор – реакция советского народа”), и высказался за то, чтобы “выиграть возможно больше времени”, “растянуть процесс” с той целью, чтобы “не показалось, что мы просто уходим [из Германии] в год 50-летия Победы” (С. 307–311).

Последнее замечание наводит на мысль о том, что помещенная в публикации Горбачев-фонда запись совещания, сделанная Черняевым, не исчерпывающе передает содержания высказываний Горбачева – до этой отсылки к 1995 г., когда должно было прекратиться присутствие советских войск на германской территории, проблема вывода Западной группы войск в ней вообще не упоминается. Вместо этого есть заявление А.Н.Яковлева** о том, что “наши войска в ГДР Америке больше нужны, чем нам”*** (С. 308).

Принципиальное решение о выводе войск было принято 26 января 1990 г. без просьб об этом со стороны ГДР или ФРГ или третьей стороны.

“Недостающее звено” можно найти в дневниковых заметках Черняева, где четко зафиксировано указание Горбачева: “Ахромееву**** готовить вывод

* Шеварнадзе разделил “германский” 3-й Европейский отдел МИД на подразделения ФРГ и ГДР.

** Яковлев А.Н. – секретарь (1986–1990 гг.), член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990 гг.)

*** Было распространено и юридически обосновано мнение о том, что вывод ЗГВ из ГДР приводит к одновременному выводу из ФРГ войск западных союзников, включая американцев.

**** Ахромеев С.Ф. – маршал Советского Союза, начальник Генштаба Вооруженных сил СССР (1982–1988 гг.), советник председателя Верховного Совета СССР (1988–1989 гг.), советник президента СССР по военным вопросам (1990–1991 гг.).

войск из ГДР; «проблема больше внутреннего, чем внешнего: 300 тыс., из них 100 тыс. офицеров с семьями куда-то надо девать!»».

Главное решение генсека по германскому вопросу выглядит в дневнике Черняева так: "Ориентироваться на Коля, но СДПГ не игнорировать"¹. Горбачев согласился принять в Москве Модрова и Гизи*, но "ориентироваться" на них не собирался.

Состоявшаяся 30 января 1990 г. встреча Горбачева с Модровым прошла в лучших традициях контактов между лидерами социалистических стран закатного периода, когда собеседники не знали, можно ли полностью доверять тому, что тебе говорят, и будут ли будущие дела соответствовать даваемым обещаниям.

Лидер КПСС подчеркнул: "ГДР – это предмет наших особых забот, и не только во внешней политике, но и во внутренней" и заверил, что не только СССР, но "и Франция, и Англия, да и многие другие государства" сдержанно относятся к форсированию объединения Германии.

По его оценке, ведущие партии ФРГ готовятся на территории ГДР к выборам в бундестаг ФРГ, назначенным на конец года.

Он констатировал "очевидный разрыв между заверениями западных деятелей и их практической политикой". Горбачев вновь отстаивал идею "об особой ответственности трех наших государств [СССР, ФРГ и ГДР] за процессы, идущие сейчас в центре Европы".

Модров информировал о внутривнутриполитическом и экономическом кризисе в Республике, о бесцеремонном вмешательстве политиков ФРГ в предвыборную борьбу в ГДР (18 марта предстояли выборы в Народную палату), об ослаблении позиций СЕПГ ("Сейчас даже трудно сказать, сколько человек осталось в партии – 500–600 тыс.?").

Он подчеркнул, что **подрыв самостоятельности ГДР – "это по сути дела попытка демонтировать все послевоенное устройство в Европе"**.

Модров сообщил о подготовке в ФРГ "своего рода плана Маршалла" для помощи экономике ГДР (в частности, 6 млрд. марок на развитие мелкого, частного предпринимательства).

Он отметил, что начавшаяся в Чехословакии и Венгрии компания за вывод советских войск ведет к тому, что "аналогичные вопросы стали ставиться и перед правительством ГДР". Он попросил о поддержке ГДР со стороны СССР, причем ничего экстраординарного в его просьбах не было: речь шла о возможно более скором визите в ГДР Горбачева и Рыжкова, выполнении советских обязательств в экономической области ("В январе мы получили на 508 тыс. т [нефти] меньше соответствующей договоренности"), о сдерживании давления со стороны Бонна.

Глава правительства ГДР ознакомил советских участников беседы с тезисами по германо-германским отношениям, с которыми он собирался выступить по возвращении из Москвы.

Горбачев одобрил как сами тезисы ("Мы понимаем потребность немецкого народа в ФРГ и ГДР в углублении общения, его стремление к сотрудничеству и взаимодействию"), так и закреплённый в них принцип поэтапного движения к сращиванию "в отдаленной перспективе" двух государств. Он считал возможной "встречу четырех держав по этим вопросам" и выделил необходимость "военного нейтралитета ГДР и ФРГ", а также "сохранение государственного суверенитета ГДР, невмешательство в ее внутренние дела" (С. 312–324).

Вернувшийся в Берлин Модров огласил (1 февраля) обговоренные с Гор-

* Грегор Гизи – с декабря 1989 г. председатель СЕПГ/ПДС, затем ПДС.

бачевым тезисы “За Германию, единое отечество” в качестве “концепции к дискуссии о пути к германскому единству” (С. 325–326). Направлявшийся в Москву вслед за Модровым Коль ожидал, что обмен мнениями с Горбачевым будет идти вокруг основных положений “плана Модрова”.

Однако полная смена курса Москвы не оказалась для него неожиданностью.

Кардинальные подвижки в советской позиции начались еще до встречи канцлера с советским руководителем 10 февраля. Накануне состоялась беседа Горбачева с госсекретарем США Джеймсом Бейкером, когда американец практически добился согласия Горбачева на переговоры в формате “2+4” (что означало предоставление ФРГ возможности без помех выкрутить руки ГДР), а также на то, чтобы такие переговоры начались только после выборов в ГДР 18 марта (ожидалось, что в результате этих выборов от власти будет отстранен Модров и новое правительство ГДР станет значительно более податливым в отношениях с Бонном).

Бейкеру также удалось заставить собеседника заколебаться по вопросу о членстве объединенной Германии в НАТО.

По последнему пункту Бейкер поставил вопрос ребром: “Что для вас [для СССР] предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО, но при гарантии того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?”

Похоже, что именно в этот момент Горбачев задумался над возможностью заменить “недостойного союзника” ГДР “достойным союзником” США. Он признал соответствующим интересам СССР желание американцев сохранить в рамках договора НАТО свои войска в Европе и, следовательно, в Германии.

“Вполне возможно, что в той ситуации, как она складывается сейчас, присутствие американских войск может играть сдерживающую роль”, – сказал он (С. 332–338).

Правда, окончательного ответа на запрос американцев дано не было. Горбачев предложил совместно подумать над решением проблемы. Однако отсутствие резкого отпора с его стороны уже говорило о многом. Для Бейкера стало ясно, что стоит посильнее надавить и Москва уступит. Своими впечатлениями он поспешил поделиться с Коле: американцы знали, кто является настоящим союзником для них.

Канцлер прекрасно подготовился к разговору с Горбачевым. Он начал с того, что правительство ФРГ одобрило предоставление СССР кредита на приобретение продовольствия, и добавил, что готов помогать всегда, когда в этом будет нужда.

Вторым кинжальным аргументом был намек на то, что Западная группа войск является по существу заложником возникшей в Восточной Германии неблагоприятной обстановки.

В контексте рассуждений о надвигающемся хаосе и грозящей радикализации восточных немцев Коль заявил: “В ГДР дислоцированы советские войска численностью около 400 тыс. чел. Там же живут жены и дети советских офицеров. Долгом советского руководства является их защита. Это элементарная логика, законный интерес, и я его поддерживаю”.

Только после этого он заговорил о предложенной им валютной унии с ГДР, реализация которой означала бы на деле объединение “с черного хода”: введение в Восточной Германии марки ФРГ в качестве единственного платежного средства неизбежно вело к ликвидации суверенитета ГДР.

Похоже, что в Москве не хотели давать себе полного отчета в том, что не-

сет с собой на практике упразднение собственной валюты ГДР.

Горбачев заявил: “Центральный вопрос статуса единой Германии – в военной безопасности”, на что Коль безмятежно заметил: “Здесь можно найти решение”.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы советский руководитель произнес ту знаменитую фразу, которая вызвала еле скрываемый восторг у представителей ФРГ, никак не ожидавших такого скорого и полного триумфа. Она одним ударом изменила весь дальнейший ход переговоров о германском единстве.

Эта фраза звучала так: “Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос”.

Какое-то время спустя Горбачев повторил это заявление в еще более ясной редакции: “Советский Союз и ФРГ с учетом мнения Мудрова констатируют, что у них нет разногласий по проблемам единства Германии и права немцев сделать их выбор”.

И еще раз, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений: “У нас с федеральным канцлером есть общее понимание того, что вопрос о будущем немецкого народа – а оно приближается, – о его государственности, о выборе, который он хочет сделать, – это, конечно, выбор немцев”.

К этому была добавлена информация о том, что СССР собирается в одностороннем порядке вывести свои войска из ГДР (С. 340–353, 356).

Есть несколько способов вести переговоры:

- можно в самом начале назвать свои максимальные (как правило, завышенные) требования и затем, в обмен на уступки контрагента, постепенно от них отходить;

- можно подождать момента, когда противная сторона сформулирует свою “запросную” позицию, а потом взяться за ее демонтаж;

- можно выдвинуть свои условия “без запроса” и затем упорно отстаивать их.

Однако выбранный Горбачевым способ был уникален. Согласиться на исходные требования контрагента, даже не дожидаясь, чтобы он их четко сформулировал, и только затем заявить о своих пожеланиях – такой путь не обещал ничего хорошего.

Ничего хорошего и не получилось.

Пожеланиям, высказанным Горбачевым во время беседы, он подчеркнул не стал придавать характера условий для выполнения западногерманской программы-максимум.

Горбачев говорил, в частности, об обеспечении положения, при котором “с немецкой земли никогда не должна исходить война”.

Коль с ходу придал этой формулировке еще более необязательный характер: “С немецкой земли должен исходить только мир” – именно так звучала договоренность, достигнутая в начале 80-х годов между Колем и Хонеккером*. Генеральный секретарь ЦК КПСС высказался за сохранение экономических связей, существовавших между предприятиями СССР и ГДР (с чем Коль сразу же согласился), за советское участие в совместных предпри-

* В начале 80-х годов Э.Хонеккер не поддержал Ю.В.Андропова, решившего было резко отреагировать на размещение в Западной Европе, в основном в ФРГ, американских ракет средней дальности действия. Тогда ГДР вместо согласия на дополнительное размещение ракет на своей территории призвала Г.Коля дать совместную клятву, что с “немецкой земли никогда более не будет исходить война, а только мир”. Тот охотно сделал это, заслужив репутацию записного миротворца.

ях ФРГ и ГДР после объединения (тут Коль отмолчался), за предотвращение отрицательных последствий для Западной группы войск введения в ГДР марки ФРГ (ни у ЗГВ, ни в московском казначействе марок ФРГ не было, между тем часть денежного довольствия офицеры и служащие ЗГВ получали в валюте страны пребывания; кроме того за услуги местных ремонтных, транспортных и тому подобных предприятий также надо было расплачиваться этой валютой).

Коль ответил в самой общей форме: "Мы не будем уклоняться ни от каких вопросов".

Заключительное заявление Горбачева звучало следующим образом: "...Мы договорились взаимодействовать, чтобы избежать опасности недопонимания, сохранять атмосферу доверия, ответственно, взвешенно решать нынешние проблемы и открыть дорогу для сотрудничества в будущем. Мы условились динамизировать наши контакты".

Характерно, что Коль изложил итоги бесед несколько по-иному: "Мы договорились о том, что, если события будут развиваться особенно драматично, мы незамедлительно будем вступать в контакт друг с другом. Я всегда считал, что лучше лишний раз поговорить. Если нам удастся продвинуться вперед на данном этапе, то дело пойдет хорошо и в дальнейшем" (С. 360).

Видимо, в глубине души Коль сохранил определенные сомнения в том, что Горбачев сознает весь размах уступки, сделанной им в отношении боннских планов поглощения ГДР, и хотел перестраховаться на случай, если Москва "передумает". Во всяком случае, никаких четко выраженных обязательств ФРГ на себя не взяла.

С немецкой методичностью Геншер подытожил практическую сторону дела, которую он обсуждал с Шеварнадзе: "...Оба германских государства будут до-

говариваться о собственном будущем, говорить на эту тему с четырьмя державами, — одним словом, определять совместный путь к объединению. Затем оба германских государства могли бы приступить к консультациям с советской стороной в рамках существующих процедур" (С. 359). Он благоразумно не стал заострять внимание на том, что "прирученная" после выборов 18 марта ГДР будет петь в основном с боннского голоса и не сможет играть роль полностью самостоятельного участника переговоров.

В любом случае, "в рамках существующих процедур" столь близкого сердцу Горбачева "треугольника" явно не получалось.

Похоже, что Горбачев задним числом стал испытывать некоторые сомнения относительно разумности решения ставить все на одну западногерманскую карту. В этой связи становится понятным его попытка еще на некоторое время сохранить ГДР в качестве противовеся Бонну.

В телефонном разговоре с Модровым (12 февраля 1990 г.) Горбачев освещал ход и содержание бесед с канцлером в свете, не совсем точно отражавшем действительное положение.

Горбачев утверждал, например, что говорил Коль следующее: "Какие будут выбраны государственные формы, темпы сближения ГДР и ФРГ, определят в конечном счете сами немцы. Но ведь процесс объединения затрагивает и СССР, другие государства, прежде всего соседей ГДР и ФРГ".

Встают вопросы безопасности Советского Союза, Европы в целом, нерушимости границ, послевоенных территориально-политических реальностей.

В процессе объединения в качестве переговорщиков должны выступать не только ГДР и ФРГ, но и Советский Союз. Мы исходим не из тандема, а из "треугольника". Он подчеркивал, что Коль "наши аргументы принял, обещал подумать".

Советский руководитель приписал себе значительно более радикальные возражения против членства ФРГ в НАТО, чем это было на самом деле.

По его словам, он заявил: "...Сохранение объединенной Германии в НАТО для нас неприемлемо". Горбачев говорил также о сложившемся у него впечатлении, что "Коль вел себя высокомерно". В заключение он сформулировал следующий вывод: "Думаю, в этих условиях наша с вами задача состоит в том, чтобы твердо отстаивать принципиальную политическую линию, действовать взвешенно, ответственно. В процессе сближения двух германских государств нельзя не учитывать законные права и интересы европейских государств, пренебрегать уроками истории.

Движение вперед, наш вклад в это развитие возможны только на основе такой формулы" (С. 362–364).

В переводе на общепонятный язык такая рекомендация означала: не поддавайтесь, мы вас поддержим!

Договоренности Горбачева с Колем вызвали понятное смятение и протест в политическом классе СССР. Пришлось оправдываться. В интервью газете "Правда" (21 февраля 1990 г.) Горбачев мотивировал предоставление свободы действий ФРГ по отношению к ГДР советской позицией в первые послевоенные годы, когда СССР последовательно выступал за создание единого германского государства.

"И вот история заработала неожиданно быстро, – говорил Горбачев, как будто речь шла о стихийном бедствии, к которому он не имел никакого отношения. – В этих условиях мы еще раз подтвердили, что немцы сами должны определить, как, в какие сроки и в каких формах будет происходить их объединение.

Об этом шла речь в беседах с Модровым и вскоре затем с Колем".

Естественно, ни слова не было сказано о том, что ГДР, сотрясаемая внутренним кризисом, который к тому же усиленно разжигался из Западной Германии, могла бы хотя отчасти говорить с ФРГ "на равных" только при последовательной и энергичной поддержке со стороны СССР, но именно в такой поддержке Москва ей отказывала.

Заодно Горбачев взял на себя ответственность за формулу "2+4", только что согласованную Шеварнадзе с западниками на международной конференции в Канаде (С. 372–373). Эта формула, практически лишавшая державы-победительницы рычагов влияния на немецко-немецкие переговоры о темпах и формах присоединения ГДР к ФРГ, была более адекватной духу встречи Горбачева и Коля 10 февраля.

Однако Горбачев вовсе не собирался помогать ГДР. На закрытом совещании 13 февраля он заявил: "Но мы уже не имеем в лице Модрова и К° друзей. Они сплелись с ФРГ" (С. 367).

Коль не преминул сразу же дать почувствовать Модрову, прибывшему в Бонн почти со всеми своими министрами для согласования порядка поступления средств в счет обещанного канцлером в декабре 1989 г. "плана Маршалла", что ему не следует более рассчитывать на поддержку из ФРГ. В ходе переговоров 13–14 февраля Коль отклонил предложенную Модровым концепцию западногерманского "взноса солидарности" в размере 10–15 млрд. немецких марок и настаивал на немедленном начале обсуждения порядка установления валютной унии между ФРГ и ГДР. Каких-либо протестов или возражений – ни гласных, ни негласных – со стороны СССР не последовало.

Примечание

¹ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.

Ядерное сдерживание в начале XXI века

Николай Зиневич,
полковник

Главной целью практической деятельности государства в оборонной сфере, как она заявлена в Концепции национальной безопасности РФ, является необходимость совершенствования ее военной организации для обеспечения адекватного силового ответа на угрозы, которые могут возникнуть в XXI в., при рациональных затратах на оборону.

Данный фактор позволяет сделать важный, в контексте дальнейшего понимания вопроса, вывод: России нужна военная сила, адекватная по состоянию и возможностям остроте военно-политической и стратегической обстановки.

Другим важным фактором, определяющим необходимость сохранения стратегических ядерных сил (СЯС), в том числе и РВСН, является тенденция к “расползанию” ядерного оружия в мире, что не позволяет отказываться от него не только в ближайшей, но и обозримой перспективе. Необходимо также учитывать, что наряду с увеличением числа стран, тайно или явно обладающих ядерным оружием (ЯО), постоянно набирает силу тенденция к сокращению арсеналов ведущих ядерных держав (США и РФ). В тоже время, наряду с этой, в целом положительной линией многие страны мира (США, Франция, Англия, Израиль и др.) этот процесс компенсируют активным внедрением в войска высокоточного оружия (ВТО) с обычными средствами поражения (ОСП). Однако Россия в настоящее время весьма ограничена в поиске адекватных мер и поэтому ей необходимо сохранять за собой статус ядерной державы.

Как подчеркивается в Военной доктрине РФ, в современных условиях Россия исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству, либо коалиции государств) в любых условиях.

При этом ядерное оружие, которым оснащены ВС страны, рассматривается

Российской Федерацией как фактор сдерживания агрессии, обеспечения военной безопасности России и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира.

Концепция сдерживания не так уж плоха. Она, прежде всего, означает, что ядерное оружие не расценивается как мощное и эффективное средство ведения войны, позволяющее вернуть

достичь победы в вооруженном конфликте*.

Согласно философии сдерживания, огромная разрушительная мощь этого оружия рассматривается как фактор, делающий войну взаимно неприемлемой. Главное предназначение ядерного оружия – не допустить его применения другой стороной благодаря собственной способности причинить возможно-му агрессору неприемлемый ущерб.

В этом смысле можно сформулировать правило, что **ядерные державы обречены на взаимное сдерживание в качестве сути своих стратегических взаимоотношений.**

Сдерживание может выйти на первый план в условиях кризиса или отступить за кулисы текущей политики в обстановке улучшения отношений, но оно остается объективной реальностью и незримо присутствует всегда. Пока существует ядерное оружие, взаимное сдерживание – это наилучший вариант стратегических взаимоотношений ядерных держав (особенно если оно регламентировано системой договоров), взамен которого ничего более привлекательного так и не было придумано, несмотря на море риторики 90-х годов и последнего времени.

Ядерное сдерживание, как всякая военно-политическая категория, имеет политическую и военную функции.

К *политической функции* относится сохранение мира и сдерживание агрессии, а также обеспечение военной безопасности России и ее союзников.

Военную функцию составляет наличие такого ядерного потенциала, который способен гарантированно обеспе-

чить нанесение заданного ущерба любому агрессору.

При этом потенциал “ядерного сдерживания” следует рассматривать как довольно сложную структуру, включающую:

- необходимое количество носителей ЯО на базе триады СЯС;
- систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН) космического и наземного базирования;
- подготовленную инфраструктуру театра военных действий (ТВД);
- средства боевого управления (СБУ) и надежную связь;
- уверенных в себе и высокоподготовленных в профессиональном отношении исполнителей приказов.

В этой структуре РВСН является главной составляющей СЯС, на них приходится почти 3/4 мегатоннажа всех ядерных сил России и 2/3 всех носителей СЯС.

На вооружении РВСН в настоящее время состоит несколько типов ракетных комплексов (РК):

- стационарные – с ракетами РС-20 и РС-18;
- подвижные – с ракетами РС-12М;
- ракетные комплексы (стационарные и подвижные) “Тополь-М” (РС-12М2).

Подвижные грунтовые ракетные комплексы (ПГРК) составляют основу ответного удара, так как способны, в силу своей мобильности и своевременного рассредоточения, выйти из-под упреждающего ракетно-ядерного удара (РЯУ) противника.

Для повышения степени неприемлемости для агрессора ответного удара необходимо усиливать возможности РВСН и СЯС в целом. Все это предъяв-

* Именно такие взгляды господствовали в военной доктрине США до конца 50-х годов и несколько дольше – в доктрине СССР. И даже сейчас этот подход в известной мере сохраняется применительно к оперативно-тактическим ядерным средствам обеих сторон.

ляет принципиально новые требования к их совершенствованию и развитию: чтобы при сохранении свойств оружия “возмездия” на ядерный удар, они приобрели и свойства инструмента адекватной реакции на изменение военно-политической и стратегической обстановки. Это более широкое, чем раньше, предназначение РВСН по реализации функции ядерного сдерживания, которое должно привести к расширению их влияния на военные конфликты, сдерживание которых доктринально возложено на ядерные силы.

Чтобы иметь достаточно четкое представление о характере ядерного сдерживания и оценке соотношения стратегических наступательных вооружений (СНВ) США и России на начало XXI в., изложим кратко его развитие с зарождения и становления в начале 60-х годов XX в. до настоящего времени.

Без преувеличения можно сказать, что главным сдерживающим фактором второй половины XX века в военно-политических отношениях являлось стратегическое соперничество (противостояние) двух группировок – США и НАТО, с одной стороны, и СССР и Организации Варшавского Договора (ОВД) – с другой.

Гонка вооружений шла как по линии ОСП, так и по линии ядерных средств (ЯСП).

После распада ОВД стратегическая обстановка резко изменилась по основным показателям СНВ и ОСП в пользу США и их союзников (рис. 1). Графически представлены даты принятия наиболее важных договоров по СНВ (1972, 1991 и 2002 гг.), ограничению ПРО (1972 г.), даты принятия программ развертывания стратегической оборонной инициативы (СОИ, 1983 г.) и национальной противоракетной обороны (НПРО, 2000 г.).

Экстремум СНВ обеих сторон (США и СССР) приходится на 1990–1991 гг., а резкое возрастание – на период “холодной войны” с 1970 г. по 1990 г.

Для СССР этот период соответствует развертыванию межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями (РГЧ) РС-20, РС-18, а для США основной прирост шел за счет увеличения числа баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и межконтинентальных баллистических ракет с РГЧ.

Начало значительного сокращения СНВ после 1991 г. связано с выполнением договора СНВ-1 (1991 г.), а для СССР – также и ликвидацией ракет средней дальности РСД-10, сокращением РС-20 на 150 единиц. Кроме того, на этот период приходится ликвидация СНВ Украиной, Белоруссией и Казахстаном.

К концу 2002 г. Россия располагала приблизительно 5000 боевыми блоками (ББ), а США – 6000 ББ.

Как известно, с 1960 г. по 1970 г. противоборствующие стороны придерживались концепции применения ЯО на уничтожение противника посредством превентивного массированного ракетно-ядерного удара. Но к началу 70-х годов стало очевидным, что массированный ракетно-ядерный удар может вызвать экологическую катастрофу в виде “ядерной зимы” в Северном полушарии. В этой связи обе стороны, правда, не сразу, пришли к выводу, что в вопросах применения ЯО может лежать только один приемлемый путь – взаимное ядерное сдерживание.

В логике концепции сдерживания представляется идеальным наличие в структуре СЯС противостоящих сторон только противоценностного потенциала и полное отсутствие контрсило-

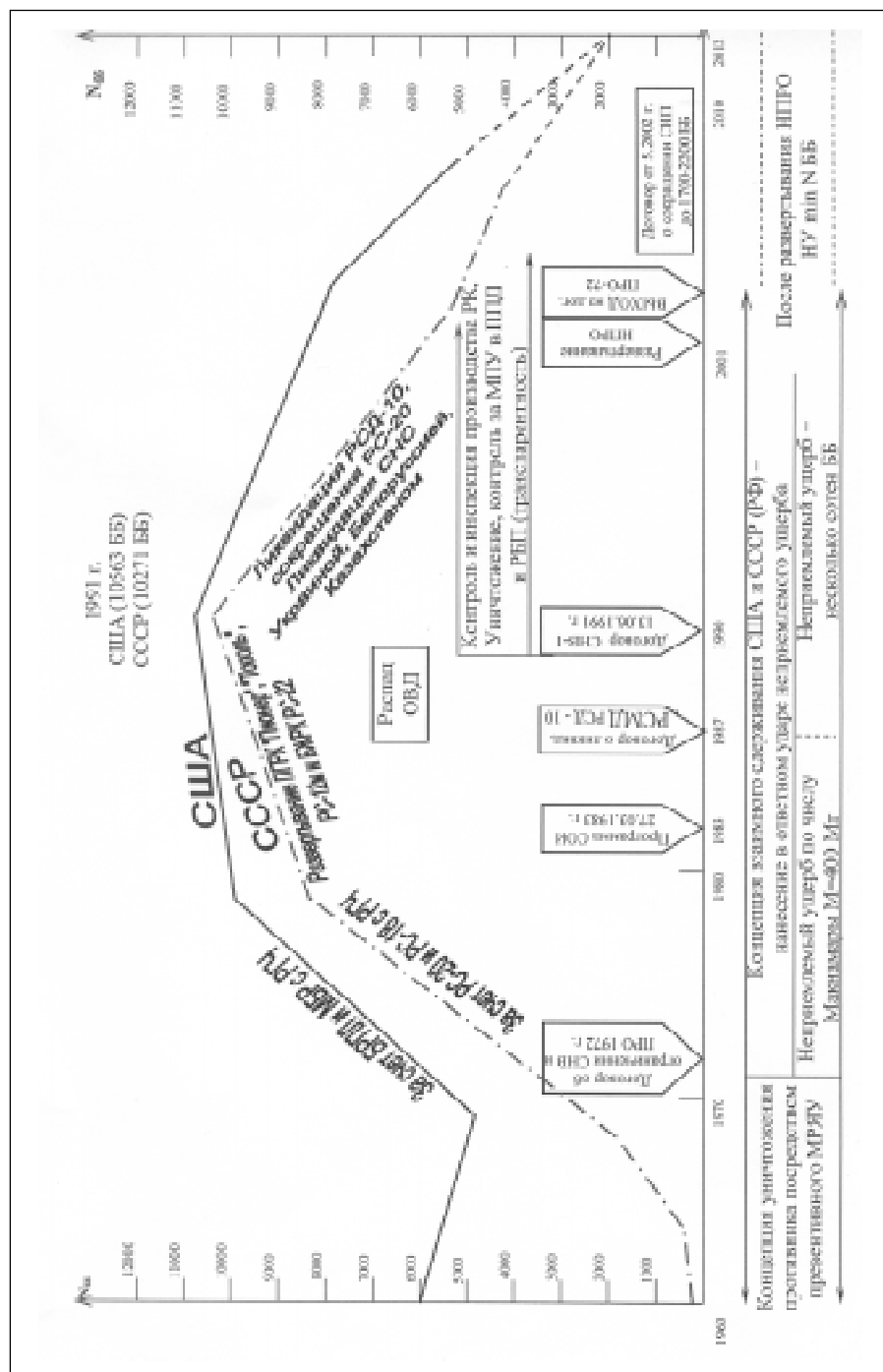

Рис. 1. Хроника изменения количества стратегических наступательных вооружений США и СССР (России) в условиях действия договоров

вого, что, в свою очередь, идеально реализовало бы принцип “оборонной достаточности”.

Вместе с тем, реальная и перспективная военно-стратегическая обстановка определяется существенными диспропорциями в соотношении этих потенциалов как внутри СНВ сторон, так и между ними.

Поэтому сочетание стратегического ядерного паритета и принципа “разумной достаточности” целесообразно видеть в том, что боевые возможности СНВ, обеспечивая решение задач сдерживания, не должны оцениваться одной стороной как угроза безнаказанной агрессии с другой стороны. Иными словами, боевые возможности каждой из сторон в упреждающем ударе должны быть ниже уровня, при котором противник лишается возможности нанести неприемлемый ущерб в результате ответных действий своими оставшимися силами, то есть утрачивает способность решать свою задачу сдерживания.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что, решая задачу сдерживания, необходимо оценить нижнюю и верхнюю количественную границу требований к СЯС.

Нижняя количественная граница требований к ним определяется их потребностью для сдерживания в условиях ответного удара, то есть после ядерного воздействия противника. Соображения равной безопасности и минимизации “контрсилового потенциала” (паритет сдерживания) определяет их верхнюю границу. Нижняя граница может быть определена исходя из следующих соображений.

Понятно, что до ядерного воздействия группировка может подвергнуться воздействию ВТО в неядерной войне, а в ходе любого вида РЯУ – еще и средствами противоракетной обороны противника. Таким образом, потреб-

ности СЯС для сдерживания определяются:

$$N_{\text{бб}}^{\text{сяс}} = N_{\text{бб}}^{\text{ну}} + N_{\text{бб}}^{\text{воо}} + N_{\text{бб}}^{\text{яв}} + N_{\text{бб}}^{\text{про}}, \quad (1.1)$$

где:

$N_{\text{бб}}^{\text{сяс}}$ – количество боевых блоков в составе СЯС, необходимое для выполнения задач сдерживания;

$N_{\text{бб}}^{\text{ну}}$ – количество ББ, необходимое для нанесения неприемлемого (заданного) ущерба;

$N_{\text{бб}}^{\text{воо}}$ – количество ББ, утраченных в ходе войны с применением обычного оружия, оценивается специалистами величиной в 20-30% от существующей группировки;

$N_{\text{бб}}^{\text{яв}}$ – потери ББ в ходе упреждающего РЯУ противника, которые, по мнению специалистов, могут составлять до 75% и более от существующей группировки;

$N_{\text{бб}}^{\text{про}}$ – потери ББ в случае развертывания системы ПРО (могут составлять несколько сотен блоков).

Анализ взглядов военных специалистов показывает, что в качестве показателей неприемлемого ущерба были приняты и существовали до конца XX в.:

1. Потери населения, превышающие 20–30% от общей численности с учетом возможностей гражданской обороны по их предотвращению;

2. Ущерб производственным мощностям промышленности, превышающий 60–70%;

3. Нарушение функционирования органов государственного управления страной, ставящее под угрозу целостность социально-политической структуры общества.

В настоящее время показатели неприемлемого ущерба необходимо пересматривать в связи с заключением договора о сокращении наступательных потенциалов (СНП), по которому до-

пускаемое количество ядерных боеприпасов было определено в количестве 1700–2200 единиц.

Стратегические ядерные силы (СЯС) должны гарантированно, то есть с высокой вероятностью иметь возможность нанести агрессору неприемлемый (заданный) ущерб в любых условиях обстановки.

“В любых условиях” – это значит, что в наиболее тяжелых условиях ответного удара, когда противник уже нанесет упреждающий удар, оставшаяся часть СЯС должна нанести ему неприемлемый ущерб.

Такой потенциал наших СЯС может сдержать агрессора от нападения на Россию.

Часто полагают, что СЯС смогут провести ответные действия в форме ответно-встречного удара (ОВУ).

Возможность ОВУ привлекательна тем, что потребует меньших сил в группировке СЯС.

Но обеспечить гарантированно пуск наших ракет в короткие сроки невозможно.

Действительно, для ПЛАРБ США, находящихся на дежурстве у берегов Норвегии, Японии, полетное время до центральных районов России составляет 10–12 мин., а до самых удаленных от границ объектов – 15–17.

За такой короткий промежуток времени принять решение, выполнить все необходимые операции по подготовке ракет и сам пуск – затруднительно, иначе говоря, не гарантировано.

В наземной составляющей стратегических ядерных сил в ответном ударе (ОУ) в основном смогут участвовать подвижные грунтовые ракетные комплексы – как наиболее живучие, а в морской составляющей СЯС – только ПЛАРБ, находящиеся на патрулировании в море.

Невысока будет эффективность ответного удара ракетами с шахтных пусковых установок (ШПУ), так как они будут подвержены поражению противником на боевых стартовых позициях (БСП), с вероятностью 0,9 одним боевым блоком.

Все это подтверждает, что для поддержания заданного ядерного потенциала сдерживания в СЯС России необходимо сохранять и наращивать группировку ПГРК типа “Тополь-М”, а также количество ПЛАРБ, способных находиться на боевом патрулировании.

Учитывая обстоятельства сохраняющейся избыточности ядерных и обычных вооружений, отказа ряда государств принять обязательства не применять первыми ядерное оружие, для решения задач сдерживания СЯС в диапазоне стратегического ядерного паритета необходимо выполнение двух принципиальных требований:

1. Сохранение стратегического паритета в необходимом диапазоне при последовательном понижении ядерного потенциала согласно заключенным договорам СНВ-1, СНВ-2.

2. Способность к адекватному наращиванию боевых возможностей СЯС при возрастании военной угрозы.

Диапазон взаимосвязанных и взаимозависимых понятий паритета и боевых возможностей СЯС определяет необходимость формулирования подходов и требований в новых условиях к фактическим возможностям СЯС по нанесению неприемлемого (заданного) ущерба противнику в конкретных условиях боевого применения.

Имеются в виду определенные возможности, заложенные в:

- организации СЯС,
- образцах вооружения и техники,
- формах и способах их боевого применения,
- способности противодействия противнику и т.п.

На основании изложенного материала имеется возможность сформулировать задачи СЯС по реализации концепции сдерживания.

Таковыми задачами в современных условиях являются:

1. Поддержание примерного стратегического паритета в форме потенциала ядерного сдерживания.

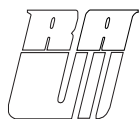
2. Обеспечение высокой боевой готовности СЯС к выполнению задач в мирное и военное время.

3. Обеспечение надежной защиты объектов СЯС от ударов противника.

4. Своевременное и гарантированное доведение боевых приказов на применение СЯС.

5. Гарантированное поражение военно-экономического потенциала противника для нанесения заданного ущерба.

В ближайшее десятилетие суверенитет и целостность России, ее территория, природные богатства от внешних посягательств могут быть защищены военными средствами, если будет сохранен ядерный потенциал сдерживания агрессора. Таким образом, приходим к выводу, что необходимо в первую очередь развивать СЯС таким путем, чтобы не был утрачен их потенциал сдерживания.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2007 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Формирование международного имиджа России

Юрий Бойко,

доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор

Проблема формирования международного имиджа страны в 90-е годы XX в. связана с тем, что именно в этот период Россия вступила на путь кардинального реформирования и создания открытого общества.

Характерной особенностью этого времени являлось информационное взаимодействие с глобальным мировым пространством, который определял развитие любого государства¹. Россия, как и ее союзники по социалистическому лагерю, в советский период развивалась по принципу “догоняющего соперничества”.

Значительное технологическое отставание и несбалансированная структура экономики страны привели к тому, что с наступлением эры реформ в своей новейшей истории Россия оказалась крайне зависима от характера экономико-технологического сотрудничества со странами-лидерами. Ища финансово-экономической помощи у мирового сообщества, Россия должна была убедить прежних соперников СССР, что, выступив правопреемницей советских международных обязательств, она, тем не менее, является совсем другим государством, достойным доверия и готовым принять западные ценности и принципы общения. Иначе говоря, благодаря существенно возросшим информационным возможностям предстояло перевернуть ментальный, культурологический, религиозный, историко-философский и иные пласты национального самосознания и международного общественного мнения.

Для формирования позитивного имиджа современной России потребовалось выработать комплекс принципов и методов организации взаимоотношений новых властных структур с мировым сообществом. Меры по созданию позитивного образа должны были удерживать на достаточно высоком уровне в сознании мировой общественности репутацию страны, сформировавшуюся исторически. Было важно,

чтобы имидж, преломляясь в комплексе прикладных программ и стратегий государства, опосредовал инвестиционную привлекательность страны, содействовал сотрудничеству деловых кругов, отстаиванию экономических и политических национальных интересов.

Имидж государства складывается из наиболее распространенных в мире суждений, мнений и впечатлений, касающихся этого государства. В совокупности они ста-

новятся базой для утверждения общих установок и стереотипов, дифференцирующих все страны мира согласно заданным влиятельными участниками международной жизни, хотя и в достаточной мере условным стандартам².

От России требовалось либо соответствовать этим стандартам, заданным лидерами глобализации, либо попытаться их скорректировать и предложить собственные. Последнее возможно только в том случае, если государство активно участвует в процессе построения нового международного порядка, продвигая свои критерии его устройства. Фактически, чтобы остаться среди творцов мировой политики, к которым Россия принадлежала с Петровских времен, страна должна была предложить миру новую версию мирового развития. Эта цель неизбежно требует от России создать собственное определение того, каким должен быть “справедливый мировой порядок” и на каких основаниях его следует строить.

Рассмотрим возможности России занимать позицию крупного актора на международной арене.

Конечно, для бывшей сверхдержавы, объединявшей в единых территориальных границах множество различных народов, важно декларировать наличие многовекового позитивного опыта межнационального и межконфессионального взаимодействия. Имидж страны, имеющей позитивный опыт совместного проживания народов, которые находились на разных ступенях этногенеза без опасности “столкновения цивилизаций”, столь волнующего современный западный мир, старательно поддерживали все российские реформаторы постсоветской эпохи.

Исследователи отмечают, что в истории Россия была единственной из европейских империй, построенной не по принципу “метрополия (национальное

ядро) – колониальные страны и зависимые территории (угнетенные нации)”.

Она была структурирована по принципу взаимовыгодного сосуществования народов на Восточно-европейской равнине³. Это наследие способствовало выстраиванию образа современной России как страны, сохранившей толерантность в межнациональных отношениях, причем, европейцы обратились к этому понятию только в XX в.

Отличительной характеристикой российского государственного устройства является наличие национальной составляющей. В России территориальное деление во многом предопределено национальным составом населения, веками компактно проживающим на данной территории (якуты, татары, ряд народов, населяющих Северный Кавказ). Это деление практически сохранилось при переходе от унитарного государства к федеративному в начале XX в.

В советский период властью декларировалось, что именно федеративная форма государственного устройства создает для таких народов наилучшие условия для сохранения национальных традиций, национальной культуры, обеспечивает им определенную степень самоуправления и даже некоторую независимость от центральной власти.

Распад СССР и образование независимой многонациональной Российской Федерации не изменили основ национальной политики внутри российского государства, но изменили расстановку сил Центр – регионы.

Роль, которую российская власть в 90-е годы XX в. стремилась играть на международной арене, наложила заметный отпечаток на взаимоотношения народов внутри страны. Довольно скоро стало понятно, что абсолютизация демократии, доведение этого принципа до абсурда, до бесконтрольности и вседозволенности слиш-

ком опасно для хрупкого российского федерализма. Право народов на самоопределение при этом оборачивается сепаратизмом, а снятие ограничений с прав человека и безграничная толерантность к индивидуальным потребностям – экстремизмом, религиозным радикализмом, расовой и национальной нетерпимостью.

Реализация любых институциональных преобразований в проблемных в национальном отношении регионах требует от Федерального центра выстраивать особые отношения с этими регионами, зачастую выходя за рамки формальных установок. Данная особенность российского федерализма требует учета специфики функционирования институтов власти в регионах с ярко выраженной национальной компонентой. С одной стороны, эти субъекты организованы по общим формальным правилам, с другой – взаимодействуют с Центром и федеральной элитой на основе собственных этнонациональных интересов, требующих понимания и уважения со стороны федеральных органов власти.

Включение России в систему мировых глобальных процессов потребовало, чтобы социально-экономическая концепция развития России как федеративного государства выстраивалась, исходя из ее двойственного положения как части глобальной экономики и пространства с обширной системой внутренних связей многочисленных и разнородных по развитию субъектов Федерации.

Провозглашение единой цели построения внутрифедеральных отношений на основе демократического стиля призвано было создать благоприятный настрой регионов на сотрудничество, сформировать позитивный имидж Федерального центра внутри страны и за рубежом.

В результате федерализм в постсоветской России строился в условиях подчеркнуто внимательного отношения центральной власти к этно-конфессиональным отношениям в субъектах Федерации. Толерантность в этом вопросе носила для России жизненно важный характер. Любые ошибки ставили под угрозу саму территориальную целостность страны. Это приучало к осторожности в межнациональных отношениях федеральную элиту, в том числе представителей внешнеполитического ведомства, состав которого на протяжении многих десятилетий формировался как многонациональный.

Строительство российского федерализма на демократической основе давало руководству страны основания надеяться на улучшение своего имиджа в глазах бывших союзников, оставленных, чтобы лучше выглядеть в глазах Запада, на произвол судьбы в сложные для страны годы “перестройки”. Не получив скорых позитивных плодов демократии, но потеряв свои позиции на международной арене, как одна из сверхдержав, Россия ощутила себя обманутой. Вначале осторожно, а затем все более уверенно она пыталась выступать от имени всех тех стран, положение которых заметно ухудшили глобализация и разрушение устоев прежнего мирового порядка.

Уравновесить центры силы многополюсного мира, выступить в роли балансира или в качестве инструмента преодоления неизбежных противоречий в мировом масштабе, должна была новая идеология, оправдывающая противостояние. Имиджу “мирового полицейского” мог быть противопоставлен некий более привлекательный для мирового общественного мнения имидж, например, сторонника “открытой дискуссии на трибунах универсальных международных организаций”.

Примерами нового разделения человечества на основании идеологических формул могут служить такие тезисы, как *“столкновение цивилизаций”*, *“развитые и развивающиеся страны”*, *“золотой миллиард и все остальное человечество”*, *“богатый Север и бедный Юг”*, *“дуга нестабильности”*, *“террористический интернационал”*, *“сырьевые придатки”* и т.п.

Постепенно они закрепляются в современной политической лексике. Ряд стран интегрирует эти тезисы в свою официальную идеологию.

Все более очевидным становилось то, что международный имидж государства, опирающийся на идеологию близкую к западной, мог стать инструментом решения в свою пользу разнообразных проблемных ситуаций, возникающих при проведении внешней политики. Главным внешнеполитическим козырем России в первые годы независимости оставалось постоянное членство в Совете Безопасности ООН и наличие ядерного потенциала *“сдерживания”*. В то время, когда западные страны, преимущественно члены НАТО, пренебрегали мнением ООН (считая эту организацию устаревшей, относящейся к формату биполярного мира, слишком обюрокраченной и неповоротливой), Россия выступила непреклонным адвокатом сохранения норм международного права, отмечая, что отказ от них чреват анархией и самоуправством, а ООН на деле *“содействует большей слаженности, взаимодополняемости и координации решений на глобальном уровне экономических вопросов и вопросов развития”*⁴.

Особенно международный имидж России проявлялся в ее сотрудничестве с международными организациями.

В свое время развитие внешнеполитической мысли подтолкнуло междуна-

родное сообщество к наиболее действенным шагам по преодолению постоянной конфликтности и связанной с ней нестабильности международных отношений. В результате в XX в. были приняты комплексные институционально-нормативные меры.

После первого общемирового военного конфликта ведущие государства мира ощутили необходимость создания *“переговорных площадок”* для мирного урегулирования противоречий, выразившуюся в учреждении влиятельных международных организаций (Лиги Наций, затем ООН, ВТО, НАТО, ЕС).

Обсуждение международных проблем в многостороннем формате позволило установить универсальные нормы международного права, выработанные на основе многолетнего опыта общения большинством государств на основе консенсуса⁵.

Эта роль сторонницы *“справедливого”* разрешения международных споров с каждым годом более эффективно исполнялась Россией. Заметные перемены произошли после прихода во власть в качестве Президента В.В.Путина. Благоприятная экономическая конъюнктура позволила новому президенту уже к началу своего второго срока погасить долги России международным финансовым организациям и даже продолжить списание больших задолженностей странам *“третьего”* мира, выступить с позиций понимания их проблем. Конечно, вернуть прежние позиции советской дипломатии в качестве главного адвоката нужд развивающихся государств, роль которого взяла на себя КНР, Россия не могла, да и не ставила перед собой такой задачи. Однако воспользоваться частью прежних советских *“наработок”* в странах *“третьего”* мира, особенно тех, что были дружественно настроены и получали ранее советскую помощь, определенно удалось.

Образ действий США на мировой арене и распространение разного рода антиглобалистских движений породили тенденцию к сближению на антиамериканских позициях арабских стран, некоторых латиноамериканских и ближневосточных государств, вполне лояльно относящихся к сотрудничеству с Россией.

Многонациональный и многоконфессиональный состав субъектов Российской Федерации сыграл в этом определенную роль.

Исходя из вышеуказанного, можно утверждать, что для улучшения междunarодного имиджа России в новом столетии имеются благоприятные условия.

Однако, несмотря на переход Российской Федерации к демократическим и рыночным реформам, в странах западного мира Россия по-прежнему отождествлялась с образом “врага”. Это происходило не только оттого, что внутри российского общества отсутствовала консолидированная позиция по перспективам и целям развития страны. Это было внешним проявлением глубинных опасений Запада в отношении потенциала российского бизнеса, в отношении культурно-идеологических и военно-политических планов России на постсоветском пространстве, в СНГ, странах Ближнего и Дальнего Востока, в Черноморском, Балтийском и Кавказском регионах⁶.

Чтобы убедиться в этом, достаточно непредвзято проанализировать материалы иностранных информационных агентств за последние полтора десятилетия.

России приписывали хорошо знакомую по советской истории роль возрождающейся “империи зла”, способной поддерживать и сплотить на антизападной основе международные деструктивные силы; лояльной к наркотранзиту в Европу и мировому криминалету; способной из корысти торговать оружием; содействовать странам, нарушающим режим нераспространения ядерного оружия, и т.п.

Сомнительный имидж очевидно вредит России, которая несет из-за это-

го экономические убытки, не получает необходимых инвестиций, не имеет доступа к новейшим технологиям.

В 2004 г., с началом второго президентского срока В.В.Путина, руководством страны была впервые предложена программа действий по изменению сложившейся ситуации и целенаправленному формированию положительного имиджа России в мире.

Формулировку имиджевой стратегии взяло на себя государство как главный заинтересованный субъект.

Показательно, что это имело значение и для внутривполитической жизни страны. Общество зашло в тупик, пытаясь найти некую “русскую идею”, способную заменить прежнюю советскую идеологию и стать вдохновляющим стимулом деятельности на благо своей родины.

Объяснение внешнему миру, что собой представляет наша страна, каковы ее цели и роль в мировой истории, что позитивного может предложить Россия международному сообществу, должно было помочь самим россиянам увидеть свою страну в другом качестве. Работа над улучшением имиджа федеративного объединения должна способствовать внутреннему единству входящих в него народов, утверждать их в мысли общности исторической судьбы, мобилизовать на совместное противодействие общим внешним вызовам и угрозам, на объединение усилий и ресурсов для развития единого экономического потенциала, создания равных условий для развития всех регионов, улучшения условий жизни всех российских граждан. Внешняя среда стимулирует национально-государственную самоидентификацию россиян, позволяет определить границы “российского мира”, а также выявить подлинно национальные интересы и разработать кон-

кретную политику, обеспечивающую реализацию оптимальной внешней стратегии.

Все это крайне необходимо для комплексного формирования такой тонкой структуры, как международный имидж государства.

Благоприятное впечатление о стране складывается гораздо легче, если в работе над имиджем принимают участие не только федеральные структуры, но и все субъекты Федерации.

Климат взаимной симпатии и доверия помогает взаимовыгодному сотрудничеству и в целом влияет на имидж России в соседних странах – он формируется за счет взаимовыгодного приграничного экономического сотрудничества, создания взаимных предпочтений деловым структурам, научных и образовательных обменов, привлечения локальных СМИ, культурного сотрудничества и совместных экологических проектов, а также обмена опытом организации работы муниципальных властей, местных законодательных собраний, правоохранительных и судебных органов.

Среди субъектов Федерации, наиболее активно сотрудничающих с зарубежными странами, следует назвать Москву и Санкт-Петербург, Ленинградскую, Тюменскую, Читинскую и Калининградскую области, Хабаровский, Краснодарский и Красноярский края, Карелию и ряд других.

Решая указанные задачи, Россия получает возможность пропагандировать свою политику, экономические проекты и культуру на международной арене, отстаивать свои интересы и противодействовать появлению искаженных представлений о целях тех или иных своих политических шагов внутри страны и за рубежом. Это позволяет также перейти к результативному стратегическому диалогу с основными государствами Запада и Востока.

Позитивный имидж российского федерального демократического государства позволяет сформировать устойчивую морально-психологическую среду, благоприятную для всесторонней интеграции страны в глобальное мировое пространство, обеспечения ей достойного места в структуре развития мирохозяйственных и политических взаимоотношений и адекватной имеющемуся потенциалу роли в создании нового мирового порядка.

В 2006 г. были активизированы усилия по созданию современных информационных каналов российских СМИ за рубежом, которые позволяли благоприятно воздействовать на международный имидж России.

Например, "РИА Новости" открыло новый офис в Пекине, а англоязычный спутниковый телеканал "Russia Today", созданный в декабре 2005 г., расширил сеть своих иностранных бюро.

Все российские СМИ за рубежом развивают тематику демократического федерализма, стремятся выгодно осветить ситуацию в российских регионах, делая акцент на многоконфессиональность и многонациональность страны.

Информация об успехах межрегиональной интеграции внутри РФ особенно важна для постсоветских республик. Работа российских властей в этом направлении пока не может быть признана удовлетворительной. Несмотря на то, что страны СНГ в Концепции внешней политики РФ официально объявлены приоритетным субъектом сотрудничества, по объему информационного освещения они занимают лишь пятое место в российских СМИ.

В последние годы постепенно ограничивается деятельность специализированной межгосударственной телекомпании "Мир".

Имидж страны зависит и от того, насколько последовательно она готова отстаивать интересы своих соотечественников, оказавшихся в ближнем и

дальнем зарубежье. Среди них – выходцы из различных национальных республик, включая чеченских беженцев, представители ненациональных субъектов Федерации, включая обучающихся за рубежом студентов, работающих по долгосрочным контрактам специалистов, спортсменов, выехавших на родину мужей “русских жен” и т.д.

Стратегическая поддержка соотечественников была объявлена в 2006 г. одной из важнейших составляющих внешней политики России. Однако до сих пор не преодолен “информационный вакуум”, созданный вокруг наших соотечественников в некоторых странах мира. Это вредит имиджу России и нуждается в доработке.

Россия, заботясь об эффективном информационном обеспечении своего внешнеполитического курса, может добиваться поставленных целей – формировать в мировом общественном мнении свой образ как крупного актора мировой политики, четко осознающего свои государственные интересы и способного их отстаивать. При этом, выступая как территориально крупное демократическое по политическому укладу и федеративное по административному устройству государство с разветвленной сетью региональных интересов, с разнообразным по этническому составу и вероисповеданию населением, Российская Федерация способна эффективно участвовать в формировании нового мирового порядка и глобальном управлении. Для этого имеются достаточные ресурсы, политическая воля и позитивная репутация России как участницы большинства влиятельных невоенных международных организаций.

Примечания

- ¹ Бажанов Е.П. Россия как великая держава (традиции и перспективы). М.: Научная книга, 1999. С. 26–28.
- ² Бэттлер А. Контуры мира в первой половине XXI в. и чуть далее // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 80.
- ³ Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 56.
- ⁴ ООН. ГА. А/56/445. Роль ООН в поощрении развития в условиях глобализации и взаимозависимости. Доклад Генерального секретаря. 5 October 2001, параграф 6.
- ⁵ Примаков Е.М. Россия и международные отношения в условиях глобализации // Международная жизнь. 2001. № 3. С. 6.
- ⁶ Cooper L. Russia and the World: New State-of-Play on the International Stage. Basingstoke^ Macmillan, 1999.

Новый порядок для современного мира

Сергей Конопатов,
кандидат военных наук,
капитан I ранга

Что такое порядок? Это слово имеет много значений. Если говорить о порядке социальном, то это означает совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение субъектов социума и их взаимоотношения. Международный порядок подразумевает принципы, нормы и институты, регулирующие поведение и взаимоотношения субъектов международных отношений, прежде всего государств. Можно также говорить о строгом или анархичном, стабильном или нестабильном, либеральном или авторитарном, справедливом или несправедливом международном порядке. Но он в принципе всегда существует. В прежние века этот порядок был в основном региональным. Ныне, в силу развития процессов глобализации международный порядок приобретает общемировой характер.

Как известно, для стабильного мирового порядка требуется баланс сил.

В случае его нарушения у более сильной стороны растут амбиции. В результате появляется более широкий круг далеко идущих интересов. Однако нормы и принципы мирового порядка, сложившегося при ином раскладе сил, мешают мощной державе использовать право силы для реализации своих интересов.

Ранее в таких ситуациях начинались войны, в результате которых происходил переход к новому мировому порядку.

Например, Вестфальский мировой порядок 1648 г. возник в результате 30-летней войны в Европе.

Версальский миропорядок (1918–1939 гг.) появился после Первой мировой,

наконец, Ялтинско-Потсдамский (1945–1991 гг.) стал итогом Второй мировой войны.

Однако не факт, что начавшая войну сторона может получить преимущества и сможет реализовать свои амбиции. Это обстоятельство подтверждено историей.

Так, и Первая, и Вторая мировые войны начинались в Европе европейскими странами за передел прежде всего европейского мира. Однако в результате все они оказались в проигрыше, а выгоды и преимущества от войн, причем огромные, получили в основном США.

Развал СССР в 1991 г. привел к значительной разбалансировке сил в мире. При этом сильная сторона – США почувствовала возможность установления своего, американского Нового по-

рядка – глобальной мир-империи “*Rex Americana*” и пытается реализовать эту возможность.

Поэтому в современном мире происходит процесс слома Ялтинско-Потсдамского мира, но с применением маскирующих идей и концепций.

Ныне этот процесс является ведущим, определяющим международные отношения. Это объясняет многие характерные черты современной ситуации: попытки дискредитировать ООН, принизить роль СССР в разгроме фашизма, реабилитировать фашистов и фашизм, превратить освободителей в “оккупантов”, а фашистские концлагеря в исправительно-трудовые лагеря, борьба с памятниками советским воинам и т.д.

Этой же цели служит формирование нового санитарного кордона из стран лимитрофов по западным границам России и планы размещения элементов американской ПРО в Европе.

Сегодня ведущие американские политики и самые солидные издания – “Уолл-стрит джорнэл”, “Нью-Йорк таймс” и др. говорят о США как об империи, имперском бремени США, об имперском мышлении и т.д.

Идея империи “стала лейтмотивом редакционных статей и общим мнением специалистов на страницах американских газет”. “Даже самые осторожные среди американцев отошли от прежних эвфемизмов типа превосходство, доминирование и пришли к такому определению места своей страны в мире: империя”¹.

Поскольку политической мысли и политике США свойственна преемственность, идеи глобальной империи и соответствующего “Нового мирового порядка” возникли не на пустом месте. США теоретически и практически ныне пытаются реализовать глобальные задачи, сформулированные еще на этапе формирования этого государства.

Основой концепции американской глобальной миссии являются идеи “избранности”, “предопределенности судьбы”, их определение США как “земли обетованной”.

Идея “предназначения”, отождествлявшая территориальную экспансию США с волей бога, являлась и остается основой их политики.

Воплощали в жизнь эти идеи сначала “отцы-пилигримы”, пришедшие из “Старого света” и захватившие просторы нового континента. Затем “отцы-основатели” заявляли о “мессианском характере” американской революции и “уникальности” американской демократии.

Эволюция их экспансионистских взглядов просматривается в геополитических концепциях Монро, Мэхэна, Спайкмена, в доктринах “открытых дверей” и “подвижных границ”, и, наконец, в вильсоновском универсализме, отождествлявшем интересы американского экспансионизма с универсальными интересами человечества.

В 1823 г. президент США Дж.Монро в послании конгрессу провозгласил новую геополитическую доктрину – “*доктрину Монро*”. “Американские континенты, – заявил он в послании конгрессу, – в настоящее время не могут рассматриваться как объекты для будущей колонизации какой-либо державой”.

Любую попытку вмешательства европейских государств в дела стран американского континента “США отныне будут рассматривать как враждебный по отношению к ним политический акт”.

Провозглашением доктрины Монро США присвоили себе право “охранять” Американский континент, а по существу вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских государств, превращая их в свои протектораты. Именно под флагом доктрины Монро

на протяжении XIX в. осуществлялась экономическая, политическая и военная экспансия США на Американском континенте.

Первая мировая война значительно усилила США.

Вступив в нее лишь в апреле 1917 г., они в полной мере использовали преимущества нейтралитета для быстрого экономического развития за счет удовлетворения спроса на вооружение, военную технику, боеприпасы и другие предметы снабжения войск.

В начале войны США имели внешнюю задолженность в среднем 7,2 млрд. долл., а в конце превратились в крупнейшего кредитора.

Военные долги союзников Америке за ее поставки составили 9,5 млрд. долл.

США уже тогда обладали заграничными капиталовложениями в размере 7 млрд. долл.

Национальное богатство за годы войны (1914–1918 гг.) увеличилось в 2,5 раза, а запасы золота достигли половины мировых.

Усиление США прямо отразилось на их геополитических амбициях. Уже 22 января 1917 г. на Версальской мирной конференции президент В. Вильсон заявил, что доктрина Монро является универсальным принципом для всего мира: “Мы собрались здесь для того, чтобы освятить доктрину Монро как святую хартию, устав для всего мира”.

Дальнейшее распространение гегемонии США связано со Второй мировой войной. В результате войны были ослаблены основные геополитические соперники США Германия и Япония. Англия из соперника превратилась в младшего партнера.

Кроме того, США стали обладать 75% мировых золотых запасов; доллар США превратился в мировую резервную валюту, США стали мировым банкиром, а их экономика составила более 40% от мировой.

К 1945 г. Вашингтону стало очевидно, что для утверждения своей гегемонии в мире ему необходима способность заставлять другие государства следовать определенной Америкой политике “открытых дверей”, а также наказывать и изолировать государства, которые отказывались следовать этой политике.

Утверждению такой гегемонии мешал Советский Союз, вышедший из Второй мировой войны политической сверхдержавой, обладавшей огромным авторитетом в мире.

Отсюда вытекает необходимость “холодной” войны, целями которой, в соответствии с важнейшим документом “холодной” войны – Меморандумом Совета Национальной Безопасности № 68 (NSC-68) 1950 г., были:

1. Предотвращение консолидации геополитического пространства Евразии под господством какой-либо иной силы, кроме США.

2. Разрушение и расчленение СССР как державы, занимающей ключевую позицию в сердцевине Евразии; постоянное расчленение этого пространства для предотвращения нежелательной консолидации, которая в будущем может стать враждебной американской политике “открытых дверей”.

3. Установление постоянного политического и военного присутствия Америки на европейском континенте, распространение на него доктрины Монро. Посредством этого США, помимо своей роли морской супердержавы, хотели бы превратиться в континентальную супердержаву.

4. Установление режима “решительного перевеса сил” США в Евразии, то есть американской гегемонии над ней, а, следовательно – и над всем миром.

Задача разрушения СССР была решена руками “пятой колонны” в высшем эшелоне руководства СССР.

Соответственно, если в конце Второй мировой войны президент Ф.Д.Рузвельт заявлял, что новая американская граница проходит по Рейну, то после развала СССР американская администрация проводит американскую границу уже в глубине исторической России.

Внешнеполитическая карта мира, приведенная в журнале “Форин Аффферс” (1993 г., № 3), показывает значительную часть бывшего СССР (страны Балтии, Украина, Белоруссия, Молдавия, весь Кавказ) в сфере доктрины Монро.

Выйдя после разрушения СССР на позиции единственной сверхдержавы, США пытаются форсировать установление в мире *Pax Americana*.

Почему они торопятся?

США находятся на пике своего военно-политического могущества. В силу, прежде всего, экономических причин. Но могущество не вечно. Оно довольно быстро ослабевает. В связи с этим США спешат. *Pax Americana* явился бы логическим завершением реализуемого Америкой уже более 150 лет тезиса Фр.Тернера о “подвижных границах”

Какова же концепция американского нового мирового порядка в настоящее время?

1. В основе Нового мирового порядка лежат экономические причины. Прежде всего, он предусматривает укрепление и стабилизацию американского экономического доминирования в мире. Его основой является американский доллар как безальтернативная мировая резервная валюта, что позволяет США управлять макроэкономическими процессами в мире и получать от этого большие экономические и политические преимущества.

2. Новый мировой порядок означает способность США управлять всем миром. Соответственно, необходимо

кардинальное повышение “веса” США в международных отношениях.

Этот принцип официально отражен в “Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов”². Основная идея документа – Америка обладает беспрецедентным могуществом, призвана формировать международный порядок и обеспечивать его соблюдение. Согласно стратегии:

– США не допустят, чтобы их военному превосходству был брошен вызов;

– США имеют право проводить “упреждающие” действия против других государств. Если будет решено, что государство представляет потенциальную угрозу Америке или укрывает группу, представляющую такую угрозу, то США будут превентивно воздействовать на соответствующее государство для ликвидации угрозы, если необходимо, то и путем “смены режима”.

Если в прошлом, неоднократно осуществляя интервенции в различные страны, они стремились оправдать свои действия юридически, то ныне силовой баланс в мире нарушен, и США ставят себя над международным правом. Они официально отвергают обязательность для себя таких его устоев, как принцип нерушимости суверенитетов, невмешательства во внутренние дела других стран, неприменения силы и др.

Известный американский политолог Р.Коэн отмечает, что администрация Буша “рвет на куски международное право и обычаи”³.

Это демонстрирует история уничтожения Югославии, война в Ираке, “цветные революции” на постсоветском пространстве, недавнее (апрель 2007 г.) решение конгресса США влиять на выборы в России и о выделении средств на это.

3. Использование США военной и экономической силы для поощрения “свободных и открытых обществ”, а

фактически – для управления политическими процессами в других государствах.

4. Новый мировой порядок предполагает разрушение морали и нравственности, патриотизма. Отсюда пропаганда идеологии постмодернизма, массовой “культуры”, пропаганда и легитимация аморальных “меньшинств”, дискредитация традиционных религий и пр.

Все это направлено на духовное подчинение народов.

5. Однополюсная система мироустройства слаба и неустойчива по сути. Поэтому система мироустройства, фактически являясь однополюсной, должна быть виртуально двухполюсной⁴.

Соответственно, США остро заинтересованы в противостоящем всему миру втором, виртуальном полюсе; стабильность мир-империи возможна только на основе постоянной войны с “полюсом зла”, которая не может быть без крови и лишений (это, прежде всего теракты, в том числе и обязательно с использованием оружия массового поражения и масштабных техногенных и иных катастроф).

На этом костяке настоящего и виртуального зла пропагандой должен создаваться образ мощного и коварного всемирного зла, легитимирующего мир-империю как единственно реального “борца” с этим злом. Поэтому, всячески пропагандируя свою “борьбу” со злом, США фактически интен-

сивно создавали и создают его.

6. “Кирпичиками” порядка в здании мир-империи должны быть формально независимые государства. Иначе невозможно упорядочить весь мир в сколько-нибудь управляемую, полезную для США структуру.

Упорядоченность мира в рамках формально независимых государств позволит им не только не отвечать за порядок во всем мире, но и использовать противоречия между государствами в своих целях, то есть реализовать необходимый в глобальных масштабах мир-империи имперский принцип Древнего Рима “*divide et impera*” (разделяй и властвуй).

7. В Новом мировом порядке России нет места.

Она должна быть расчленена на ряд марионеточных враждующих между собой государств для “изоляции” ее ресурсного потенциала от основных геополитических соперников США – Евросоюза, Китая и Японии. А до достижения этого должна инспирироваться конфронтация России с этими соперниками.

Россия по возможности должна быть блокирована от этих соперников США.

Например, от Европы за счет создания Черноморо-Балтийского кордона из стран-лимитрофов.

8. Новый мировой порядок представляет прямую угрозу мусульманской и другим цивилизациям.

Таким образом, наблюдается уже более чем вековое стремление США к установлению своего Нового мирового порядка.

В этом порядке за маской пропагандируемых и необходимых миру общих норм международного права скрывается не что иное, как система американского империализма. Этот порядок, основанный на виртуально однополюсной модели мира, не сулит миру ничего хорошего.

В связи с этим в современном мире представляется правильным курс на: сохранение международных отношений, основанных на соглашениях в Ялте и Потсдаме как более справедливых, чем американская гегемония, основанная на глобальном обмане, моральной деградации и перманентных конфликтах.

Многополюсный мир – означает сохранение принципа равноправия в международных отношениях, уважения суверенитета всех государств мира.

Примечания

¹ Уткин А.И. Американская империя. М.: ЭКСМО, 2003. С.15.

² The National Security Strategy of the United States of America. Affirmed by President G.Bush 17.09.2002. <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf>.

³ Washington Post. 2002. Sept. 26.

⁴ Конопатов С.Н. Военно-политическая ситуация в современном мире: истоки, состояние, перспективы. Монография. М.: КомКнига, 2005.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Судьба ДОВСЕ

Почему Договор не стал краеугольным камнем европейской безопасности?

Николай Извеков*,

Вице-президент Внешнеполитической ассоциации

14 июля 2007 г. был опубликован Указ Президента России “О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров” (ДОВСЕ). Этот шаг был мотивирован исключительными обстоятельствами, относящимися к содержанию ДОВСЕ, которые затрагивают безопасность Российской Федерации и требуют принятия с ее стороны безотлагательных мер.

Правовой основой этого явилась ст. XIX Договора, в которой предусматривались возможности выхода из него для государств-участников при определенных неблагоприятных для них обстоятельствах.

Таким образом, можно констатировать, что приостановка действия ДОВСЕ для России, которая до сих пор строго его выполняла, была сугубо вынужденной мерой, продиктованной заботой о безопасности страны.

Однако, чтобы выявить подлинные причины нынешней ситуации вокруг Договора, необходимо обратиться к истокам, то есть проследить как она развивалась в предыдущие годы, начиная со времени его подписания.

Как известно, Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан 19 ноября 1990 г. в Париже, хотя переговоры по проблеме сокращения обычных вооружений велись в Вене. Документ подписали 16 стран-членов НАТО и 6 государств-членов ОВД. По условиям Договора предусматривались сокращения с последующим установлением потолков (лими-

тов) для каждого из военно-политических союзов в Европе по пяти видам обычных вооружений, имеющих наступательных характер.

Таковыми *были* признаны боевые танки, боевые бронированные машины, артиллерийские орудия калибром от 100 мм и выше, боевые самолеты (бомбардировщики, штурмовики и истребители), ударные вертолеты.

* В 1989–1991 гг. автор был заведующим отделом Управления по проблемам ограничения вооружений и разоружения МИД СССР.

Для каждого из военных блоков были определены следующие итоговые лимиты вооружений.

Они были следующими: боевые танки – 20 тыс., боевые бронированные машины (ББМ) – 30 тыс., артиллерийские системы – 20 тыс., боевые самолеты – 6,8 тыс., ударные вертолеты – 2 тыс.

В тексте ДОВСЕ были очерчены границы района его применения, которые охватывали почти все страны Западной, Центральной и Восточной Европы, включая практически всю европейскую часть Советского Союза.

Был предусмотрен механизм контроля за выполнением Договора и создан постоянно действующий орган – Совместная консультативная группа (СКГ), размещившаяся в Вене.

Договор позволил тогда приступить к уменьшению уровня военного противостояния и существенно сократить военные потенциалы двух военных союзов. Были созданы условия для обеспечения прозрачности военной деятельности и повышения степени доверия на Европейском континенте.

Но очень скоро наступил период “геополитической перетряски”, затронувшей в основном восток Европы. К моменту, когда ДОВСЕ, после ратификации всеми участниками вступил в силу (1992 г.), перестала существовать Организация Варшавского Договора (ОВД) и распался Советский Союз.

Таким образом, блоковые принципы ДОВСЕ рухнули. В результате объединения Германии, которое произошло накануне подписания ДОВСЕ, территория бывшей ГДР была включена в НАТО. Позднее вступили в НАТО бывшие члены ОВД – Венгрия, Польша, Чехия, что еще больше усилило дисбаланс в военных силах на Европейском континенте.

В итоге Россия оказалась наиболее проигравшей стороной.

Наши лучшие по техническому оснащению и уровню боевой подготовки группы войск в Германии, Венгрии, Польши были выведены и расформированы. Ударные группировки войск первого эшелона также были утрачены на территории Прибалтики, на Украине, в Закавказье. Наконец, огромное количество боевой техники, выведенной из европейской части, было брошено ржаветь за Уралом.

Иными словами, обстоятельства, непосредственно связанные с содержанием ДОВСЕ, изменились настолько, что мог вполне быть применен известный принцип международного договорного права – *“rebus sic stantibus”* (неизменность обстоятельств). Он, обычно, трактуется так, договор действует до пор, пока сохраняются обстоятельства, существовавшие на момент его заключения. Это означало, что Договор должен быть отменен, либо изменен.

Но понятно, что руководство альянса оказалось заинтересованным в сохранении ДОВСЕ в первоначальном виде.

Только усилиями российских военных и дипломатов удалось добиться того, чтобы представители государств-участников ДОВСЕ сели за стол переговоров с целью выработать модифицированный вариант Договора, более соответствующий изменившимся условиям.

После довольно долгих и жестких переговоров в таком формате к концу 1999 г. удалось достичь ряда договоренностей, которые устраивали обе стороны. Суть их сводилась к следующему:

– зафиксирован отказ от группового (блокового) подхода и переход на принцип ограничения вооружений для каждого государства-участника (национальные уровни);

– Россия получила возможность изменить в сторону сокращения свои фланговые (южную и северную) зоны;

– Россия смогла осуществить временное развертывание на территории Грузии вооружений и военной техники в интересах проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе.

В свою очередь, страны НАТО обязались соблюдать национальные уровни вооружений и не наращивать на территории государств НАТО группировки войск, а также принять меры по охвату договором новых членов альянса.

Можно сказать, что в целом достигнутые тогда договоренности отвечали интересам России и должны рассматриваться как успех нашей дипломатии. В ноябре 1999 г. во время проведения конференции государств-участников ДОВСЕ в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Это Соглашение должно быть ратифицировано государствами-участниками, его подписавшими. Но как раз в этом вопросе и возникла проблема. Ее суть заключается в следующем.

Уже после подписания Соглашения об адаптации ДОВСЕ, геополитическая ситуация на востоке Европы продолжала изменяться не в пользу России. Бывшие ранее в составе ОВД страны – Болгария, Румыния, Словакия, а также бывшие союзные республики Прибалтики – присоединились к НАТО. Разумеется, это также отрицательно повлияло на баланс сил на Европейском континенте.

Свое намерение вступить в альянс продекларировали Грузия, Азербайджан, а также Украина, хотя большинство ее жителей не разделяет подобных устремлений. Кроме того, намечается передислокация дальше на восток американских военных баз и объектов на

новые стратегические позиции на территории Болгарии и Румынии.

Очевидно, в таких условиях руководство НАТО посчитало для себя невыгодным ратификацию адаптированного ДОВСЕ.

Поэтому натовцы стали прибегать к надуманным предложениям с тем, чтобы оправдать “задержку” с его ратификацией. С этой целью со стороны НАТО активно попытались использовать требование о выводе российских войск с территории Грузии и Приднестровской Молдавской Республики, хотя этот вопрос совершенно не был связан с Договором.

Естественно, такое положение нанесло ущерб интересам России, способствуя подрыву ее безопасности. Более того, поведение государств НАТО, по сути дела, противоречило основополагающему принципу ДОВСЕ – “обеспечению равной и одинаковой безопасности”. В его ратифицированном тексте это важное положение записано в следующей редакции: “настоящий Договор не имеет целью оказать отрицательное воздействие на интересы безопасности любого государства”.

Тем не менее, на протяжении нескольких лет Россия предпринимала неоднократные усилия для того, чтобы Соглашение об адаптации ДОВСЕ вступило в силу после ратификации его всеми государствами-участниками Договора.

Так, Россия, стремясь подать пример странам НАТО, ратифицировала модифицированный вариант. Но ее примеру последовали лишь Казахстан и Украина (Белоруссия ратифицировала Соглашение об адаптации самой первой).

Однако государства НАТО остались “сидеть все в той же твердокаменной позиции” отказа от ратификации Соглашения об адаптации. Именно эта

позиция стран-участниц альянса не позволила достичь каких-либо результатов на прошедшей в середине 2006 г. 3-й конференции по обзору действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

При завершении этой конференции российский представитель сделал следующее заявление: "Попытки использовать заинтересованность России в сохранении и совершенствовании режима ДОВСЕ в качестве средства давления на нее по не относящимся к Договору вопросам абсолютно контрпродуктивны. Россия заинтересована в этом режиме в той же степени, что и другие его участники – не меньше, но и не больше. С учетом нежелания стран НАТО вести дело к запуску процесса ратификации Соглашения об адаптации Российская Федерация намерена провести всеобъемлющий анализ существующей ситуации... О результатах этого анализа государства-участники ДОВСЕ будут проинформированы".

По существу это заявление представляло собой слегка завуалированное и выраженное традиционным дипломатическим языком предупреждение в адрес натовских государств. Но тогда они почему-то предпочли пропустить мимо ушей и не приняли во внимание этот достаточно серьезный сигнал о том, что Россия готовится пересмотреть свою позицию в отношении ДОВСЕ.

Момент истины вокруг вопроса о будущем ДОВСЕ наступил в 2007 г. 26 апреля Президент России в Послании Федеральному Собранию подчеркнул целесообразность в случае отсутствия прогресса в переговорах с партнерами по Договору объявить мораторий на исполнение Россией обязательств по Договору об обычных вооруженных силах в Европе.

Следуя принципу поиска конструктивного выхода из создавшегося положения, во второй половине мая 2007 г.

в рамках Совета Россия-НАТО были проведены консультации по вопросу о ДОВСЕ, которые не привели к каким-либо результатам. Затем в контексте реализации своей инициативы от 28 мая 2007 г. Россия обратилась к депозитарию ДОВСЕ – правительству Нидерландов с призывом созвать 12–15 июня 2007 г. в Вене чрезвычайную конференцию государств-участников Договора.

Это предложение основывалось на ст. XXI (п. 2) данного документа, которая предусматривала такую возможность в случае, если государство-участник сочтет, что возникли исключительные обстоятельства, влияющие на действие Договора. Конференция для рассмотрения этих обстоятельств, как сказано в тексте Договора, должна быть созвана через 15 дней после получения просьбы депозитарием.

В ходе чрезвычайной конференции государств-участников ДОВСЕ Россия конкретно изложила суть ряда относящихся к Договору обстоятельств, которые на деле подрывают жизнеспособность Договора. Они описаны в позиционном документе, представленном российской делегацией и выглядят следующим образом:

1. Уклонение Республики Болгарии, Венгерской Республики, Республики Польша, Румынии, Словацкой Республики, Чешской Республики от оформления изменений в составе групп государств в связи с их присоединением к Вашингтонскому договору 1949 г. (Североатлантическому союзу – НАТО).

Действительно, это выглядит странно, почему ни одно из государств, присоединившихся к НАТО, не заявило о своем желании перейти из "восточной" в "западную" группу? Подобная ситуация не отвечает пониманию, существовавшему в период заключения Договора. Ведь совершенно очевидно, что фактическое изменение состава

групп его участников должно быть надлежащим образом оформлено.

2. Превышение государствами-участниками, подписавшими или присоединившимися к Вашингтонскому договору 1949 г., групповых ограничений ДОВСЕ в результате расширения альянса.

Такой феномен возник в результате того, что уровни вооружений, установленные по Договору для “западной группы” не были распространены на присоединившиеся к альянсу государства-участники, которые ранее входили в ОВД.

В результате, во всем районе применения со стороны НАТО превышение составляет 5992 боевых танка, 9882 боевых бронированных машины (ББМ), 5111 артиллерийских единиц, 1497 боевых самолетов и 531 ударный вертолет.

Правда, в данном случае – это скорее виртуальное превышение, поскольку оно касается не реально имеющихся вооружений, а лишь относится к правам государств-участников иметь такие вооружения.

Превышения имеются у стран НАТО и во “фланговом районе”, в котором согласно ДОВСЕ у группы государств не может быть больше 4700 танков, 5900 ББМ и 6000 артиллерийских орудий.

Однако по состоянию на 1 января 2007 г. страны НАТО имели во “фланговой зоне” на 1254 танка, 2691 ББМ и 1590 артиллерийских единиц больше уровней, установленных Договором.

Речь идет о совершенно реальных цифрах, а отнюдь не виртуальных (допустимых) величинах.

Россия обоснованно считает, что эти нарушения являются существенными, поскольку затрагивают основы договорных отношений между сторонами и ставят под вопрос дальнейшую ценность и возможность этих отношений в области, регулируемой Договором.

По сути, эти нарушения равнозначны отказу от договорного обязательства, поскольку они:

– обесценивают Договор для российской стороны;

– вызывают у российской стороны обоснованные сомнения в том, что в будущем Договор будет должным образом соблюдаться странами НАТО;

– подрывают цели Договора.

3. Негативное воздействие планируемого размещения обычных вооружений Соединенных Штатов Америки на территориях Республики Болгария и Румынии на соблюдение “групповых” ограничений ДОВСЕ.

Уже сегодня “западная группа” с учетом Болгарии и Румынии существенно превышает установленные для нее фланговые уровни, согласно ДОВСЕ. Любое дополнительное развертывание обычных вооружений стран альянса на флангах способно лишь усугубить нарушение Договора.

Государства НАТО, прежде всего США, настаивают на том, что Болгария и Румыния относятся к “восточной группе” государств-участников и речь, таким образом, якобы идет о некоем “трансгрупповом” размещении.

Подобная попытка приписать государства, ставшие членами НАТО, к “восточной группе” является “чистым абсурдом”. Но даже если принять этот довод во внимание, то неизменным остается факт, что Договор препятствует размещению американских вооружений на территориях этих стран.

4. Невыполнение рядом государств-участников принятого в Стамбуле политического обязательства об ускоренной ратификации Соглашения об адаптации ДОВСЕ.

В Заключительном акте конференции государств-участников ДОВСЕ, (Стамбул, 17–19 ноября 1999 г.) зафиксировано обязательство всех участников Договора “оперативно предпринять усилия для содействия завершению национальных процедур ратифи-

кации с тем, чтобы Соглашение об адаптации могло вступить в силу как можно скорее". По настоянию стран НАТО это обязательство лишь косвенно обусловлено "приверженностью России "согласованным уровням вооружений и техники". Здесь имеется в виду необходимость соблюдения "фланговых" уровней адаптированного ДОВСЕ. Эти два положения зафиксированы в одном абзаце Заключительного акта.

К концу 2001 г., несмотря на сложную ситуацию на Северном Кавказе, Россия вписалась в "согласованные уровни", предусмотренные для нее.

Однако это не ускорило ратификацию Соглашения об адаптации странами НАТО.

Со второй половины 2001 г. натовские страны, словно забыв о фланговых уровнях, упорно настаивают на "полном выполнении" Россией Стамбульских "договоренностей по Грузии и Молдавии", имея в виду те их аспекты, которые вообще не относятся к Договору.

Невыполнение ключевого "стамбульского обязательства" об ускоренной ратификации Соглашения об адаптации давно лишило государства НАТО какого-либо права апеллировать к Заключительному акту в обоснование своих требований по выполнению Россией двусторонних договоренностей с Грузией и Молдавией.

Приведенные здесь факты показывают, что выдвигаемый странами НАТО предлог для задержки ратификации Соглашения об адаптации является абсолютно искусственным.

5. Невыполнение Чешской Республикой, Венгерской Республикой, Республикой Польша и Словацкой Республикой принятых в Стамбуле обязательств о корректировке территориальных предельных уровней (ТПУ), ограничиваемых Договором вооружений и техники (ОДВТ).

В марте 1999 г. Чехия, Венгрия, Польша и Словакия взяли на себя политические обязательства о корректировке в сторону понижения зафиксированных для них в Соглашении территориальных уровней вооружений. Они были подтверждены при подписании Соглашения об адаптации ДОВСЕ.

Россия, Белоруссия, Украина и Германия на конференции в Стамбуле взяли встречные политические обязательства о сдержанности применительно к своим уровням вооружений и соблюдают их. Однако Чехия, Венгрия, Польша и Словакия до сих пор не предприняли никаких шагов по корректировке своих территориальных предельных уровней по вооружениям.

6. Отрицательное воздействие неучастия Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики в Договоре по выполнению Заключительного акта конференции государств-участников ДОВСЕ (Стамбул, 17–19 ноября 1999 г.).

В октябре 1991 г. в рамках Совместной консультативной группы было принято решение об исключении территорий Латвии, Литвы и Эстонии из района применения ДОВСЕ. СССР не настаивал тогда на прямой фиксации того, что это относится к вооружениям всех государств-участников ДОВСЕ, поскольку исходил из того, что после вывода советских войск страны Прибалтики будут иметь де-факто демилитаризованный статус.

Принимая в 1999 г. политические обязательства о военной сдержанности в Калининградской и Псковской областях и Ленинградском военном округе, Россия оговорила, что делает это "в нынешней военно-политической ситуации".

С того времени военно-политическое положение в Прибалтике коренным образом изменилось. Латвия, Литва и Эстония увеличили общее количество своих ББМ на 60%, а артиллерии в 3,1 раза. Эти страны вступили в НАТО

и на территории Литвы появились “ограничиваемые Договором вооружения и техника” (ОДВТ) из государств НАТО. В то же время эти государства, несмотря на заявленную готовность, не присоединились к ДОВСЕ.

Совокупность этих обстоятельств ставит под вопрос обоснованность дальнейшего выполнения политических обязательств России о военной сдержанности в Калининградской и Псковской областях, а также Ленинградском военном округе.

На Чрезвычайной конференции государств-участников ДОВСЕ российская делегация не только разъяснила свое видение существующих проблем в связи с Договором, но и внесла ряд предложений, направленных на восстановление его жизнеспособности. Конкретно эти предложения сводятся к следующим пунктам:

- Возвращение Латвии, Литвы и Эстонии в договорное поле ДОВСЕ. Эти страны входят в НАТО, но ограничений на вооружения не имеют и продолжают их наращивать;

- Понижение разрешенных для стран НАТО уровней (потолков) по танкам, самолетам, вертолетам и т.д., то есть тех вооружений, которые регулируются ДОВСЕ. Это необходимо сделать для ликвидации военного преимущества, приобретенного альянсом в результате двух волн расширения;

- Принятие политического решения об отмене фланговых ограничений для России;

- Разработка общего понимания термина “существенные боевые силы”

и проявление соответствующей сдержанности в период до его согласования. Проблема в том, что этот термин, взятый из Основопологающего акта Россия – НАТО, не имеет до сих пор конкретного определения.

Например, появление американских войск бригадного уровня в Европе для России является “существенными боевыми силами”;

- Вступление в силу или, по крайней мере, начало временного применения Соглашения об адаптации не позднее 1 июля 2008 г.;

- Разработка условий присоединения к ДОВСЕ новых участников и дальнейшая модернизация Договора.

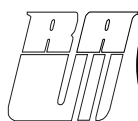
Реакция государств НАТО, участвующих в ДОВСЕ, в целом оказалась неконструктивной, что можно было ожидать. Они отказались поддержать российские предложения, направленные на вывод Договора из тупика и восстановление его жизнеспособности. С их стороны вновь прозвучали призывы выполнить “стамбульские договоренности в отношении Грузии и Молдавии”. В результате согласовать и принять на конференции итоговый документ оказалось невозможным. В заключительном выступлении российская делегация аргументировано показала, что нынешний договор не отражает более баланса интересов стран-участниц, включая Россию. Она подчеркнула, что итоги конференции подтверждают справедливость выводов, сделанных российской стороной на основе анализа ситуации вокруг ДОВСЕ, и ее воздействия на безопасность Российской Федерации.

После такого финала Чрезвычайной конференции государств-участников ДОВСЕ предпринятый Россией в середине июля 2007 г. шаг – приостановление действия Договора – выглядит логичным и совершенно обоснованным.

Наша страна не может более мириться с тем абсурдным положением, которое сложилось вокруг ДОВСЕ и негативно влияет на военно-политическую обстанов-

ку на западных рубежах России и на ситуацию в Европе в целом. Конечно, “приостановление действия” представляет собой более “мягкую форму” реакции участника, чем его окончательный выход из Договора. Вместе с тем, она означает четкий сигнал для других государств-участников ДОВСЕ о том, что им предстоит сделать выбор между двумя возможными путями.

С одной стороны – можно пойти на принятие предложений России, и, таким образом, содействовать восстановлению жизнеспособности Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Другой путь – проигнорировать интересы безопасности нашей страны, что приведет к окончательному прекращению действия ДОВСЕ по вине стран НАТО. Иного не дано.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России: “Хроника” (1985–2007 гг.)» на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Геополитический треугольник “Россия – США – Китай” и Центральная Азия

Алмаз Имангазиев

Среди политологов уже давно сложилась тенденция к применению терминов, обозначающих геометрические фигуры, для характеристики разнообразных схем отношений, в которые вступают – в действительности или только в воображении исследователей – геополитические акторы-государства*.

Первой такой фигурой, очевидно, стала печально известная “ось Берлин – Рим – Токио”. Такое название дали не политологи, а сами ее создатели – руководители нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Тогда, впервые примененный, этот термин еще не имел заведомо негативного оттенка.

Гораздо труднее определить, кто первым ввел такие политологические термины как “центр силы” или “полюс мощи”. Но этими терминами оперировали даже представители советской политологии, хотя в СССР такая наука до “перестройки” официально не признавалась.

Однако понятие “центры капитализма” попало даже во внешнеполитические разделы отчетов ЦК КПСС съездам партии.

В то же время в советской политической науке СССР определялся как оплот мировой системы социализма, противостоящей мировой системе капитализма во главе с США.

Не использовался для характеристики тогдашней системы международных отношений и термин “биполярность”, ибо характеризовал выдвигавшуюся и западными, и тогдашними китайскими политологами теорию “двух сверхдержав”.

В любом случае обозначение геополитических центров и связей между ними имеет достаточно долгую традицию. До 1991 г. главной такой фигурой была ось противостояния СССР и США с союзниками – в системе биполярного мира. Внут-

* Термином “акторы” обозначаются силы, действующие на мировой арене. В течение длительного времени данный термин был синонимичен государствам, однако в последние два десятилетия среди политологов получает все большее признание мнение, что к таковым следует относить также и транснациональные корпорации, международные неправительственные организации, наиболее крупные религиозные конфессии и т.д.

ри же мировой капиталистической системы и западные, и советские политологи четко выделяли треугольник США – ЕС – Япония. На Западе считали фактом наличие внутри социалистической системы двух неравновеликих полюсов: СССР и Китая.

Распад Советского Союза ознаменовал завершение биполярного противостояния двух мировых социально-экономических систем. Он привел к возникновению на постсоветской территории целого ряда новых суверенных государств. И он же вызвал резкое нарушение прежнего баланса сил и привел к появлению новых опасностей и угроз, став, по определению Президента России В.В.Путина, “геополитической катастрофой”.

Единственными, кто, казалось, выиграл от этой катастрофы были практически США. Другие “центры силы”, такие как Китай, арабские страны, Индия, лишились возможности лавировать между двумя сверхдержавами так, как это было возможно в рамках биполярной системы.

Они вскоре почувствовали на себе склонность, не встречающей серьезного противодействия, Америки к односторонним акциям.

Однако мир не стал однополярным. “Последняя сверхдержава” оказалась не способной контролировать все и вся, несмотря на свое экономическое, военное и технологическое превосходство над остальными “центрами силы”.

Что же представляют собой эти “полюса” и “центры силы”?

На эту тему уже написано немало в последнее десятилетие и в России, и за рубежом.

Геометрический подход к геополитике по-прежнему остается чрезвычайно популярным. Однако единства в понимании принципиальных различий между “полюсами”, “центрами силы” и “просто” великими державами до сих пор не наблюдается.

В этой связи прежде всего вспоминается теория “столкновения цивилизаций”, изложенная в одноименной работе американского исследователя С.Хантингтона. Она представляет интерес в плане выделенных им типов существующих цивилизаций, явно сделанное на базе классификации, предложенной 100 лет назад британским историком А.Тойнби в его фундаментальном труде “Постижение истории”.

Представляется, однако, что далеко не все идентифицированные в настоя-

щее время “цивилизации” могут претендовать на статус “центров силы” или “полюсов” современного мира.

Так, африканская и латиноамериканская цивилизации сразу же отпадают из числа претендентов примерно по одним и тем же причинам – экономическая слабость большинства этих стран, низкий уровень хозяйственной интеграции, наличие межгосударственных и внутренних споров и конфликтов, в том числе вооруженных, отсутствие единой внешнеполитической линии и, тем более, политики в области обороны и безопасности.

Хотя у некоторых современных политологов иногда прослеживается соблазн считать одним из таких полюсов исламскую цивилизацию, но она вряд ли может определяться в качестве такого.

Действительно, количество мусульман в мире превышает миллиард, но в их число входят и сунниты с шиитами. Их неспособность к сотрудничеству между собой наглядно проявилась и во время ирано-иракской войны, и в настоящее время в Ираке.

Африканские мусульмане, которых в одной только Нигерии проживает свыше ста миллионов, отнюдь не испытывают особой солидарности в отношении живущих в Африке арабов.

Сюда же входят примерно 300 млн. мусульман — обитателей Юго-Восточной Азии. Они в целом далеко не во всем придерживаются порядков, существующих, например, в Саудовской Аравии и Иране, и привержены существенно более “мягкого” толкования ислама.

Наконец, есть примеры ожесточенных конфликтов между самими мусульманами-суннитами — хотя бы борьба за власть между ХАМАС и ФАТХ в Палестинской автономии.

Индия за последние десятилетия достигла огромных высот и в экономическом развитии, и в создании научно-технологического потенциала, и в военной сфере, располагая в настоящее время и ракетным, и ядерным оружием, причем в последнем случае “законные” ядерные державы, являясь членами Совета Безопасности ООН, фактически смирились с этим, молчаливо признав право Индии и одновременно Пакистана на обладание таким оружием. На международной арене она проводит самостоятельную политику, умело используя меняющуюся глобальную ситуацию.

В то же время Индия все время нуждалась в сильном партнере, каковым для нее на несколько десятилетий стал СССР.

Иначе говоря, она в отличие от США, СССР и Китая не могла сколь-ко-нибудь длительное время действовать автономно.

США, например, в течение четверти века после Второй мировой войны (с начала “холодной войны” и до 1971 г.) противостояли одновременно СССР и Китаю, а СССР, в 60–80-е годы противостоял и США, и Китаю. Китай с начала 60-х и до начала 70-х годов, фактически также противостоял и США, и СССР¹.

Однако ни Индия, ни любая иная из остальных крупных стран оказались не способны на такой “подвиг”.

Учитывая это, можно высказать предположение, что признаком *реального мирового полюса* можно считать — в числе прочего — и его способность в течение хотя бы десятилетия (как в случае с КНР) выдерживать конфронтацию с другими полюсами, не имея ни одного из них в качестве союзника.

Япония уже давно по праву считается одним из “центров” мировой экономики. Но на этом ее претензии на роль полюса в целом исчерпываются.

В технологическом плане достижения японских инженеров широко известны, но в основном в форме все новых и новых “умных” бытовых приборов. Однако, как и 40 лет назад, когда японские компании завоевали мировые рынки своими миниатюрными транзисторными приемниками, кинокамерами и малолитражками, все эти достижения базируются на прорывах в области фундаментальных наук, достигнутых не в самой Японии.

У Японии есть свои вооруженные силы — Силы самообороны, располагающие современной боевой техникой, а их Управление в начале 2007 г. даже получило более высокий статус министерства. И все же в военном плане Япония уже шесть десятилетий полагается на американский “ядерный зонтик” как главную гарантию сдерживания гипотетически масштабного нападения со стороны первоначально СССР, а затем и Китая.

Таким образом, будучи в экономической сфере партнером-соперником США, в военно-политическом плане она, безусловно, является их младшим партнером, но никак не самостоятельным “центром силы”.

Более сложно дать в этом смысле определение положению Европейского союза. Давно прошли времена, когда Европа (тогда Западная) по всем параметрам уступала США. Ныне объединенная Европа превосходит Америку не только по населению и объемам торговли, но и по объему совокупного

ВВП, и даже по суммарной численности вооруженных сил стран-членов.

Европейцы еще со времен Ш. де Голля стремятся проводить собственный курс, что периодически приводит к разногласиям с США, как это имело место со стороны Франции, Германии и некоторых других стран при принятии решения о проведении операции по свержению Саддама Хусейна.

Хотя в рамках Евросоюза ведется большая работа по формированию собственной идентичности в сфере внешней политики, обороны и политики безопасности, однако он пока еще далеко отстает от США в военном отношении.

В этой связи в вопросах обороны объединенная Европа даже после своего расширения на Восток по-прежнему зависит от Соединенных Штатов – бесспорного лидера НАТО².

Более того, война в Югославии в конце 90-х годов показала, что европейцы сильно уступают американцам в области современной разведки, логистики, транспортных возможностей.

Они практически не способны проводить вдали от Европы крупные военные операции. Иными словами, Евросоюз пока не способен “проецировать” свою военную мощь за пределы региона. И, наконец, как и в случае с Японией, представить вооруженный конфликт ЕС с США невозможно даже гипотетически.

Таким образом, в современном мире остаются лишь три полностью самостоятельных полюса, но их потенциалы также неравноценны.

Можно сказать, что при безусловном первенстве КНР по населению, а России – по территории, в финансово-экономическом отношении абсолютным лидером в этой “тройке” являются Соединенные Штаты.

Их ВВП превышает 15 трлн. долл. против 1 трлн. у России и 2 трлн. у Китая.

Они обладают колоссальными объемами внешней торговли и инвестициями – американскими за рубежом и иностранными в американской экономике.

Лидируют США и в научно-технологической сфере, вкладывая в нее огромные средства, но получая еще больше от реализации патентов, ноу-хау и другой защищенной авторскими правами продукции.

Китай находится пока еще только на стадии наращивания своих современных научных кадров, не жалея средств на обучение талантливой молодежи, в том числе и за рубежом.

В России ситуация во многом, к сожалению, пока противоположная.

Немаловажен и факт информационно-культурного влияния.

Достаточно сопоставить масштабы распространения в мире американских фильмов, музыки, модных поветрий и даже “американского” языка с российским и китайским. Всемирная аудитория американских радио- и телеканалов, типа Си-Эн-Эн, просто несопоставима с аудиторией недавно запущенного для вещания за рубеж российского телеканала “Раша тудей” и с соответствующими китайскими и иностранными СМИ.

Единственная сфера, где не все столь однозначно, несмотря на то, что США расходуют на военные цели на порядок больше и КНР, и России – это военная. Так сложилось, прежде всего, в силу того, что на протяжении десятилетий и СССР, и Китай выделяли на нее суммы, во много раз большие (как доля от ВВП), чем США. В итоге, на настоящий момент здесь сложилась весьма асимметричное соотношение сил. Общеизвестно, что в то время как в области ядерных вооружений – и стратегических, и тактических – между Россией и США пока существует примерный паритет, Китай по данному по-

казателю во много раз отстает от двух других мировых “полюсов”.

По численности вооруженных сил, вернее, по мобилизационному потенциалу, напротив, Китай многократно превосходит и США, и Россию.

Однако следует принимать во внимание и качество обычных вооружений и боевой техники, уровень управления, возможности разведки, в том числе электронной и космической, логистику, транспортные возможности в плане оценки военной мощи. Наконец, имеют значение с трудом поддающиеся количественному измерению такие факторы, как боевой дух и мотивация войск. Чрезвычайно важна и “геополитическая дислокация” вооруженных сил. В то время как ни Китай, ни Россия – после отказа от Лурдеса на Кубе и Камрани во Вьетнаме – не располагают базами за рубежом, США имеют не только базы, но и крупные группировки войск и на западе, и на юге, и на востоке Евразии (в ряде случаев в непосредственной близости от России и Китая). Кроме того, американские ВМС являются на сегодня единственными, господствующими на океанских просторах, тогда как Китай только начинает создавать океанский флот, а российский ВМФ, едва не превратившись в 90-е годы в прибрежный, только начинает восстанавливаться. Следует подчеркнуть, что речь идет не о подводной части “ядерной триады”, а о надводном флоте, включая авианосные соединения, позволяющем США осуществлять “полицейские операции” за тысячи миль от американских берегов. Ни Россия, ни Китай таким потенциалом не обладают³.

В итоге, приходится констатировать, что США являются сильнейшей военной державой, а между Китаем и Россией существует асимметричный примерный баланс: много обычных вооруженных сил, но мало ракетно-ядер-

ного оружия у КНР, и, наоборот – у России.

Однако баланс – еще не синоним возможностей.

Очень и очень многое определяется фактором географического расположения “объектов” потенциальных противоречий.

Например, возможность для несомненно более слабого Китая противостоять Америке несколько выше, например, на Корейском полуострове, чем такая практически отсутствующая у него возможность, к примеру, в Центральной Америке.

Россия имела бы больше возможностей противодействовать США в случае гипотетического конфликта где-то на Кавказе, нежели на Ближнем Востоке.

Вполне естественно, особое внимание после распада СССР Соединенные Штаты уделяли своим отношениям с новой Россией. При этом США рассматривали лидерство России в СНГ как один из главных факторов, мешающих им достичь господствующих позиций на постсоветском пространстве. Все усилия РФ по укреплению отношений с ее партнерами по СНГ вызывали негативную реакцию Соединенных Штатов.

Это говорит о том, что стратегия США базировалась и базируется не на черно-белой, а потому во многом надуманной дихотомии “капитализм-социализм” и даже не на упрощенческом противопоставлении “демократия-диктатура”.

В конце концов, именно в США впервые была произнесена вслух циничная оценка одного проамериканского диктатора из Латинской Америки – “да, он сукин сын, но он наш сукин сын”.

В действительности, американскую стратегию в отношении постсоветского пространства, прежде всего, определяют долгосрочные геополитические соображения, хотя эта стратегия подвер-

жена колебаниям под воздействием конъюнктурных интересов тех или иных соперничающих группировок в американском истеблишменте.

Со своей стороны руководители КНР, как представляется, испытали по поводу дезинтеграции СССР менее однозначные чувства, прежде всего потому, что, несмотря на все конфронтационные моменты прошлого (во многом уже преодоленные благодаря “перестройке” к концу 80-х годов), Советский Союз рассматривался как идеологически близкое государство. Новая же Россия открыто провозгласила курс на капитализм с его демократией и свободным рынком. Кроме того, уже в геополитическом плане Китай не мог не осознать, что теперь он превращается в глазах США в главного их противника на мировой арене. Поэтому практически по тем же соображениям, что и США, из постсоветских государств наибольшее внимание Китай также стал уделять России.

При этом разумеется, и США и КНР отнюдь не игнорировали остальное постсоветское пространство. Однако очевидно, что их интересы были в некоторой степени асимметричными.

По понятным причинам Соединенные Штаты с гораздо большей энергией и при активной поддержке ЕС стали действовать в отношении постсоветских государств, расположенных в непосредственной близости к “зоне ответственности” НАТО.

Одним из наглядных результатов этого стало вступление в НАТО трех бывших прибалтийских советских республик. Помимо этого продолжается работа по вовлечению в евро-атлантические структуры таких стран, как Грузия, Азербайджан и Украина.

Китай все прошедшие годы не проявлял попыток как-то четко обозначить свой интерес – помимо экономического – к европейским и закавказ-

ским постсоветским государствам. Единственным проявлением его позиции по военно-политической ситуации в этих регионах можно считать подписание китайскими руководителями совместно с российскими президентами совместных документов, в которых негативно оценивалось расширение НАТО на Восток. Это вполне объяснимо. У Китая – в отличие от России – здесь отсутствуют сколько-нибудь действенные рычаги влияния.

В то же время ситуация в еще одной части постсоветского пространства, а именно, в Центральной Азии (ЦА) долгое время выглядела иной. Начиная с начала 90-х годов, Китай осуществлял и осуществляет активное экономическое проникновение в ЦА, которое было политически подкреплено созданием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)⁴.

В то же время и США особенно активно стали действовать в ЦА уже в новом столетии. Конечно, и до этого они осуществляли экономическое проникновение в регион, создавали структуры “поддержки демократии”, привлекли страны ЦА к программе НАТО “Партнерство ради мира” (ПРМ), оказывали центрально-азиатским государствам содействие в формировании вооруженных сил и сил безопасности.

Однако переломным пунктом стала осень 2001 г., когда известные события 11 сентября создали условия, чтобы впервые в истории в ЦА появились американские военные базы и воинские контингенты. При этом руководители стран ЦА неоднократно отмечали, что они дали согласие на их размещение без возражений со стороны российского руководства.

Действительно, Президент РФ В.В.Путин стал первым из мировых лидеров, кто от имени российского народа выразил Президенту США Дж.Бушу-младшему соболезнования в связи с

трагическими событиями 11 сентября 2001 г. и предложил помощь.

Российская сторона оказала США и другим участникам антиталибской коалиции немалое содействие в области транспорта, разведки и обмена опытом ведения боевых действий в Афганистане.

Однако уже в тот период стали появляться настораживающие признаки, а именно – проявление политики двойных стандартов со стороны США и их западных союзников.

Если по поводу контртеррористической операции в Чечне американские представители еще воздерживались от заявлений с осуждением “нарушений прав человека” и “чрезмерного применения военной силы” в этом российском регионе, оставив выполнение данной функции прессе и НПО, то применительно к КНР президент Буш-младший отказался охарактеризовать организации, осуществляющие теракты в Синцзянь-Уйгурском автономном районе КНР, как террористические, утверждая, что их организаторы – не террористы, а лишь “сепаратисты”.

Очередная заметная коррекция вектора отношений произошла после известных драматических событий в узбекском Андижане.

Тогда американские и европейские официальные представители обрушились с критикой на руководство Узбекистана и пытались вмешиваться во внутренние дела страны.

В ответ ее руководство добилось вывода с территории Узбекистана американской военно-воздушной базы, размещенной там в период подготовки и проведения антитеррористической операции в Афганистане.

Вскоре на саммите ШОС и Россия, и Китай, и центрально-азиатские участники этой организации потребовали от США определиться с конкретными сроками пребывания американ-

ских военных в ЦА, то есть фактически эти две великие державы, непосредственно граничащие с данным регионом, выступили единым фронтом против “единственной сверхдержавы”.

Речь не идет в этой связи о назревании некоего вооруженного конфликта в рамках треугольника Россия – Китай – США. У России, и у Китая есть немало и других точек трения с Соединенными Штатами. Выше уже отмечалось, что объективно США превосходят и Китай, и Россию по ряду параметров национальной мощи. Однако ЦА – это тот самый регион, где относительная слабость двух других углов “треугольника” компенсируется их близостью к нему. И отнюдь не только географической.

Народы ЦА долгое время жили вместе с россиянами в едином государстве. Разумеется, не стоит идеализировать прошлое, но все же века совместного проживания наложили свой отпечаток на менталитет народов. У центральноазиатских народов также имеется немалый опыт общения и с китайской цивилизацией и тоже не всегда позитивный.

Эти народы в не меньшей степени, чем россияне или китайцы, не приемлют грубого, ускоренного и, тем более, насильственного навязывания им не вполне привычных ценностей пусть даже с самыми благими намерениями. Тем более, что последнее вызывает в свете происходящего в Ираке большие сомнения.

Во всяком случае, в ответ на вопрос, что Америку интересует в ЦА в большей степени – установление демократии или же ее природные ресурсы и геостратегическое положение, западные дипломаты благоразумно молчат.

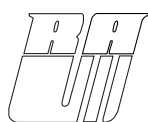
Следует подчеркнуть, что сильно заблуждаются те, кто рассматривает Центральную Азию и расположенные в ней государства как неразумный и бессловест-

ный объект в сложной системе сотрудничества-соперничества мировых центров. Зависимость и уступчивость или, напротив, самостоятельность и упорство государств определяются отнюдь не только их экономическими, технологическими или военными потенциалами.

В конечном счете, историю стран делают их народы. А успех приходит тогда, когда руководитель страны верно угадывает внутренние устремления и чаяния народа, пусть даже и не всегда осознанные. За прошедшие полтора десятилетия у народов Центральной Азии сформировалась своя собственная государственность. И эти страны, эти народы зорко присматриваются к тому, что им могут предложить их ближние и дальние соседи, постепенно все лучше осознавая свои собственные интересы. Наилучший прием и поддержку с их стороны следует ожидать тому, чьи действия в наибольшей степени будут отвечать этим интересам.

Примечания

- ¹ *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007.
- ² *Штоль В.В.* НАТО: динамика эволюции. М.: Научная книга, 2002.
- ³ *Шутов А.Д.* На руинах вековой державы или агония власти. 1991–2003 годы. М.: Вече, 2004. С. 251–258.
- ⁴ *Кулматов К.Н.* Мир в начале XXI века. Размышления российского дипломата и ученого. М.: Известия, 2006. С.153–161.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Гражданский контроль силовых структур

Политологический аспект

Сергей Баранов

(Пограничная академия ФСБ России)

Демократическое политическое устройство государства предполагает установление принципов военно-гражданских отношений, опирающихся на безусловное признание военными и сотрудниками специальных служб верховенства гражданской политической власти.

Мнения большинства политиков и ученых по этому вопросу сводятся к следующему: “Суть этой проблемы состоит в том, что демократическое, гражданское общество, делегируя государству свои полномочия по защите независимости и суверенитета, вправе требовать от него легитимных гарантий выполнения им своих конституционных обязанностей”¹.

Именно на основе этого права демократические государства в политической теории и практике применяют институты гражданского контроля.

Категория “гражданский контроль” в различных областях знаний используется в расширенном и узком смыслах.

В *широком значении* – это сложный и непрерывный социальный процесс определения места и роли военно-силовых структур государства в демократичном обществе, соотношение гражданских и военных властей и взаимоотношения между ними.

В *узком значении* – гражданский контроль рассматривается через призму непосредственных субъектов и объектов, форм и методов контроля гражданского общества над военно-си-

ловым блоком государства и его политикой безопасности².

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что практически все отечественные ученые *термин “гражданский контроль”* используют в узком значении, западная же философская и политологическая литература применяет его, в основном, в широком значении, как противоположность так называемому “преторианству”, то есть самостоятельному вмешательству военных в политику. Скорее всего, это связано с менталитетом российских граждан, государство которых не знало военных хунт и открыто-

го противостояния гражданской и военной сфер в общественно-политической жизни.

Теоретическое разнообразие подходов к определению сути гражданского контроля не дает ясного представления. Часто приходится констатировать, что исследователи совмещают понятия гражданского и государственного контроля. Это, в свою очередь, говорит о недостаточной оценке роли и места гражданского общества в решении государственных вопросов, сужает потенциальные контролирующие возможности граждан.

Автор предлагает понимать гражданский контроль как **независимый от государства законодательно-закрепленный демократический механизм, при котором институты гражданского общества через органы представительной власти или непосредственно осуществляют мониторинг и корректирование военно-силовой политики и практики.**

В таком аспекте гражданский контроль выступает уже не только как система надзорно-наблюдательных мер, но и как один из факторов укрепления национальной безопасности.

Для чего данный вид контроля необходим с политологической точки зрения?

Общепризнано, что военно-силовые структуры государства выступают инструментом политики в сфере безопасности и оказывают значительное влияние на сохранение политической стабильности.

В мировой и отечественной истории имеется множество примеров, когда военно-силовые компоненты государства инициируют политические конфликты, становятся их движущими силами или причинами, оказываются разменной картой в политических интригах, и как следствие – жертвами в политической борьбе. Особенно это относится к развивающимся странам Афри-

ки и Латинской Америки, где в массовом сознании сложилось мнение о необходимости “твердой руки” и выхода на политическую арену силовых структур, отождествляющих свою мощь с силой политической власти.

Участие в политической жизни демонстрировали и военно-силовые структуры европейских государств.

Например, в Греции за последние 60 лет произошло 11 военных переворотов.

В Испании с 1814 г. было совершено 52 военных путча, включая две последние попытки (1978 г. и 1981 г.) при демократическом строе.

Португальские вооруженные силы сыграли решающую роль в апрельской “революции гвоздик” в 1974 г., положившей конец фашистскому режиму.

“Французская армия в 1958 и 1961 гг. бросала вызов правительству”³.

На протяжении XX в. армия и специальные службы вольно или невольно, прямо или косвенно неоднократно втягивались и в политическую жизнь России. Социальные катаклизмы – революции и гражданская война, с неизбежностью вовлекали их в свой круговорот, ломая и разлагая, лишая духовной опоры и веры. Политизация силовых структур России в 1905 и 1917 гг. фактически лишила государство их опоры.

Похожая политическая ситуация сложилась и во времена распада Советского Союза.

Политические лидеры, политологи и публицисты дают неоднозначные оценки событий 19–21 августа 1991 г. в СССР, но то что военнослужащих и сотрудников специальных служб пытались сделать непосредственными участниками событий, не вызывает сомнений ни у кого.

Вероятность прямого вмешательства военно-силовых структур в политику значительно возрастает в обстанов-

ке углубляющейся общественной и международной нестабильности, особенно когда правительства, другие властные структуры утрачивают контроль за развитием событий, оказываются неспособными принимать и проводить в жизнь действенные меры. Одним из устойчивых факторов подталкивания их к подготовке и осуществлению переворотов является слабость и бездарность политической власти³.

Следовательно, нельзя дать гарантию того, что политически-устойчивые сегодня страны имеют защиту от военных режимов в будущем при критически опасной дестабилизации обстановки.

Военный режим – “стратократия” (от греч. “*стратос*” – армия, войско) – может быть вынужденной мерой в условиях нарастающего хаоса, но в целом это неэффективная форма государственного правления и режима власти.

Редким исключением является режим чилийской хунты во главе с Аугусто Пиночетом, который в 1973 г. возглавил переворот и за 16 лет осуществил успешные общественные и экономические реформы.

На этом примере некоторые стремятся показать действенность военно-силовых структур в государственном управлении, представить их как “спасителей нации и государства”. Да, действительно, опыт Чили показателен, но уникален и нетенденциозен. Прежде всего, потому, что управление государством, в конечном счете – не дело силовых структур. Для этого нужны специальные знания и опыт. Причем, чем общество более развито, тем менее приемлем в нем командный стиль управления.

Ужесточение дисциплины, ответственности, другие меры “наведения порядка” дают лишь кратковременный эффект, поскольку не устраняют коренных причин общественного кризиса.

Чилийский эксперимент показал, что при усилении фрагментации политической жизни страны может возникнуть ситуация, когда ни одна из пришедших к власти легитимным путем политических партий или их союз не будут способны эффективно управлять. Данное обстоятельство может поставить под угрозу жизнь нации и государства. И как единственная консолидированная, в принципе самодостаточная сила, военные могут принять, в качестве временной меры, собственное политическое решение и взять на себя ответственность за исправление кризисной ситуации. “В этом случае представляется крайне важным, чтобы внутренняя корпоративная этика военной силы изначально не носила бы антиобщественные черты, оставалась в рамках права, имела бы государственно-патриотическую направленность и была бы частью мотивации к собственному военному служению и профессиональному совершенствованию, а не стремлению к власти и управлению государством или к личному обогащению”⁴.

Одобренная обществом этика военно-силовых структур государства как корпоративная часть гражданского контроля даст твердые гарантии их невмешательства (без насущной необходимости) в собственно гражданские дела и сделает относительно прозрачной и понятной их профессиональную деятельность.

Очевидно, что граждан не может не беспокоить законодательно-определенная и осуществляемая фактически роль армии, флота и других “силовиков” в общественно-политической жизни.

Население государства одинаково пугают полярные возможности как военного переворота и установления военной диктатуры, так и неучастие соотечественников в погонах в жизни общества.

Конечно, накал политических страстей с неизбежностью распространяется на армию и другие военные формирования и в этом случае необходим адекватный политическим обстоятельствам гражданский контроль, чтобы исключить их использование в решении несвойственных им задач.

Зачастую, недостаточность надзорных механизмов даже в самых устойчивых организациях негативно сказывается на их деятельности. Для силовых структур данное утверждение вполне актуально, так как они могут попасть в ловушку собственного, изначально присущего им природного, недемократизма, который ограничивает функциональный кругозор рамками ведомства, порождает замкнутость на собственных интересах и, в конечном счете, приводит к потере способности защиты общества.

Для того чтобы ни у военных, ни у сотрудников специальных служб, не возникало соблазна использовать армию и другие силовые структуры ради незаконного захвата и удержания власти, а также для того, чтобы у вооруженных институтов не появилось желания в ущерб обществу лоббировать собственные интересы и отдельные промышленные группы, необходим гражданский контроль. Этот контроль служит также гарантией того, что рассматриваемые силовые институты не станут на путь подавления основополагающих гражданских свобод.

Вместе с тем, когда речь заходит о гражданском контроле, имеется в виду не только поиск способов не допускать военно-силовые структуры к политической власти, но и поиск способов противостоять желанию недобросовестных государственных и политических деятелей использовать их против собственного народа в качестве своей охраны, надзирателей или палачей для оппозиции. Подобное желание может

возникнуть и у пришедших к власти антинациональных или попросту недееспособных политических сил.

Гражданский контроль призван через создание политико-организационного механизма установить персональную ответственность (политическую, юридическую, уголовную, моральную) за ошибки, просчеты и импровизацию высших политиков в строительстве военно-силовых структур и проведении политики национальной безопасности.

В демократичном обществе армия, военные формирования и специальные службы, подчиняясь политикам, не должны быть обреченными на выполнение любого, в том числе преступного, приказа. Контроль действий политиков по отношению к военно-силовым структурам – дело не только общества, демократических и прогрессивных политических сил, но и самих военнослужащих и сотрудников как “граждан в погонах”, имеющих свою гражданскую позицию.

В современных условиях возрастает значение гражданского контроля над военно-силовыми структурами государства.

Во-первых, становление и развитие гражданского общества до сих пор немыслимо без соответствующих институтов обеспечения безопасности, структура которых изначально должна препятствовать появлению диктаторских режимов, государств-казарм.

Во-вторых, всегда актуальной остается проблема нахождения баланса между реальными потребностями силовых структур, то есть создания и поддержания необходимого состояния безопасности и возможностями государства по их удовлетворению. При нарушениях этого баланса в какую-либо сторону, возможны как истощение экономики со всеми вытекающими последствиями, так и незащищенность госу-

дарства перед вызовами всего спектра угроз безопасности, что только стимулирует внутренние и внешние экстремистские силы.

В-третьих, в эпоху достаточно высокой степени политизации общества гражданский контроль необходим как гарантия того, что различные политические силы, в том числе и за пределами государства, не станут использовать военно-силовые структуры как аргумент в свою пользу.

Политический кризис на Украине в конце 2004 г. подтвердил этот довод. Министр обороны этой страны заявил, что "...попытки влияния политиков на воинские части продолжают иметь место"⁵, а пресс-службы Западного и Северного оперативного командования Сухопутных войск Украины сообщили, что политические агитаторы предпринимают усилия для проникновения в места дислокации подразделений⁵. Стремления их очевидны – расколоть и втянуть армию в политический конфликт.

В-четвертых, гражданский контроль четко дифференцирует силовые ведомства для недопущения их разобщенности или чрезмерной абсолютизации одного из них, исключая подчинение ему

всех остальных и претензий со временем на политическую власть.

В-пятых, гражданский контроль стал актуален не только в рамках одной страны, но и в международных отношениях.

Убедительным доказательством этому служит война НАТО под руководством США против Югославии в 1999 г., а также действия США в Ираке.

При этом большинство государств-членов НАТО и непосредственно сами Соединенные Штаты Америки могут поделиться положительным опытом организации гражданского контроля. Но он теряет свое значение, если национальные вооруженные силы применяются вопреки международному праву.

Однополярный мир и стремительное превращение НАТО в мирового жандарма требует от общества поставить вопрос о контроле не только за силовыми структурами внутри страны, но и за международными военно-политическими организациями. Милитаризм в международных отношениях всегда имеет негативную окраску и потенциально содержит в себе угрозу стабильности.

Учет политологических аспектов гражданского контроля позволит не только увидеть его значение в целостной картине политики обеспечения безопасности, но и понять какую роль он играет в динамических изменениях последней.

Это в известной мере может помочь в преодолении пассивно-отрицательного восприятия военными, сотрудниками силовых ведомств и политиками социально-политической категории "гражданский контроль".

Примечания

¹ Барабин В. Военно-политическая деятельность государства (социально-философское исследование). М.: Петровская академия наук и искусств, 1999. С.100.

² Серебрянников В., Дерюгин Ю. Социология армии. М.: ИСПИ РАН, 1996.

³ Родачин В.М. Армия и политическая власть // Военная мысль. 1993. № 5. С.12–19.

⁴ Владимиров А.И. Тезисы к стратегии России. М.: ЮКЭА. 2004. С. 420.

⁵ Мухин В. Военный фактор украинской революции // Независимая газета. 2004. 30 ноября.

Метаморфозы американского неоконсерватизма: идеология на излёте

Внешнеполитический аспект

Алексей Громыко,
доктор политических наук

*“Организации Объединенных Наций
для нас не существует.*

*Международное сообщество по силам
возглавить только США – единственной
сверхдержаве”.*

Из выступления Дж.Болтона, 1994 г.

Американский неоконсерватизм имеет давнюю историю.

Самой ранней предтечей формирования этого движения стало появление в конце 30-х годов XX в. группы интеллектуалов в стенах Сити-колледжа в Нью-Йорке.

Среди них были Ирвинг Кристолю, Даниэл Белл, Сеймур М. Липсет, Натан Глейзер, Даниэл П.Мойнихан и др.

Позже, в 1965 г. Кристолю и Белл организовали журнал “Паблик интэрест”, на базе которого и сложилось новое идейное течение в американской политической мысли.

Тогда большинство представителей этого круга были либералами в американском понимании этого термина. Политические пристрастия многих из них первоначально лежали в области марксизма и других левых течений, в том числе троцкизма.

В эпоху Джона Кеннеди и Линдона Джонсона термины “либеральный” и “левый”, “либеральный” и “социал-демократ” стали в США синонимами.

Однако в 60–70-е годы воплощение проекта “великого общества” натолкнулось на массу социально-экономических трудностей; вызов ему был брошен и “культурной революцией”. Во внешней политике “либеральный век” Америки бесславно закончился во Вьетнаме.

Если в свое время будущие неоконсерваторы (они назовут себя представителями “нового класса”, в который входят ученые, политики, журналисты, преподаватели и т.п.) пе-

решили от левацких воззрений к леволиберальным, то теперь они сформировали новое кредо.

Согласно одному из определений, неоконсерваторами стали “либералы,

застигнутые врасплох реальностью". Они подвергли систематической критике принцип активного государственного участия в жизни общества, заявляли о том, что вмешательство государства в социальные и экономические процессы приносит больше вреда, чем пользы (*"закон непредвиденных последствий"*), объявили о неадекватности общепринятых идеологий проблемам современности (*"смерть идеологии"*).

Неоконсерваторы возлагали надежды, связанные с повышением общественного благополучия не на государство, а на "посреднические структуры" – семью, церковь, общины. В то же время они не были "свободными рыночниками" и в этом не походили на британских неоконсерваторов или американских либертарианцев, вдохнувших новую жизнь в концепцию *"государства – ночного сторожа"* и *"невмешательства в свободу предпринимательства"*. Они считали, что успех политических реформ зависит от социальных и культурных факторов и что добиться изменений, если это возможно в принципе, можно лишь путем осторожных и постепенных действий.

Усилия *"Паблик интэрест"*, а также близкого ему по направленности журнала *"Комментари"* во главе с Норманом Подгорецем, который наряду с Ирвингом Кристолом считается крестным отцом неоконсерватизма, положили начало заметному сдвигу в умонастроениях американской интеллигенции.

Большую роль в этом сыграла научная и преподавательская деятельность Лео Штраусса.

Позже не раз напишут о том, что новое поколение неоконсерваторов исказит и доведет до абсурда ряд его идей.

К 1980 г. либерализм был "свергнут" с пьедестала доминирующей идеологии. Растущая популярность пропа-

гандируемых американскими неоконсерваторами идей выразилась в создании различных исследовательских центров, фондов, других структур, среди которых Фонд наследия и Американский институт предпринимательства.

В 70-е годы неоконсерваторам еще не было места в исполнительной власти, однако некоторые из них уже работали в Конгрессе.

Так, Ричард Перл был главным советником по вопросам внешней политики у сенатора Генри Джексона, демократа из лагеря *"ястребов"* времен *"холодной"* войны. Уже в те годы Перл заработал прозвище *"принца тьмы"* за идеологизированность своих взглядов и их конфронтационность.

Внимание первого поколения неоконсерваторов было сосредоточено на проблемах внутреннего развития, хотя и не исключительно – Ирвинг Кристол также стоял за основанием *"Нэйшнл интэрест"* – журнала по проблемам внешней политики.

В 80-е годы, с приходом рейганомии, с ростом популярности идеи *"невидимой руки рыночных сил"* многие из выдвинутых ими тезисов получили широкое признание (хотя немногие воплотились в жизнь), и второе поколение *"неоконов"*¹, включая Уильяма Кристола, Роберта Кагана, Чарльза Краутхаммера, Фрэнсиса Фукуяму, переключило внимание на сферу внешней политики.

Со времен Вьетнамской войны американские либералы отошли от активной пропаганды вовлечения Америки в международные дела. Консерваторы этого не сделали, но отреагировали на вьетнамский провал концепцией реализма во внешней политике, наиболее известным теоретиком и практиком которой стал Генри Киссинджер.

Неоконсерваторы, как ярые антикоммунисты, встретили *"реализм"* и политику разрядки в штывы.

В этом их вдохновителем был один из теоретиков теории устрашения и специалист по вопросам нераспространения Альберт Уолстеттер, среди учеников которого значатся Пол Вулфовиц и Ричард Перл.

Уолстеттер, испытывая патологический страх перед советской угрозой, считал, что даже доктрина взаимного ядерного уничтожения не обеспечивает безопасность США.

С 70-х годов идеологический и прагматический подходы к проведению внешней политики США постоянно конкурировали друг с другом. В этом противостоянии “реалисты” проиграли с приходом в Белый дом Рональда Рейгана.

“Борьба, которую вело первое поколение неоконсерваторов-антисталинистов, рассматривавших “холодную” войну как сражение идеологий и ценностей, — пишет Фрэнсис Фукуяма, — продолжилась в годы президентства Рейгана...”¹.

Лозунг “империи зла” был встречен “неоконами” на ура.

После окончания “холодной” войны и разрушения СССР, которое неоконсерваторы считают своим достижением, они всецело выступили за закрепление доминирующей роли США на мировой арене. Однако проекция американского влияния на другие регионы мира, обоснование новых мессианских устремлений были затруднены без определения новых источников опасности для США.

Предыдущая миссия неоконсерваторов — уничтожение коммунизма — завершилась, и встал вопрос — кто станет следующим оппонентом Америки, привыкшей жить в режиме противостояния.

В 90-е годы казалось, что новой “империей зла” для американцев станет Китай, однако сбалансированная внешняя политика этой страны и растущая экономическая взаимозависи-

мость Поднебесной и США предотвратили развитие событий по такому сценарию.

Тогда в качестве основного объекта цивилизаторской миссии США были выбраны “*страны-изгой*”, а позже — “*ось зла*”.

Из войны в Заливе неоконсерваторы сделали вывод — врагу недостаточно нанести военное поражение, необходимо добиться смены политического режима.

Тогда-то и обнаружилось явное противоречие в идейном наследии “шестидесятников” и их последователей: если первые не верили в способность государства переустроить американское общество, критиковали политику социальной инженерии, то вторые в отношении иностранных государств призывали именно к этому. Они считали возможным использовать мощь США для изменения политического строя в другой стране, для проведения в ней глубоких политических и социальных реформ.

Более того, предполагалось, что эти реформы можно осуществить в кратчайшие сроки и относительно безболезненно, стоит только сменить в стране власть и ввести формальные демократические процедуры. Уверенность неоконсерваторам в оправданности такой политики придавала массовость смены политических режимов в странах Восточной Европы, а позже удачный для НАТО исход военной кампании против Югославии.

Разрушение Советского Союза лишило Соединенные Штаты противника глобального масштаба.

В результате их внимание с удвоенной силой переключилось на ряд региональных конфликтов.

Важным элементом в создании “неоконами” новой внешнеполитической платформы для американского миссионерства в начале XXI в. стал фактор

израильского лобби вкупе с тем, что многие американские неоконсерваторы, включая Пола Вулфовица, Дугласа Фейта, Ричарда Перла, были евреями (как, впрочем, и многие представители первой волны неоконсерватизма – Лео Штраусс, Ирвинг Кристол, Даниэл Белл, Сеймур М. Липсет, Даниэл П. Мойнихан и др.).

“Израильское лобби, – пишет Дмитрий Саймс, – вероятно, самое влиятельное этническое лобби в Америке”².

Эту точку зрения разделяет и Фрэнсис Фукуяма. “...Ряд неоконсерваторов возвели жесткий вариант стратегической доктрины Израиля в ранг американской внешней политики и ошибочно применили ее к ситуации в США после 11 сентября (2001 г.)”¹.

Для Израиля Ирак, Иран и Сирия были первостепенными противниками. Неоконсерваторы соответственно провозгласили курс на смену режима в этих странах. Израиль, постоянно находившийся с 1948 г. в состоянии горячей или латентной войны с враждебным арабским окружением, не раз прибегал к превентивным ударам по врагам, проводил тайные операции по захвату или уничтожению своих противников на территории других государств.

Неоконсерваторы добились того, чтобы и США взяли на вооружение доктрину превентивного удара.

Израиль задолго до окончания “холодной” войны прибегал к политике односторонних действий.

Теперь неоконсерваторам удалось сделать односторонность одним из опорных принципов американской внешней политики. Однако ООН и ведущие страны Евросоюза часто критиковали действия Израиля на Ближнем Востоке, чем вызывали его сильное раздражение. После 2000 г. и администрация Белого дома стала с пренебрежением относиться к Объединенным Нациям и к своим западноевропейским союзникам.

Конечно, было бы упрощением проводить прямую линию между внешнеполитическими доктринами Тель-Авива и Вашингтона, однако взаимозависимость между ними после прихода неоконсерваторов или их ставленников во власть значительно возросла.

В последние годы западные политические комментаторы не раз отмечали факты попустительства администрации Белого дома в ответ на ничем не оправданные действия Тель-Авива, его непропорциональную реакцию на проявления арабского экстремизма.

В этом ряду – многочисленные убийства мирных жителей как “побочный ущерб” борьбы с терроризмом и стремление намеренно дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке под протекцией США.

Один из наиболее ярких примеров – развязанная Израилем война против Ливана (август 2006 г.).

Потворство Вашингтона действиям Тель-Авива все глубже вбивало клин в отношения Америки и Европы.

Даже в консервативных кругах Великобритании – ближайшего союзника США в ЕС – ропот становился все громче.

Так, возмущение многих вызвало молчание Вашингтона в ответ на приглашение крайне правого националиста Авигодора Либмана войти в состав правительства Эхуда Ольмерта.

Правый британский журнал “Спектейтор” охарактеризовал его как “крайне правого молодчика, который призывает Израиль устроить этническую чистку израильским арабам...”

Когда Йорг Хайдер выиграл выборы в Австрии, функционеры ЕС были в бешенстве...

Теперь Либман приглашен в израильское правительство, а Соединенные Штаты, единственная сверхдержава, и пальцем не пошевелили, чтобы осадить Ольмерта”³.

Проекты по изменению политики США на Ближнем и Среднем Востоке появились в американских неоконсервативных кругах в начале 90-х годов. Толчком к этому послужило неприятие “неоконами” итогов войны против Ирака в 1991 г. Для них было неприемлемым, что администрация Джорджа Буша-старшего не использовала победу в войне для свержения режима Саддама Хусейна. В 1992 г., после развала биполярной системы международных отношений, в Пентагоне Пол Вулфовиц при поддержке Дика Чейни принял за разработку идей закрепления превосходства Соединенных Штатов на мировой арене и превентивного использования силы. Обсуждались возможность задействовать военную мощь страны для предотвращения распространения оружия массового уничтожения и вероятность ситуации, в которой США прибегнут к созданию временных коалиций для решения конкретных международных проблем или вовсе откажутся от помощи союзников.

В годы правления администрации Билла Клинтона Вулфовиц продолжил развивать заявленные им ранее постулаты в Школе углубленных международных исследований им. Джонса Хопкинса. К 1997 г. круг людей, разделяющих его идеи, был уже достаточно широк, чтобы ведущийся в нем дискурс формализовался.

Так возникла организация *“Проект для нового американского века”*.

Помимо Вулфовица ее членами значились Элиот Абрамс, Ричард Перл, Дуглас Фейт, Дональд Рамсфельд и др.

В центре их внимания находились темы распространения демократии и смены диктаторских режимов, среди которых наибольшую враждебность вызывал Багдад.

Их мнения и оценки пропагандировались на страницах журнала *“Уикли Стэндард”*, главным редактором которого был Уильям Кристол.

В январе 1998 г. восемнадцать неоконсерваторов обратились с открытым пись-

мом к Биллу Клинтону с призывом сменить правящий режим в Ираке, причем сделать это предлагалось, в случае необходимости, в обход Совета Безопасности ООН.

Уже в середине 90-х годов неоконсерваторы сделали ставку на Дж.Буша-мл. как на одного из возможных претендентов на пост президента США. Роли между “неоконами” распределились заранее.

Соответственно в 2001 г. Рамсфельд занял пост главы Пентагона, Вулфовиц – его заместителя, Фейт – помощника по политическим вопросам, Перл – руководителя Совета по оборонной политике при министерстве обороны с широкими полномочиями. Третьим номером в аппарате Колина Пауэлла стал Джон Болтон, получив должность помощника госсекретаря по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности.

Надо сказать, что неоконсерватизм второй волны не представлял собой, в отличие неоконсерваторов первой волны, строго очерченный круг людей. Часть тех, кого стали называть “неоконами”, не чурались этого, другие противились, однако на практике и те, и другие выступали в одной связке и делали одно дело.

Так, Джон Болтон никогда не был либералом и предпочитал называть себя “консерватором – либертарианцем” или “консерватором – государственнымником”⁴. Но с “дипломированными” неоконсерваторами он разделяет идеи ярого антикоммунизма, нераздельного суверенитета Америки, смены неугодных США политических режимов, глобальной миссии США и их исключительности, концепцию превентивного удара, подчиненности международного права американским интересам.

По мнению Болтона, США могут использовать для продвижения своих интересов межгосударственные организации, но надгосударственные структуры, наподобие Евросоюза, им противопоказаны.

ООН он характеризует, как "инструмент внешней политики США" и как "идею базирования международного порядка не на согласованных решениях суверенных правительств, а на надгосударственных институтах, опирающихся на транснациональные (правовые) нормы"⁴.

Но в его позиции есть и заметные отличия от неоконсервативной доктрины. Последняя, например, нередко именуется вильсонизмом (по имени президента США Вудро Вильсона) "с оружием в руках", то есть распространением либеральной демократии с помощью силы, или секулярным мессионизмом.

"Использование вооруженных сил ради американских интересов не вызывает у меня беспокойства, — говорит Болтон. — ...Но я никогда не был сторонником вильсонизма. И президент (Буш-младший) не говорит о распространении демократии, он говорит о распространении свободы"⁴.

Таким образом, если неоконсерваторы стремятся силой оружия продвигать американские демократические идеалы, и считают это *долгом США*, то консерваторы, подобные Болтону, готовы *по возможности освобождать другие народы от тирании, и предоставлять им право самим решать, что дальше делать со своей свободой*.

Трудно судить о том, насколько большим было идеологическое влияние неоконсерваторов на нового президента до событий 11 сентября 2001 г. В ходе предвыборной кампании внешняя политика, включая тему Ирака, не фигурировала среди приоритетов Дж.Буша, тем более не было в ней намека на стремление реализовать цели "*Проекта для нового американского века*". Поначалу Буш проявил себя как политик, плохо разбиравшийся в международных делах, не интересовавшийся ими, склонный скорее к внешнеполитическому изоляционизму, чем к экспансионизму.

Однако "свита короля" делала свое дело. В сентябре 2000 г. члены "Проекта" выступили с документом, озаглавленным "*Перестраивая американскую оборону: стратегия, военные силы и ресурсы*".

В нем содержался призыв резко увеличить военные расходы США и приготовить их вооруженные силы к участию сразу в нескольких крупномасштабных военных конфликтах. Предполагалось, что закрепление глобального доминирования США может произойти в результате некоего катастрофического события, наподобие Перл-Харбор. Конечно, содержалась установка на свержение режима Саддама Хусейна как часть плана по усилению влияния США в регионе Большого Ближнего Востока и мира в целом. И все же лишь террористические атаки на США годом позже поместили эти темы в центр внимания не только "неоконов", но и самого президента.

Начиная с первых дней нового отсчета времени на "часах" внешней политики США — с 11 сентября 2001 г., — Рамсфельд и Вулфовиц активно лоббировали идею вторжения в Ирак.

Успешное применение массовой военной силы против талибов и Аль-Каиды в Афганистане только укрепило их уверенность в своей правоте. Участь талибов в Афганистане, с их точки зрения, должны были разделить и другие недружественные режимы.

К весне 2002 г. идею смены режима стал все чаще высказывать сам Дж.Буш. Одновременно неоконсерваторы создавали инфраструктуру реализации своих планов.

Осознавая, что многое в их предпринятии будет зависеть от интерпретации разведывательными структурами угроз со стороны Ирака, и не доверяя неподконтрольным "неоконам" ЦРУ и Агентству военной разведки (АВР) в структуре министерства обороны, они создали в Пентагоне Отдел особого планирования во главе с Абрамом Шульски, который, как нетрудно

догадаться, был "своим" в лагере неоконсерваторов. Помимо ЦРУ и АБР, Отдел стал основным поставщиком "правильной" развединформации для президента.

"Разведывательное сообщество, — пишет Фрэнсис Фукуяма, — никогда не занимало такой алармистской позиции в отношении угрозы терроризма и ОМУ, как президентская администрация. Переоценка этой угрозы послужила оправданием для того, чтобы поместить превентивную войну в центр новой стратегии безопасности"¹.

Таким образом, к 2002 г. влияние неоконсерваторов на принятие внешнеполитических решений Белого дома стало решающим, а "реалисты" были отодвинуты в сторону. Однако было бы ошибочно считать, что это влияние вылилось в широкое представительство неоконсерваторов в верхних эшелонах американского политического истеблишмента.

Наиболее высокопоставленным "неоконом" в администрации Дж.Буша-мл. стал Пол Вулфовиц, который, в свою очередь, привел за собой в министерство обороны целую команду единомышленников, включая Фейта и Перла. Они, в свою очередь, сделали то же самое; так, в Совет по оборонной политике Ричарда Перла вошел Э.Коэн, восхвалявший Д.Рамсфелда в книге "Высшее командование: солдаты, государственные деятели и лидерство в период войны"⁵, в том числе его пренебрежительное отношение к советам профессиональных военных.

Те, кто стоял в иерархии государственных служащих выше Вулфовица, не были ни идеологами американского неоконсерватизма, ни его последовательными сторонниками. Но в создавшихся после 2001 г. условиях неоконсерваторы оказались их естественными союзниками.

Так, министр обороны Дональд Рамсфелд действовал не столько из идеологических соображений, сколько представлял в администрации Буша-младшего интересы военно-промышленного комплекса США.

Однако его вера в приоритетность военной мощи в деле распространения американского влияния, презрительное отношение к принципам многосторонности, коалиционности, согласования интересов оказались как нельзя кстати для реализации нового миссионерского проекта.

Дик Чейни и "неоконы" испытывали друг к другу симпатии, но движущей силой, стоявшей за деятельностью вице-президента, были интересы американского нефтяного лобби и стратегические интересы США в регионе Персидского залива.

"Своей" среди неоконсерваторов не была и помощник по проблемам национальной безопасности, а затем госсекретарь Кондолиза Райс, которая являлась скорее главным "передаточным звеном" по донесению до мира внешнеполитических инициатив президента. Будь его инициативы иными, она исполняла бы их с одинаковым рвением. То, что Буш с конца 2001 г. взял на вооружение ряд неоконсервативных постулатов, не вызвали с ее стороны никакого видимого неприятия.

Этого нельзя сказать о предшественнике Райс на посту госсекретаря Колине Пауэлле, который, стараясь сохранить максимальную лояльность Бушу, внутренне всегда противился идеологизации внешней политики США узкой группой гражданских служащих.

Что касается самого президента, то его взгляды на международную роль США и методы ее реализации пережили трансформацию после событий 11 сентября 2001 г.

До этого во внешней политике ему были ближе, скорее, идеи американских реалистов и традиционных консерваторов.

Этой точки зрения придерживаются и американские исследователи Айво Даалдер и Джеймс Линдсей, авторы книги "Америка без пут: революция Буша во внешней политике".

С ними можно согласиться в том, что после атаки террористов на США миро-

воззрение президента стало представлять собой причудливую смесь идей из разных внешнеполитических школ. Реализм в его мышлении был представлен уверенностью в том, что мир это опасное место, в котором национальные государства борются за свои интересы, что главное в арсенале государства – сила, по преимуществу военная, что международные соглашения, если они становятся на пути Соединенных Штатов, не должны связывать им руки.

Влияние же неоконсерватизма на президента выразилось в том, что он стал рассматривать роль США в мире как поле битвы добра со злом, в его убежденности, что США – уникальная страна, самим провидением призванная управлять миром и совершенствовать его. Отсюда представление о непогрешимости Америки и непонимание природы 11 сентября 2001 г.

“Как большинство американцев, – заявил Буш вскоре после тех событий, – мне не верится, что это случилось. Ведь я знаю, насколько мы праведны”⁶.

Во время президентской предвыборной кампании Буш показал себя противником прямого вовлечения США, тем более военного, в многочисленные конфликты по всему миру. Однако трагедия “башен – близнецов” заставила его пересмотреть свои взгляды. Какие альтернативы были в его распоряжении?

Реалисты и консерваторы могли предложить с новой силой применить *принципы сдерживания и устрашения*, принесшие результаты в годы “холодной” войны. Проблема этого подхода состояла в том, что теперь речь шла о противостоянии не враждебным государствам, а некой международной террористической сети, у которой нет родины. Против нее могла быть сосредоточена деятельность американских разведывательных служб и контртеррористических подразделений, но их действия на территории ряда государств с

тоталитарными и недружественными США политическими режимами были крайне затруднены. Кроме того, контртеррористические точечные операции, сколь энергичными они ни были бы, с внешней и психологической точки зрения казались слишком слабым ответом на события 11 сентября.

В результате “война с террором” вновь эволюционировала в войну с отдельными государствами.

Такое развитие событий еще могло быть приемлемым для реалистов и консерваторов, ведь война в Афганистане против талибов мало у кого вызывала возражение. Однако здесь-то влияние неоконсерваторов и сыграло принципиальную роль: и Буш, и Рамсфелд, и Чейни не только стали увязывать борьбу с терроризмом со сменой политических режимов в “странах – изгоях”, но фактически использовали лозунг “войны с террором” для свержения неугодных режимов под флагом демократизации.

Теория домино вернулась во внешнюю политику США, на сей раз с противоположным знаком. Если в годы войны во Вьетнаме считалось, что допустить США победу коммунистов в этой стране, все государства Юго-Восточной Азии также “падут”, то теперь демократизация Ирака рассматривалась как стартовая площадка для “распространения демократии” на весь регион Ближнего и Среднего Востока.

Не Афганистан, а Ирак стал водоразделом во внешней политике США. Именно “неоконы” предложили руководству страны идейную платформу, которая увязывала все основные проблемы друг с другом, обеспечивала легитимацию действий и позволяла, как тогда казалось, достичь разнообразных интересов тех, кто вступил в коалицию с неоконсерваторами. Идеология, будь она сутью или прикрыти-

ем, вернулась в центр внешней политики США.

С этой точки зрения война в Ираке и вызванные ею тяжелейшие последствия – прямой результат деятельности теоретиков и пропагандистов-неоконсерваторов, которые несут моральную ответственность за случившееся. Их нынешние заявления о том, что “все пошло не так”, “можно все исправить”, необходим “заключительный рывок” стоят не многого. Ведь дело не в тактических промахах по реализации их идей, а в несостоятельности изначально-ных концептуальных установок.

Надо сказать, что роль водораздела во внешней политике США, которую сыграла война в Ираке, стала очевидна далеко не сразу, и многие американские консерваторы и реалисты поначалу без энтузиазма, но все же поддержали ее. Сделали они это потому, что главным аргументом Белого дома в пользу войны была угроза использования Багдадом против Запада оружия массового уничтожения – аргумент, в правдивость которого тогда многие верили. Но для настоящих “неоконов”, а не их попутчиков, ОМУ было либо предлогом, или в лучшем случае дополнительным козырем в достижении главной цели – закрепления глобального превосходства США.

В конце 2003 г. в свет вышла книга Ричарда Перла и его соавтора Дэвида Фрама “Конец зла: как выиграть войну с террором”.

В ней нет места сожалению по поводу вторжения в Ирак, а неудачи в борьбе с терроризмом возлагаются на “слабовольное” руководство⁷.

Привлекает внимание откровения авторов по поводу ряда вопросов международного характера. Так, они призывают рассматривать политический режим в Иране как нелегитимный, оказывать давление на Северную Корею, в том числе угрозой превентивного удара, в случае нежелательных действий со стороны России

прекратить деятельность Совета Россия – НАТО, не подчиняться решениям ООН до изменения ее Устава, полагаться на военную мощь США и на ее моральное лидерство в деле наведения порядка в мире.

Противников неоконсерваторов больше всего беспокоило их опора в сфере американской внешней политики на силу.

“В настоящее время американцы, – пишет Эндрю Басевич, – оказались под властью милитаризма, проявляющимся в романтизации военной службы, в склонности воспринимать военную силу как истинное мерило национального величия, в переоценке возможностей ее использования. В масштабе, беспрецедентном в истории США, американцы стали воспринимать национальную мощь и благополучие в терминах подготовленности вооруженных сил, боевых действий и военных идеалов (или ностальгии по ним)”⁸.

Чем, как не проявлением культа силы, является заявление, сделанное Бушем в Морской академии в мае 2002 г.: “Лучший способ защитить наших граждан – находиться в режиме нападения”.

Силовая внешняя политика стала логическим продолжением концепции “великодушного гегемона” с ее рассуждениями о Паксе Американца и просвещенном империализме, обоснованной в работах Уильяма Кристола, Роберта Кагана, Макса Бута и др.⁹.

Важно отметить, что современный культ милитаризма в США, прославление военной силы, был развит не столько военными идеологами и стратегами, сколько гражданскими, то есть в данном случае неоконсерваторами. В этом ключ к пониманию феномена “гражданского милитаризма” и того, почему в последние годы столь часто проявлялось недовольство профессиональных американских военных и политического руководства страны друг другом, почему “неоконы” сваливают вину за провалы в Ираке на военных, а

те в свою очередь считают виноватыми политиков в штатском. Конечно, неоконсерваторы не несут единоличной ответственности за разжигание культа милитаризма, ведь даже либеральный Голливуд в 90-е годы переболел лихорадкой фильмов, воспевающих американских военных.

Но бесспорно, что именно “неоконы”, воспользовавшись событиями 2001 г., атмосферой всеобщего страха и подозрительности, чрезмерной уверенностью части американского военного истеблишмента в потенциал нового поколения высокоточного оружия, сыграли ключевую роль в идеологическом обеспечении милитаризации внешней политики США.

Иракская авантюра похоронила состоятельность трех главных неоконсервативных догматов:

- стратегию превентивной войны,
- стратегию односторонних действий или действий с опорой на “коалицию желающих”,
- стратегию демократизации.

Идеологическая и организационная инерционность огромной государственной машины США и в 2007 г. еще обеспечивает некоторое подобие следования неоконсервативным рецептам президентской администрации. Однако фактически неоконсерватизм во внешней политике – идеология на излете, в высших эшелонах государственной власти США “неоконов” и след простыл, на своих постах остаются лишь некоторые из числа их ставленников, в том числе президент Буш.

Совпадение идеологических установок неоконсерваторов и практических установок ряда ведущих фигур в президентской команде придали в 2001–2003 гг. мощный импульс внешней политике США. Однако, он оказался контрпродуктивным. Захватив Ирак и свергнув Саддама Хусейна, США не только не достигли поставленных пе-

ред собой целей, но и усугубили проблемы, которые их действия были призваны решить. Ирак превратился в рассадник терроризма, а Иран с удесятенными силами принялся разрабатывать ядерные технологии.

Весь регион Большого Ближнего Востока как никогда дестабилизирован.

Несколько тысяч американских солдат и десятки тысяч иракцев поплатились своими жизнями за “Проект для нового американского века”.

Удивительно, насколько догматичным и костным оказалось мышление многих “неоконов” второго поколения. Свойственная им идеологическая зашоренность привела к выходу из их рядов ряда видных идеологов американского неоконсерватизма “второй волны”.

Так, последней каплей, переполнившей чашу терпения Фрэнсиса Фукуямы, стало, по его словам, выступление Чарльза Краутхаммера и реакция зала в Американском институте предпринимательства в феврале 2004 г. Речь имела характерное название: “Демократический реализм: американская внешняя политика для однополярного мира”.

Фукуяму возмутило то, что через год после начала войны в Ираке, после всех провалов и скандалов, Краутхаммер охарактеризовал вторжение в Ирак как однозначный успех.

“Я не мог понять, – пишет автор “Конца истории”, – почему все вокруг меня с энтузиазмом аплодируют. И это в условиях, когда США не нашли в Ираке оружия массового уничтожения, втянуты в беспросветную партизанскую войну и почти полностью изолировали себя от остального мира...”¹.

Демонстративный выход из рядов “неоконов” Фрэнсиса Фукуямы в 2006 г. еще больше ослабил идеологические позиции американского неоконсерватизма, еще больше укрепил впечатление, что эта идеология – на излете. Дискредитация внешнеполитиче-

ской доктрины неоконсерватизма второй волны вновь может усилить позиции в американском политическом истеблишменте “реалистов” и “идеалистов” (или “либеральных интернационалистов”) – представителей двух традиционных американских внешнеполитических школ.

Однако неоконсерватизм не обязательно исчезнет без следа, ведь, например представители другого традиционного направления – “консерваторы-националисты” (их также называют “джексоновцами” по имени президента США Эндрю Джексона) восприняли ряд постулатов неоконсерваторов, что снизило роль изоляционизма в их взглядах. Свои идеи продолжают отстаивать и “твердолобые” среди неоконсерваторов второй волны. Те же, кто вышел из их рядов, не обязательно принципиально пересмотрят свои позиции. Так, Фукуяма разорвал с “неоконами” не только из идейных соображений, но и потому, что после войны в Ираке термин “неоконсерватизм” оказался неразрывно связан с действиями администрации Буш-младшего, внешняя политика которого дискредитировала идейные установки настоящих неоконсерваторов.

Фукуяма предпочитает изобрести новый термин для обозначения своей позиции – “реалистичный вильсонизм”, хотя на деле предлагает лишь усовершенствовать неоконсервативные подходы.

Под “реалистичным вильсонизмом” Фукуяма подразумевает соединение ряда принципов реализма и идеализма во внешней политике США, за счет чего стремится сделать неоконсерватизм более гибким и приемлемым для современного мира.

Фактически, открещиваясь от наиболее неприглядных сторон политики “нео-

конов”, он сохраняет верность базовым принципам второй волны американского неоконсерватизма. Среди них выделяются следующие:

- надо оценивать государство не только по его поведению на международной арене, но и по ситуации внутри него;

- силовые методы часто необходимы для распространения американских моральных ценностей;

- американский суверенитет неприкасаем и не может быть ограничен никакими международными организациями.

Фукуяма остается типичным представителем неоконсерватизма и благодаря тому, что продолжает оценивать события сквозь призму мышления “холодной” войны, отличается американоцентричным взглядом на историю, который приводит к ее умышленному искажению (трудно поверить, что такие интеллектуалы, как Фукуяма, делают это по незнанию).

Так, в его книге, посвященной “разрыву” с “неоконами”, имеется такой пассаж: “...Соединенные Штаты вступили в войну с нацистской Германией и сыграли ключевую роль в победе над ней”¹. Как говорить, без комментариев.

Фукуяма – из разряда тех американских мыслителей, которые, покуда лидирующая роль США не оспаривается, готовы анализировать сложные проблемы современности, выстраивать изящные идейные схемы, подкрепленные множеством фактов. Но как только речь заходит об исторических событиях, где США оказываются на вторых ролях или должны разделить пальму первенства с кем-то еще, здравый смысл оставляет этих мыслителей, идеологическая зашоренность словно как-то проходит по их рациональности.

Как бы не сложилась дальнейшая судьба американского неоконсерватизма во внешней политике, а точнее, того, что от него осталось, сумеет ли он сохраниться как самостоятельное течение, преобразуется во что-то новое или сольется с другими идейными школами, очевидно, что пик его влияния остался позади.

И дело не только в тактических или даже стратегических ошибках, допущенных “неоконами” за последнее десятилетие.

Неоконсерватизм как внешнеполитическое течение сложился в годы “холодной” войны, был ее детищем.

В 90-е годы он встал на службу США как единственной сверхдержавы и в начале XXI в. оказал непосредственное влияние на формирование внешней политики США. Однако принципиальным изъяном его доктрины стала ставка на идеи однополюсного мира и глобального доминирования США. Если такой мир и существовал в 90-е годы, то этим полюсом были не Соединенные Штаты, а Запад в целом. Но как только США возомнили себя воплощением Запада, низвели своих союзников до роли обслуги или, в лучшем случае, неравных партнеров, неизбежно начала складываться новая международная система сдержек и противовесов.

Идеологически обосновав проект для “*нового американского века*” и добившись подчинения внешней политики США своим целям, неоконсерваторы невольно способствовали приближению конца однополюсного порядка, за который они так ратовали.

Когда-то неоконсерваторы первой волны обосновывали критику государственного вмешательства тем, что благие пожелания часто приводят к негативным результатам – закон “непредвиденных последствий”.

Со вторым поколением “неоконов” история сыграла злую шутку, обратив действие этого закона против них самих: стремление превратить США в “либеральную империю”, изменить мир силовыми методами привели к прямо противоположному результату – снижению веса Соединенных Штатов на мировой арене, потере ими авторитета и влияния. Хороший урок для моралистов со стилетом в кармане.

Примечания

¹ *Fukuyama F.* After the Neocons. America at the Crossroads. London: Profile Books, 2006. P. 48, 6, IX, X, 17.

² *Simes D.K.* Unrealists // The National Interest. 2006. Summer. P. 7.

³ The Spectator. 2006. 11 November. P. 77.

⁴ Exit Interview. A conversation with John Bolton // The American Interest. 2007. Vol. 2. No 4. P. 43, 45, 49, 51.

⁵ *Cohen E.* Supreme Command: Soldiers, Statesmen, and Leadership in Wartime. New York: Free Press, 2002.

⁶ *Daalder I.H., Lindsay J.M.* America Unbound: the Bush Revolution in Foreign Policy. Washington DC: Brookings Institution, 2003. P. 194.

⁷ *Frum D., Perle R.* An End to Evil: How to Win the War on Terror. New York: Random House, 2003. P. 195.

⁸ *Bacevich A.J.* The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War. New York: Oxford University Press, 2005. (Цит. по: Orbis. 2006. No 3, Summer. P. 573).

⁹ *Kristol W., Kagan R.* Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. No 4.

Кавказ во внешней политике США

Семед Семедов,
кандидат философских наук

В конце XX – начале XXI в. Кавказ и Центральная Азия становятся местом притяжения геополитических интересов США, Китая, Индии, Пакистана, ЕС, Турции, Ирана, и, естественно, России, которая сама является кавказским государством. Процессы глобализации вплотную подошли к Кавказскому хребту со всех сторон.

С распадом СССР западные страны получили доступ в некогда “закрытые зоны”: Кавказ, Каспийское море, Центральная Азия (в советской науке этот регион был известен как “Средняя Азия”). Пока новые государства проходили процесс самоидентификации, мировые и региональные державы присматривались к природным богатствам региона. Сработала историческая память потомков нобелей и ротшильдов, которые еще 100 лет назад делали баснословные состояния на бакинской и грозненской нефти.

Распад Советского Союза совпал с обнаружением предварительных данных о фантастических запасах нефти и газа на Каспии. Кавказско-Каспийский регион стал ареной столкновения интересов различных стран не только из-за больших запасов углеводородов, но и огромных биологических ресурсов, в том числе 90% мировых запасов осетровых. Кавказ имеет выгодное географическое положение, является важнейшим транспортным и коммуникационным узлом.

Оценив важное геостратегическое значение Каспийско-Кавказского региона, региональные и мировые державы активизировали свою политику в данном направлении. Западные державы и Турция начали устанавливать контакты с кавказскими государствами по линии международных организаций: ООН, ОБСЕ, которые стали принимать участие в урегулировании межэтнических и территориальных конфликтов в регионе. США, претендуя на роль единственной сверхдержавы в мире, проводит особенно активную политику на Кавказе.

США на Кавказе: исторический экскурс

АРМЕНИЯ. После окончания Первой мировой войны США выступали в защиту армянского народа, но не оказали никакой реальной помощи возникшему в ноябре 1917 г. и просуще-

ствовавшему до 1920 г. независимому армянскому государству. Вашингтон вообще не приветствовал “парад суверенитетов” с 1917 г., исходя из того, что Россия должна быть неделимой и

некоммунистической¹. Таким образом, исторический отчет межгосударственных взаимоотношений США и Армении можно начинать с 1991 г., но армяно-американские связи стали складываться с конца XIX в. в связи с началом геноцида армян в Османской империи.

В 1915–1923 гг. от частных лиц и различных организаций США в правительство поступили сотни тысяч посланий с протестом против преступлений турок и призывами помочь армянам².

На государственном уровне эти традиции проявились в осуждении геноцида армян и признании ответственности турецкого государства за совершенное преступление.

В разное время геноцид армян осудили 11 президентов США, в том числе и непосредственные современники событий – Т.Рузвельт, В. Вильсон, Г. Гувер, Ф. Д. Рузвельт.

Позиция правительства США по армянскому вопросу была изложена в послании Верховному совету союзных держав 24 марта 1920 г. "В подлинном интересе правительства Соединенных Штатов к плану, касающемуся Армении, не приходится сомневаться, и правительство уверено, что цивилизованный мир ожидает и требует самого благожелательного обращения с этой страной. Границы Армении должны быть определены с таким расчетом, чтобы удовлетворить все законные требования армян и обеспечить им свободный и удобный выход к морю"³.

В связи с этим требует разъяснения факт отказа США от мандата на временное управление Арменией, предложенный 28 апреля 1920 г., и вообще от каких-либо активных действий в поддержку независимости Армении.

Державы Антанты, и особенно Великобритания, присвоив мандаты на управление богатыми нефтью бывшими арабскими владениями Османской империи, предложили США сложную задачу управления Арменией – разоренной страной с населе-

нием, подвергшимся геноциду и изгнанию. Руководствуясь интересами своей имперской политики и стремясь компенсировать территориальные потери Турции и направить ее амбиции на Кавказ и Среднюю Азию, английская дипломатия создавала такие условия, которые сделали бы принятие мандата Соединенными Штатами невозможным.

Она сознательно игнорировала требования США о предоставлении армянскому государству выхода в Средиземное море в Киликию и передачи ему населенных армянами территорий Закавказья, включая Карабах.

Тем самым, Великобритания создавала ситуацию для полного вытеснения США из региона.

Турецкие националисты предлагали американцам не определять армяно-турецкую границу и соблазняли их перспективой американского мандата на всю территорию бывшей Османской империи. Переговоры с кемалистами об американском мандате на Турцию вел, в частности, генерал Харборд – глава специальной американской военной миссии для Армении, посланный президентом Вильсоном с целью исследовать политические, военные, географические и другие условия, которые могли бы представлять действительный интерес для США. Приехав в Сивас в конце 1919 г., Харборд встретился с Мустафой Кемалем и другими руководителями представительного комитета, сформированного на Сивасском конгрессе.

Однако, приняв мандат на управление Арменией, США оказались бы перед реальной угрозой военного столкновения не только с большевистской Россией, но и с Турцией, которую Великобритания подталкивала к присоединению ряда тюркских районов Российской империи.

США выступали тогда за территориальную целостность российского государства и поэтому отказывались

признавать независимость государств, образовавшихся в Прибалтике и Закавказье после Первой мировой войны. В частности, они не согласились с решением Верховного Совета союзных держав о признании закавказских республик. Однако, в 1920 г., когда появилась реальная перспектива “советизации” Армении, США начали склоняться к возможности признания независимости Армении и трактовали это как “особый случай”.

Для полноты истории армянской политики США необходимо остановиться на арбитражном решении президента США Вудро Вильсона по армяно-турецкой границе, вынесенном 22 ноября 1920 г. США первоначально выступали за восстановление “исторических границ” Армении.

Впоследствии, отказавшись под воздействием союзных держав от концепции “исторических границ”, они сделали акцент на этнические основания, сосредоточив свои усилия на достижении выхода армянского государства к Средиземному морю в Киликии.

На заседании Совета четырех В. Вильсон дважды поднимал вопрос о Киликии, используя карты и рекомендации армянских экспертов, но встретил жесткое сопротивление союзников и был вынужден согласиться с вариантом, подготовленным комиссией Кинга-Крейна.

Однако уже тогда прагматический подход к решению армянского вопроса заявлял о себе и, нередко, становился весомее гуманистических и морально-этических доводов. Так, воздействие политического фактора (в виде стремления к сговору с турецкими националистами и учета интересов нефтяных и иных компаний) проявилось в выдвижении альтернативных подходов, обоснованных комиссией Кинга – Крейна. Чтобы иметь возможность договориться с кемалистами, стремившимися сохранить территориальную целостность

Турции под мандатом США, комиссия Кинга – Крейна проявляла готовность отказаться от варианта “большей по размерам турецкой Армении”, включающей все исторические земли Великой и Малой Армении и Киликии, и приняла вариант “меньшей по размерам турецкой Армении” с “предельно ограниченной территорией” – частью бывшей коренной Великой Армении. Эти части Армении, как отмечалось, имели армянское большинство до войны. При таком решении территория исторической Малой Армении, часть Великой Армении, а также Киликия оставались бы под мандатом США в пределах Турции, хотя комиссия и делала многозначительную оговорку о возможности поставить вопрос о присоединении Киликии к Армении позднее.

Согласно арбитражному решению, Республика Армения, которая тогда включала территории Карской области и Нахичевани в пределах довоенной российско-турецкой границы, получала приращение, равное примерно половине “армянских” вилайетов Ван, Битлис, Эрзерум и Трапезунд с общей площадью в 40 тыс. кв. миль, что составляло около 40% территории исторической Армении в Турции. В результате согласованного нападения на Демократическую Республику Армения турецких войск и российских большевиков Армения была разделена: 9/10 ее территории отошли к Турции и Азербайджану, а на 1/10 установлена Советская власть.

Западные державы примирились с этим фактом, заключив с Турцией Лозаннский мирный договор, в котором Армения уже не упоминалась.

Когда же после победы над гитлеровской коалицией в 1945 г. Советское правительство поставило вопрос о возвращении Советской Армении отошедших к Турции армянских территорий, США встали на сторону Турции.

12 июля 1948 г. было подписано соглашение между США и Турцией по условиям предоставления финансовой помощи и пресечения попыток развития тесного экономического сотрудничества между СССР и Турцией. Считается, что это первый практический шаг в “холодной войне”. Именно с этого момента началось фактическое и политическое присутствие США в Турции.

В 1952 г. Турция была принята в состав военно-политического блока НАТО.

После установления военного партнерства США все более ориентируются на осуществление своих интересов в Закавказье через призму реализации турецких интересов в этом регионе.

При рассмотрении американо-армянских отношений необходимо учитывать такой важный фактор, как армянская диаспора в США.

Армянские специалисты отмечают, что их диаспора гибкая, законопослушная, быстро приспосабливающаяся к требованиям страны проживания. Кроме того, влияние диаспоры позволяет рассматривать ее официальному Еревану как возможного конкурента при проведении внешнеполитических решений и развития международных контактов.

А, значит, Ереван вынужден считаться с ориентациями диаспоры и искать ее поддержки в международной деятельности, в том числе в сфере двусторонних контактов между США и Республикой Армения.

ГРУЗИЯ. АЗЕРБАЙДЖАН. Исторические связи США и Грузии, США и Азербайджана представлены в гораздо меньшей степени.

США в “грузинском вопросе” оставались на позициях непризнания суверенитета Грузии и поддержки идеи единой, неделимой, небольшеvistской России.

В период Гражданской войны в России основными государствами, влиявшими на развитие событий в Азербай-

джане оставались, как и в целом в регионе, Турция и Великобритания. Последняя имела в Восточном Закавказье не только геополитические, но и значительные экономические и финансовые интересы.

Таким образом, взаимоотношения США с Грузией и Азербайджаном не имеют таких глубоких традиций и этнических связей как с Арменией, но есть косвенные обстоятельства, позволяющие говорить о наличии определенного “груза прошлого” и в отношении этих новых независимых государств.

Нетрудно предсказать, что в ряде конфликтных районов на постсоветской территории, в том числе и на Кавказе, геополитический фактор будет присутствовать практически постоянно, что означает возможность международного вмешательства в любой момент и в любой форме. Это обстоятельство заставляет более реалистично оценить приоритеты внешней политики США на постсоветском пространстве, подчеркнув их ориентированность на реализацию, прежде всего, национальных интересов единственной теперь в мире сверхдержавы. Отсюда – избирательность в выборе партнеров по сотрудничеству и в выборе приоритетных сфер этого сотрудничества.

По мнению российских специалистов, США отслеживают процесс формирования внешнеполитических приоритетов всех новых государств, хотя практически во всем, что выходит за рамки ядерных проблем и непосредственных экономических интересов, занимают позицию не особенно заинтересованного наблюдателя.

По отношению к государствам Закавказья до последнего времени наблюдалось ограниченное или сдержанное внимание Соединенных Штатов, прежде всего, из-за крайне нестабильной политической ситуации.

Концентрация на сравнительно небольшом пространстве двух полномасштабных войн (абхазской и карабахской), нескольких тлеющих конфликтов и напряженных армяно-грузинских отношений, близость Чечни делала Закавказье

совершенно непривлекательным местом приложения капиталов и, напротив, вызвала стремление по возможности дистанцироваться от происходящих здесь событий с момента провозглашения независимости республик Закавказья.

Позиция США по вопросу Нагорного Карабаха

США с большей заинтересованностью следят за развитием армяно-азербайджанского конфликта. Позиция Вашингтона складывалась под влиянием как проармянских симпатий, декларируемых армянской диаспорой в США, так и твердым намерением скорректировать свою линию с точкой зрения такого важного союзника США в регионе, как Турция, поддерживающей в карабахском вопросе Азербайджан. Начав в конце 80-х годов с общего выражения поддержки права наций на самоопределение, которое можно было интерпретировать и как выражение лояльности к устремлению карабахских армян, США в последнее время определенно склоняются к пониманию невозможности взаимоприемлемого разрешения конфликта на основе территориальных изменений.

По оценке американских специалистов, свою роль в эволюции американской позиции сыграли полученные через собственные (после открытия американского представительства в Баку) и независимые международные источники сведения, указывающие на наличие непримиримых настроений в Ереване и Степанакерте⁴.

Этой же позиции придерживаются специалисты Института США и Канады РАН.

В частности, в докладе "Приоритеты США в новом зарубежье" специалисты ИСКРАН полагают, что изменение политики США по отношению к роли Армении в карабахском конфликте вызвано "непримиримой позицией Армении".

При анализе эволюции позиции США в карабахском вопросе и, в це-

лом, отношения США к Армении и Азербайджану необходимо учитывать ту роль, которую сыграл подписанный осенью 1994 г. "контракт века", открывший компаниям США доступ к нефтяным запасам Каспийского моря и прилегающих к нему районов.

Как член Минской группы ОБСЕ США были вовлечены в процесс урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха больше, чем в любой другой конфликт на постсоветском пространстве.

Как отмечается в публикации авторитетного Института мира, прямое участие этой державы в поисках решения карабахской проблемы "будет серьезным испытанием намерения и способности Соединенных Штатов внести позитивный вклад в разрешение подобных споров", в решение "ключевых международных вопросов нашего времени, затрагивающих проблемы войны и мира"⁵.

В определении миротворческого потенциала США в карабахском конфликте проявляются различные подходы, основанные на придании решающего значения либо идеалистическим взглядам во внешней политике, его приверженности праву и справедливости, либо материалистическим началам в виде заинтересованности всемогущих нефтяных компаний в азербайджанской и среднеазиатской нефти, а также ориентации на пантюркизм на государственном уровне.

В 1992 г. США приняли Закон о поддержке свободы (*Freedom Support*), который предусматривал пре-

доставление экономической помощи государствам, появившимся на постсоветской территории, для решения гуманитарных проблем, демократизации, помощи в построении рыночных экономик.

В том же году Палата представителей Конгресса США приняла поправку 907 конгрессмена Портера, запрещающая предоставление государственной помощи правительству Азербайджана до тех пор, пока Азербайджан не прекратит блокаду и "иные недружественные действия в отношении Армении". Президент Г.Алиев назвал решение Конгресса неожиданным на фоне последних шагов, направленных на расширение сотрудничества в освоении нефтяных месторождений на шельфе Каспия.

В то же время, США поддерживали инвестиции американских компаний в энергетический сектор Азербайджана – это было проявлением стратегии по диверсификации поставок нефти на международный рынок. Под нажимом американского нефтяного лобби уже в 1997 г. в "поправку Постера" был внесен ряд исключений, позволяющих предоставление помощи Азербайджану по отдельным программам.

В 2001 г. во время турне по Закавказью министр обороны США Д.Рамсфельд заявил, что отмена 907-й поправки открывает возможности для развития сотрудничества между двумя странами в оборонной сфере. В результате ограничения, на-

лагаемые поправкой № 907, сохраняют силу лишь в отношении прямой экономической и военной помощи правительству Азербайджана.

Уже к 2006 г. половина инвестиций в энергетику Азербайджана приходится на американские корпорации.

Анализировать геополитические интересы США в Закавказье нельзя без учета давних партнерских отношений США с Турцией и взаимоотношений США с другими сопредельными государствами (Россией, Ираном и т.д.).

В новой геополитической ситуации, сложившейся после развала Советского Союза, США открыто выступили в роли покровителя пантюркизма в его современной разновидности. Используя свое положение стратегического союзника, Турция стала активно склонять США на сторону Азербайджана.

Азербайджанская дипломатия активно использует это обстоятельство и целеустремленно разыгрывает нефтяную карту. Президент И.Алиев и его администрация придают нефтяной дипломатии решающее значение. Азербайджанские источники приписывают так называемой "нефтяной дипломатии" активизацию интереса государственного руководства США к карабахскому урегулированию, его намерение перехватить у России роль арбитра в этом вопросе.

США и Грузия

В аналогичном ключе выстраивалась и американская оценка конфликтов в Грузии.

После свержения Звиада Гамсахурдиа и прихода к власти Эдуарда Шеварднадзе ситуация в грузино-американских отношениях несколько улучшилась.

Более тесно начали развиваться американо-грузинские отношения после "революции роз" и прихода к власти

в Республике проамериканского президента Михаила Саакашвили. С 2004 г. направление внешней политики Грузии резко изменилось в сторону более тесного сотрудничества с Западом в целом; при этом отношения с Россией начали ухудшаться.

Возможное посредничество в урегулировании конфликтов на Кавказе рассматривается в Вашингтоне как способ интегрирования в регион.

Главные цели политики США на Кавказе

Геополитические интересы США в Закавказском регионе обусловлены, прежде всего, стратегическим фактором (Закавказье – связующее звено между Турцией, Ираном и Россией), а также экономическим – нефтяными богатствами Азербайджана, которые после заключения “контракта века” существенно поменяли приоритеты США в закавказском регионе.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема возможного военного сотрудничества США с республиками Закавказья, учитывая то обстоятельство, что Турция – партнер США по НАТО, военные базы США расположены на турецкой территории. Развитие же сферы военного влияния НАТО на Закавказье может серьезно поменять геополитическую ситуацию в регионе.

Политика США в 90-х годах “эволюционизировала от добровольной, но довольно пассивной поддержки суверенитета новых стран к четко сформулированному и активному участию в решении широкого спектра региональных проблем политики, безопасности и экономики”⁷⁶.

Активизации действий США на Кавказе началась после подписания Указа Президента России о Стратегическом курсе РФ с государствами – участниками СНГ.

В документе отмечалось, что “на территории стран СНГ сосредоточены наши главные жизненные интересы в области экономики, обороны, безопасности, защиты прав россиян, обеспечение которых составляет основу национальной безопасности страны”. России отводилась роль “ведущей силы в формировании новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на постсоветском пространстве”.

Лишь на рубеже 1995–1996 гг. США приступили к выработке сбалансированной политики и начали разрабаты-

вать различные комплексные механизмы проникновения и закрепления в регионе⁷⁷.

Главные цели политики США на Кавказе были озвучены в 1997 г. Конгресс США объявил Каспийско-Черноморский регион зоной своих жизненно важных интересов.

Проблемы Кавказа и Каспия были выделены администрацией Б.Клинтона в отдельное направление внешней политики: были созданы специальный отдел по региону, целевая рабочая группа в составе Совета безопасности при президенте, учрежден пост специального советника президента и госсекретаря США по вопросам энергетики Каспийского региона.

ЦРУ создало специальное оперативное подразделение, в задачи которого входило отслеживание развития политических процессов, происходящих в регионе, оценки и прогнозы на освоение природных богатств. Был подготовлен доклад ЦРУ, после ознакомления с которым госсекретарь М.Олбрайт констатировала, что “одной из самых важных задач, которые можно решить, будет работа над формированием будущего этого региона”⁷⁸.

Разработкой кавказско-каспийско-центральноазиатской стратегии Вашингтона занимается более 300 специалистов в администрации президента, Конгрессе и научно-исследовательских центрах США.

Практически во всех крупных корпорациях (“Эксон”, “Шеврон”, “Арко”, “Мобил ойл” и...) функционируют специальные отделы, в задачу которых входит изучение проблем Кавказа и Каспия.

Интересы нефтяных и газовых компаний тесно переплетаются с внешнеполитическими интересами США. Свои “политические установки в регионе Вашингтон пытается проводить через крупнейшие корпорации, обеспечивая одновременно их государственное прикрытие”⁷⁹.

Официальный Вашингтон постепенно превращает нефтяные и газовые

компании в свой эффективный инструмент влияния. США продолжают создавать благоприятные условия для своего частного капитала с тем, чтобы в дальнейшем использовать его проникновение уже как стартовую площадку для закрепления в регионе⁷.

Активное участие в кавказско-каспийских проектах США принимают известные государственные деятели: Дж. Бейкер (бывший госсекретарь, почетный советник Американско-азербайджанской торговой палаты, юридическая фирма "Бейкер и Боттс" представляет нефтяной консорциум, работающий в Азербайджане), Дж.Сунуну (бывший руководитель аппарата Белого дома), Г.Киссинджер (бывший госсекретарь), З.Бжезинский (помощник Президента по национальной безопасности), Р.Чейни (бывший министр обороны и вице-президент) являются советниками Американско-азербайджанской торговой палаты.

Главные цели политики США на Кавказе и в Средней Азии администрации Дж.Буша-младшего (они были сформулированы в подготовленном администрацией "Национальная энергетическая политика"): поддержка суверенитета государств этого региона и их связей с Западом, помощь в создании благоприятного бизнес-климата, а также

поддержка строительства нефте- и газопроводов, необходимых для уменьшения зависимости этих стран от России.

После терактов 11 сентября 2001 г. политика США на Кавказе заметно активизируется. США начали рассматривать Кавказ как один из стратегических регионов мира в контексте борьбы с международным терроризмом.

Азербайджан и Грузия предложили войскам антитеррористической коалиции использовать свои аэродромы перед операцией в Афганистане.

По просьбе Грузии, которая заявила о необходимости борьбы с террористами в Панкисском ущелье, США предоставили инструкторов и военное снаряжение.

По оценкам экспертов, размеры американской военной помощи составили около 64 млн. долл., что в четыре раза превышает годовой бюджет Минобороны Грузии.

В 2003 г. Азербайджан и Грузия поддержали действия США в Ираке. Обе республики предложили войскам антииракской коалиции использовать свои аэродромы, а также предложили помощь в послевоенном восстановлении Ирака.

Азербайджан и Грузия вошли в состав антииракской коалиции и направили в Ирак свои воинские контингенты численностью примерно 150 чел. каждый.

Столкновение интересов России и США на Кавказе

На Кавказе столкновение российских-американских интересов достаточно очевидно.

Позиция США влияет на участие закавказских республик в интеграционном процессе в СНГ, на состояние двусторонних отношений с Россией, на урегулирование конфликтных ситуаций в регионе. Особую активность проявляет американская дипломатия в абхазской проблеме, предложив свой вариант ее разрешения без России¹⁰.

Существует своеобразное соперничество России и США в урегулирова-

нии карабахской и других проблем закавказского региона. Причем оба государства стремятся не просто способствовать разрешению тех или иных проблем, но разрешению их с учетом того или иного варианта баланса сил между ними и собственными национальными интересами.

Как бы к этому не относиться, но это реальность, которую необходимо учитывать.

В 2002 г. администрация США фактически отменила ограничения на экспорт оружия в Азербайджан и Арме-

нию, введенный в 1993 г. Это показывает авантюрный характер кавказской политики США. Безусловно, это осложняет проблему разрешения карабахского и абхазского конфликтов. Кроме того, развернувшаяся конкуренция за доступ к освоению и эксплуатации нефтяных ресурсов в каспийском бассейне, их последующей транспортировке еще более осложняет ситуацию вокруг этих конфликтов.

К тому же существует еще и курдская проблема. До определенного времени она имела лишь косвенное значение для Закавказья. Но после распада СССР Армения и Грузия должны определиться по этой проблеме.

Причем не только исходя из исторического прошлого курдского вопроса, но и из сложившейся ситуации на Среднем Востоке после Второй мировой войны, когда СССР расширил свое участие в курдском конфликте поддержкой политических сил курдского национального движения левого толка в Восточной Анатолии, а США со своей стороны смогли добиться своего влияния на курдов в Северном Ираке.

В настоящее время – при совершенно иной ситуации в пограничных районах закавказских республик – курдская проблема может при ее обострении от-

рицательно сказаться на положении в Закавказье.

Соответственно возникает вопрос, насколько Россия сможет активно участвовать в разрешении курдского вопроса и противодействовать или сотрудничать в этом с США.

Существует мнение, что соперничество России и США в Закавказье складывается не в пользу России. Отмечается, в частности, что российская сторона своей непоследовательной политикой создает условия для продвижения США в этот регион.

Пока в Закавказье сохраняется определенный баланс сил между Россией и США. Это является результатом множества факторов внешнего и внутреннего характера.

К внешним можно отнести историческое геополитическое противостояние Ирана и Турции в Закавказье, которое сдерживает активность Турции непосредственно в регионе, а России дает возможность задействовать Иран в защите своих интересов, в том числе и в бассейне Каспия. В свою очередь США не может усилить свою поддержку Турции, ибо это будет способствовать реализации турецких планов в повышении своего геополитического статуса в регионе и, соответственно, в НАТО и Европе.

Американские НПО на Кавказе

Активно действующие на Кавказе американские неправительственные организации и фонды способствуют расширению и укреплению позиций США.

Среди них особо выделяются Фонд Сороса, Американский национальный демократический институт, Фонд партнерства.

Эти организации последовательно способствуют распространению американских ценностей в регионе.

В 1995 г. усилиями Азербайджано-Американского общества и Техасского международного образовательного консорциума

(ТМОК) в Баку основан и функционирует Американский университет, что является символическим шагом для азербайджанской элиты. Обучение в нем ведется по американским учебным программам.

В 1991 г. в Ереване был открыт Американский Университет, способствующий, как сказано в его Уставе, совершенствованию знаний по английскому языку, а также углублению знаний по избранной специальности. При этом студентам предоставляется возможность прохождения практики в США.

В области культуры было подписано соглашение, по которому стороны под-

твердили свое участие в проведении выставок, ежегодных обменов художественными, театральными, музыкальными коллективами. Организовывается также сотрудничество в области телекоммуникаций.

В Ереване создано армяно-американское книгоиздательство, где в основном печатаются книги для детей и юношества, учебники, словари, альбомы.

Анализ основных направлений политики США на Кавказе говорит о том, что в Вашингтоне склонны проводить курс на *многокомпонентное проникновение* в регион. И если в середине 90-х годов кавказский регион негласно считался зоной влияния Москвы, то сегодня факт американского присутствия на территории республик Закавказья является неоспоримой реальностью.

Современная политика США базируется на примате идеи “единого Кавказа”, потому что доктрина американских действий подразумевает не столько унификацию закавказских республик на основе принципов американского глобализма, сколько включение в среднесрочной перспективе в орбиту влияния и территорий российского Северного Кавказа.

Неотъемлемым элементом политики США на территории Кавказа является политическая унификация Грузии, Армении и Азербайджана под эгидой мировой политики США.

“Мягкое” проникновение в экономическую сферу республик Закавказья в Вашингтоне решили проводить поэтапно.

Содействовав вхождению Грузии (2000 г.), Азербайджана (2003 г.) в ВТО, США заручились политическими гарантиями от правительств закавказских республик.

Параллельно с процессом вхождения в ВТО, США заключили с правительствами Армении и Азербайджана договоры “о статусе наибольшего благоприятствования” в торговле, что, безусловно, положитель-

но сказалось на экономическом потенциале этих стран.

Неотъемлемой частью американской доктрины проникновения в Каспийский регион и смежное с ним Закавказье стали меры по переориентации нефтепроводов на пути экспорта нефти из региона в Европу.

Основное внимание Вашингтона в этой сфере в последнее время было приковано к проекту сооружения нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, который идет в обход территорий России и Ирана. Вопреки экономической неоднозначности этого проекта его строительство запущено, и, как планируется, нефтепровод начнет функционировать в 2008 г. Это говорит о примате политической и стратегической ценности Южного Кавказа для США над экономической целесообразностью.

При этом американская помощь по линии Госдепартамента и НАТО органично вписывается в планы политических элит Закавказья закрепить свой авторитет силовым путем.

Действия грузинских властей являются наглядной иллюстрацией к вышесказанному. На сегодняшний день в поле реальной политики официального Тбилиси стоят два приоритета: восстановление “территориальной” целостности и вступление в НАТО.

Вопреки пафосной риторике грузинского руководства, “силовой сценарий” остается вряд ли осуществимым как в отношении Абхазии, так и Южной Осетии. Это происходит, в первую очередь, из-за нежелания официального Вашингтона, руководства НАТО и ЕС допускать вероятность насильственного присоединения республик к Грузии. Речь в последнее время все чаще ведется о применении в отношении Абхазии и Южной Осетии “косовской модели” с дарованием прав автономности.

Администрация США настаивает на необходимости покончить с прежней “российской монополией на Кавказе”, которая противоречит ее концепции “Большого Ближнего Востока”. В конечном итоге, речь идет о пол-

ном вытеснении России с территории Кавказского региона.

В качестве главного инструмента интеграции Южного Кавказа в Вашингтоне рассматривают механизмы НАТО.

Идеальной моделью для Вашингтона было бы одновременное вступление в Альянс всех трех закавказских республик. Однако из этой схемы явно выпадает Армения с ее “пророссийским вектором” во внешней политике.

Приняв участие в программах НАТО “Партнерство ради мира”, “Обучи и оснасти”, грузинские и азербайджанские элиты в военном отношении сделали ставку на дальнейшее вхождение в Североатлантический Альянс. Закавказские республики обладают сетью бывших советских военных баз, что при условии модернизации создаст базис для присутствия сил НАТО в регионе в рамках построения эффективной системы контроля за “Большим Ближним Востоком” и сопредельными территориями Центральной Азии.

Сегодня Вашингтон имеет по отношению к Кавказскому региону вполне четкую внешнеполитическую линию. Новое видение Вашингтона включает в себя меры по глубинному вписыванию политического пространства Закавказья в геополитические построения США.

Американская сторона использует как экономические средства проникновения, так и меры военно-политического характера, осуществляемые по каналам НАТО.

Ныне в Вашингтоне также склонны рассматривать участие в урегулировании потенциальных этнических и территориальных конфликтов как способ интегрирования своего присутствия на Кавказе.

Контроль над этими территориями позволяет решить сразу ряд проблем – создать “политический карантин” против действий России, изолировать Иран, поставить под свой контроль нефтепоток Каспия, а также получить плацдарм на территориях, сопредельных со сферами влияния Китая.

Примечания

¹ Белов Г.А. Проблемы суверенитета в современных международных отношениях. М., 1994. С. 12–13.

² Jidney I.A. A Mandate for Armenia. Kent, 1967. P. 222–223.

³ Papers Relating to the Foreign Relations of the US. 1929. Vol. III. P. 751–752.

⁴ Foreign Policy Bulletin. 1994. November – December. P. 12.

⁵ Unation States Institute of Peace. Special Report. War in the Caucasus: A proposal for settlement of the conflict over Nagorno – Karabak. Washington. 1994

⁶ Чуфрин Г.М. Бассейн Каспийского моря: измерение безопасности // Ежегодник СИПРИ, 1999. Вооружение, разоружение и международная безопасность. М., Наука. С. 237–257.

⁷ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003.

⁸ Вестник Каспия. № 4. 1998. С. 30.

⁹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. С. 373.

¹⁰ Крылов А.Б. Новые участники дипломатической игры // Независимая газета. 1996. 17 сентября.

Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово

Аслан Абашидзе,
доктор юридических наук, профессор

Во второй половине июля 2007 г. была предпринята четвертая по счету попытка принять на заседании Совета Безопасности ООН резолюцию, одобряющую документ (S/2007/168/Add.1 от 25 марта 2007 г.), известный также как “*план специального представителя ООН Марти Ахтисаари*”, который породил много споров, прежде всего политического характера.

Российская Федерация в очередной раз не поддержала резолюцию и она была снята с голосования и передана на согласование контактной группе, где Россия не обладает возможностью заблокировать принятие данного документа. Российская Федерация не поддерживает идею принятия какой-либо резолюции Совета Безопасности, справедливо считая, что все аспекты, связанные со статусом Косово, прежде всего должны быть согласованы с Республикой Сербией, частью которой является Косово.

Руководство Косово, поощряемое западными государствами, грозит, что 28 ноября 2007 г. оно в одностороннем порядке объявит о независимости Косово.

В результате наблюдения за дискуссией по статусу Косово возникают закономерные вопросы: почему такая же активность не наблюдается по отношению статуса других подобных проблемных территорий?

Какие государства и почему проявляют большую заинтересованность в предоставлении независимости Косово?

Какие негативные последствия могут быть в случае принятия предполагаемого документа по статусу Косово?

В данной статье предпринята попытка на основе международно-правового анализа названного документа объяснить широкому кругу читателей суть предполагаемого решения.

В первую очередь обращает на себя внимание несоответствие названия документа с его содержанием.

Документ обозначен как “всеобъемлющее предложение об урегулирова-

нии статуса Косово”, а в самом документе без всяких оговорок речь идет уже о “плане” урегулирования (далее этот документ нами будет обозначен как “план”). Разве “предложения”, ка-

кими бы всеобъемлющими они не были, могут автоматически означать “план” урегулирования, если речь идет о статусе части территории суверенного государства, каким является Косово по отношению к Республике Сербии?

Поскольку в самом документе уверенно говорится уже о “плане”, то возникает закономерный вопрос: кто разработал данный “план” урегулирования и от имени кого он представлен?

В самом документе во многих местах упоминается о международном сообществе в целом, которое, мол, стоит за этим “планом”.

Например, в п. 1.11 “плана” записано: “Международное сообщество будет осуществлять надзор и наблюдение и иметь все необходимые полномочия для обеспечения эффективного и действенного осуществления настоящего Плана урегулирования”.

Хотя в документе имеются ссылки на международное сообщество в целом, однако анализ предлагаемых “планом” механизмов по управлению Косово подтверждает, что решающую роль по их задействию играет Международная руководящая группа (МРГ), в состав которой в соответствии с п. 12.1 “плана” входят “основные международные заинтересованные стороны”.

Интересно кто эти “основные” и вместе с тем “международные заинтересованные стороны”?

Согласно п. 4.1 ст. 4 приложения IX к “плану” “в состав Международной руководящей группы будут входить: Германия, Италия, Россия, Соединенное Королевство, США, Франция, Европейский союз, Европейская комиссия, НАТО”.

По-существу, речь идет о тех государствах, которые ныне контролируют территорию Косово, поделенную на пять зон: немецкую, итальянскую, ан-

лийскую, американскую и французскую. Российский военный контингент не имеет своей зоны, он рассредоточен по этим зонам. Что касается НАТО, Европейского союза и Комиссии Европейского союза то они выступают средствами осуществления “плана” этих же западных государств.

Таким образом, получается, что “основные международные заинтересованные стороны” являются названные западные государства и их структуры, которые лично заинтересованы, но прикрываются ширмой “международного сообщества”, и при этом они пытаются вовлечь Россию в их “план” в качестве соучастницы.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в этом “плане” вообще игнорируется мнение Китая, который по своему статусу постоянного члена Совета Безопасности ООН не менее заинтересован в том, что происходит в центре Европы. Такое игнорирование на уровне “плана”, никак не стыкуется с положениями самого “плана”, предусматривающего одобрение многих его частей со стороны Совета Безопасности, в котором Китай обладает правом вето.

В соответствии с “планом”, “Косово будет многоэтническим обществом, которое будет осуществлять самоуправление демократически” (п. 1.1). Кроме того, Косово “будет обладать правом на ведение переговоров и заключение международных соглашений и правом стремиться к членству в международных организациях”.

Такими полномочиями обладают только суверенные государства. Это подтверждается в пункте 1.8 “плана”: “Косово не будет иметь никаких территориальных претензий к какому-либо государству или части какого-либо государства и не будет стремиться к объединению с каким-либо государством или частью какого-либо государства”.

Если такой статус Косово обособляется как право самоопределения многоэтнического общества Косово в

форме отделения от Республики Сербии, частью которого оно является, то ограничения, содержащиеся в вышеприведенном п. 1.8. “плана” не стыкуются с положениями принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1977 г., который, в частности, гласит: “создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение”.

Получается, что “план” лишает многоэтническое общество Косово некоторых способов самоопределения, а именно права на “объединение с каким-либо государством или частью какого-либо государства”. Понятно, что вышеупомянутые “особо заинтересованные” государства не желают, чтобы в дальнейшем они лишились права контролировать Косово, в результате, например, объединения Косово с другим государством. В “плане”, кстати, четко расписаны все механизмы такого контроля, “основных международных заинтересованных сторон”.

Возникает закономерный вопрос: какая роль “отведена” в этом “плане” Республике Сербии?

Во многих пунктах “плана”, включая п. 1.9, Республике Сербия “настоятельно рекомендуется” сотрудничать с Косово в духе доброй воли по вопросам, касающимся осуществления и реализации положений настоящего Плана урегулирования”. Это – не что иное, как скрытая угроза в адрес Сербии.

В “плане” предусмотрено, что Косово примет конституцию, которая в

обязательном порядке будет включать принципы и положения, содержащиеся в приложении I к “плану”. По п. 1.9. “плана” Косово принимает все обязанности в соответствии с “планом”. Более того, согласно п. 1.1 приложения I к “плану” при наличии разночтений между положениями конституции Косово и положениями “плана” “преимущественную силу имеют положения Плана”.

В будущей конституции Косово уже предусмотрено, что положения о правах и свободах, содержащихся в международно-правовых актах, непосредственно применимы в Косово и имеют преимущественную силу перед любым другим законом. Данное положение соответствует требованиям современного международного права, однако в нем настораживает то, что в перечисленных в “плане” международно-правовых актах, на которые следует ориентироваться, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и протоколы к ней, которая является актом регионального характера, названа раньше, чем такой универсальный международно-правовой акт о правах человека, как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) Такой подход противоречит требованиям гл. VIII Устава ООН.

В п. 3.2 приложения I к “плану” легализируются результаты этнических чисток по отношению сербского населения в Косово. В этом пункте предусмотрено выделение 20 мест в Ассамблее Косово для представителей общин меньшинств в Косово: 10 мест – партиям и независимым кандидатам, заявившим о принадлежности к сербской общине Косово и 10 мест для представителей других общин; из них 1 место для общины рома; 1 место для общины ашкали; 1 место для общины египтян и 1

дополнительное место, которое будет занимать представитель рома, ашкали или египтян, набравший самое большое число голосов; 3 места для общины босняков, 2 места для общины ту-рок и 1 место для общины горан.

Если в начале документа речь идет об обеспечении гарантий прав человека в Косово со стороны международного сообщества, постепенно эти гарантии в “плане” снижаются на уровень властных структур Косово.

В частности, в п. 3.2 “плана” мы видим: “Косово гарантирует защиту национальной или этнической, культурной, языковой или религиозной самобытности всех общин и их членов. Косово также учредит конституционные, правовые и институциональные механизмы, необходимые для поощрения и защиты прав всех членов общин...”.

Спрашивается: где международные гарантии, закрепленные в самом “плане” о том, что Косово будет в действительности создавать подобные условия?

Какие ориентиры имеются для Косово на уровне международного права, чтобы создать необходимые механизмы для поощрения и защиты прав всех членов общин?

В п. 2.1 приложения I к “плану” среди международно-правовых актов названа Рамочная Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств, которая, как известно, не содержит действенных механизмов по удовлетворению всех потребностей меньшинств. Более того, если ныне, в условиях присутствия миротворческих сил ООН в Косово, невозможно обеспечить безопасность людей сербской общины, то кто может гарантировать, что их жизнь улучшится в условиях независимости Косово?

Следует подчеркнуть, что некоторые пункты “плана” носят чисто декларативный характер.

Например, в п. 4.1 “плана” говорится: все беженцы и внутренние перемещенные лица из Косово (речь в первую очередь идет о сербах) будут иметь “право на возвращение и истребование всей собственности и личного имущества в соответствии с внутренним законодательством и нормами международного права”.

О каком “внутреннем законодательстве” здесь идет речь?

Конечно о будущем законодательстве Косово, которого никто не гарантирует. Что касается ссылки на “нормы международного права”, то, к сожалению, до сих пор отсутствуют какие-либо эффективные международно-правовые механизмы по возмещению ущерба беженцам, причиненного им и их имуществу в условиях этнической чистки, которые обычно происходят во время вооруженного конфликта, что имело место в Косово применительно к сербскому населению.

Большая путаница в “плане” существует относительно обозначения сегментов многоэтнического населения Косово.

В п. 1.1 “плана” говорится о “многоэтническом обществе” Косово.

В п. 3.1 “плана” речь идет о “жителях, принадлежащих к одной и той же национальной или этнической, языковой или религиозной группе, традиционно проживающей на территории Косово (именуемые “общины”)”. В п. 10.2 “плана” говорится, в частности, об “общине косовских сербов”. В п. 3.2 приложения I к “плану” речь идет о “представителях общин меньшинств в Косово” вообще.

Анализ соответствующих положений “плана” подтверждает, что за исключением косоваров остальная часть населения Косово рассматривается в качестве национальных меньшинств, чьи права на универсальном уровне определены лишь Декларацией о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, языковым или религи-

озным меньшинствам 1992 г. (если не считать ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.). Более того, в условиях Косово, подход, связанный с обеспечением статуса меньшинства не сработает, по той простой причине, что между косоварами и сербами разница лишь в вероисповедании. А в этом “плане”, то есть по отношению к религиям Косово объявляется как нейтральное государство.

Хотя по “плану” уже предопределены основные положения конституции Косово, тем не менее в нем предусмотрено также учреждение конституционной комиссии “для подготовки проекта конституции в консультации с Международным гражданским представителем (МГП) в соответствии с настоящим Планом урегулирования” (п. 10.1).

Конституционная комиссия будет состоять из 21 члена, 15 из которых будут назначены президентом Косово в консультации с председателем Ассамблеи Косово (по существующим механизмам эти высшие посты занимают и будут занимать косовары).

Представителям сербской общины в Косово в этой конституционной комиссии отведены всего 3 места, что позволяет им выступать лишь в качестве “наблюдателей” процесса принятия заранее предопределенной по содержанию конституции Косово.

По п. 10.4 “плана” Ассамблея (несмотря на преобладание в ней косоваров) “не может официально утвердить конституцию до того времени пока МГП не удостоверит, что она соответствует положениям настоящего Плана урегулирования”.

При таком раскладе вызывает улыбку положения п. 10.3 “плана” о том, что МГП назначит представителей для оказания содействия в работе конституционной комиссии, в том числе в разработке правил ее процедуры и оценки имеющихся международных образцов для подготовки проекта конституции”.

Наверно, здесь речь идет о том, что представители МГП будут помогать членам конституционной комиссии без ошибок переписать соответствующие положения “плана”.

Тем не менее, спрашивается: о каких “имеющихся международных образцах” конституции идет речь?

Кто их устанавливает и каким образом? Также интересно, где они найдут таких представителей, которые в состоянии оценивать несуществующие в природе международные образцы конституции?

Процедура утверждения проекта конституции проста: Ассамблея официально одобрит конституцию большинством в две трети от количества его членов.

Иными словами, голосов косоваров достаточно для одобрения соответствующих положений “плана”, которые являются обязательной частью будущей конституции Косово.

По п. 11.1 Плана “выборы в Косово должны быть удостоверены одним из компетентных международных органов на предмет соответствия международным стандартам”. Таким компетентным органом рассматривается, прежде всего, структура ОБСЕ, по отношению которой имеются серьезные нарекания со стороны России и других государств-членов в связи с ее двойными стандартами по оценке выборов в конкретных странах восточной Европы и постсоветского пространства.

Как видно, Международному гражданскому представителю (МГП) отведена главенствующая роль в жизни Косово. Он назначается Международной руководящей группой (МРГ), в состав которой, как уже отметили, входят “основные международные заинтересованные стороны”, то есть (за исключением России) США, Великобритания, Фран-

ция, Германия, Италия, НАТО, Европейский союз и Европейская комиссия.

После назначения такого представителя МРГ обращается к Совету Безопасности ООН с просьбой утвердить это назначение. Спрашивается, как в этом случае получить согласие со стороны Китая как постоянного члена Совета Безопасности, который всецело исключен из “плана”? По этому “плану” должности МГП и Специального представителя Европейского союза (СПЕС) будет занимать одно и то же лицо, при этом, СПЕС назначается исключительно Советом Европейского союза.

Спрашивается, как сочетать эти процедуры, если назначение СПЕС не согласуется предварительно ни с Советом Безопасности ООН ни даже с МРГ?

По “плану” предусмотрено, что МРГ и в дальнейшем будет “давать рекомендации” МГП в выполнении им/ею его/ее мандата (п. 12.3).

В соответствии с п. 12.3 “плана” МГП будет нести общую ответственность за руководство и будет являться в Косово “высшей инстанцией в толковании настоящего Плана” (следовательно, и ключевые положения конституции Косово).

В истории юриспруденции предоставление полномочий конституционного суда страны гражданскому лицу, каким является МГП, назначаемого извне, наверное, впервые.

По п. 12.4 “плана” на МГП “возложены определенные полномочия для обеспечения и полного осуществления настоящего Плана урегулирования и надзора за ним, включая полномочия на принятие мер, при необходимости, для предупреждения нарушений настоящего Плана урегулирования и исправления положения в случае их допущения”.

По п. 2.1 (с) приложения IX к “плану” такие меры по исправлению положения

могут включать в себя “не ограничиваясь этим, отмену законов или решений, принятых властями Косово”.

Более того, “в случаях серьезного или неоднократного несоблюдения буквы или духа настоящего Плана урегулирования и/или в случаях серьезного противодействия работе МГП и/или представительства Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) он будет уполномочен наказывать или отстранять от работы любое должностное лицо или принимать при необходимости, другие меры для обеспечения полного соблюдения настоящего Плана урегулирования” (п. 2.1 (d) приложения XI к “плану”).

Согласно п. 12.6 “плана” мандат МГП будет действовать до того момента, пока МРГ “не определит, что Косово выполнило положения настоящего Плана урегулирования”.

Европейский союз учредит представительство в рамках ЕПБО для деятельности в области обеспечения правопорядка. Данное представительство “будет оказывать помощь властям Косово”, чтобы они могли действовать, “не подвергаясь политическому вмешательству” в соответствии с “международными признанными стандартами и передовым европейским опытом”.

Интересно, где прописаны эти стандарты и кто накапливает “передовой европейский опыт”?

В “плане” об этом умалчивается.

Как расценить положения п. 13.3 “плана” о том, что представительство ЕПБО осуществляет определенные полномочия, “в особенности в отношении судебных, политических, таможенных и пенитенциарных учреждений в соответствии с такими условиями и на протяжении такого периода, какие будут установлены Советом Европейского союза”, если не прямое вмешательство во внутренние дела Косово?

Далее еще больше! По п. 14.1 “плана” “НАТО учредит международное военное присутствие (МВП) для под-

держки осуществления настоящего Плана урегулирования”.

В соответствии с п. 14.2 “плана” “МВП будет представлять собой силы, возглавляемые НАТО и действующие под руководством Североатлантического совета, который будет осуществлять управление и политический контроль через командные структуры НАТО”.

“МВП будет нести ответственность за создание обеспечения безопасной и спокойной обстановки на всей территории Косово до тех пор, пока косовские институты не будут способны постепенно взять на себя ответственность за решение связанных с безопасностью задач, выполняемых МВП” (п. 14.4).

В связи с этим МВП будет нести общую ответственность за формирование и обучение Косовских сил безопасности, а НАТО будет нести общую ответственность за формирование и учреждение действующей под гражданским руководством правительственной организации, создаваемой для осуществления гражданского контроля за данными силами (п. 14.5).

Спрашивается: что делается для этого, то есть создания собственных возможностей Косово? По п. 5.1 приложения VIII к “плану” предусмотрено создание “профессиональных и многоэтнических новых косовских сил безопасности (КСБ)”, однако на следующих условиях: “косовские силы безопасности будут легко вооружены и не будут иметь тяжелых вооружений. В составе КСБ будет не более 2500 человек, находящихся на действительной службе, и 800 человек, находящихся в резерве” (п. 5.2).

Решение об изменении этих пределов может быть принято МВП по согласо-

ванию с МГП. Косово будет “уведомлять” МВП обо всех источниках финансовых и материальных средств, получаемых КСБ из-за пределов Косово”.

Как видим, в “плане” изначально задумано создание очень слабой национальной военной структуры Косово, которая не будет способна обеспечить безопасную жизнь в Косово. Значит у НАТО создаются все условия постоянного и длительного военного присутствия в Косово.

Спрашивается: как быть со статусом нынешних миротворческих сил ООН в Косово?

По “плану” предусмотрен 120-дневный переходный период после вступления в силу “плана”.

В течение этого переходного периода миротворческие силы ООН (МООНК) будут продолжать осуществлять свой мандат согласно соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН “в консультации с Международным гражданским представителем (МГП)” (п. 15.1, а). Согласно п. 15.1 (g), в конце переходного периода мандат МООНК истечет.

В это же время МГП и МВП возьмут на себя всю полноту ответственности за осуществление их соответствующих мандатов, определенных в настоящем Плане урегулирования. Иначе говоря, те же военные силы названных западных государств, которые ныне выступают в Косово в качестве миротворцев под эгидой ООН меняют статус и будут выступать в таком же качестве, но уже под эгидой НАТО. При этом российскому военному контингенту придется покинуть Косово.

В итоге что мы получаем?

В центре Европы вопреки существующим международным правилам со стороны группы государств Косово предоставляется (то есть части государства Республики Сербия) статус независимого государства, которое не имеет право объединяться с другим государством. Новому образованию навязывается конституция, на основе которой оно не что иначе, как протекторат США, управляемый НАТО.

В этот план вовлекается Европейский союз, который выполняет роль “младшего партнера” США в Европе.

Вся эта задумка – давняя мечта США: подменить роль ООН с помощью НАТО и придать этому “плану” международно-правовое основание. США хотят, чтобы мировое сообщество постепенно привыкло к утверждению о том, что “Совет Безопасности ООН является главным органом по поддержанию мира во всем мире, однако он не является единственным органом в этом вопросе. Другим таким образованием является НАТО”. США хотят сделать это при участии России.

Это первая реальная попытка США пересмотреть Устав ООН и установить однополярный мировой порядок.

В этих условиях, когда основная политическая дискуссия в нашей стране развивается лишь вокруг возникновения так называемого “прецедента” Косово, который можно применить по отношению, например, к непризнанным образованиям на территории постсоветского пространства, создается впечатление, что в стране перевелись люди, мыслящие стратегически. Россия как великая геополитическая держава не должна ослабить свою позицию и мыслить мелко: признать независимость части суверенного государства, и, следовательно, испортить отношения с другой его частью, которое до этого она считала целостным в территориальном отношении государством.

Россия должна геополитически присутствовать везде, где затрагиваются ее стратегические интересы, особенно на Кавказе, который для России представляет больше интереса, чем, например, Латинская Америка для США. Однако почему-то до сих пор Россией не выработана, по аналогии с США, доктрина “Монро” применительно к Кавказу, хотя для этого у России есть все необходимые ресурсы, механизмы и условия.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

ЮНЕСКО и диалог цивилизаций

Андрей Скачков,
начальник отдела Второго Европейского
департамента МИД России

Развал социалистического лагеря и окончание “холодной войны” не привели к ожидавшейся в начале 90-х годов в политических и научных кругах стабилизации международной обстановки. Напротив, мир стал все больше ввергаться в состояние конфронтации и хаоса в результате практически повсеместного обострения межэтнического и межрелигиозного противостояния. При этом обозначившаяся в последние годы ставка на силовые методы распространения западных цивилизационных стандартов в политике, экономике, государственном управлении и культуре лишь способствовала росту международной напряженности. На сегодняшний день Западу не удалось решить ни дипломатическим, ни силовым путем практически ни один локальный конфликт. В Косово, Ираке, Афганистане и на Ближнем Востоке от такого вмешательства ситуация только обострилась.

Примечательно, что это подметил даже один из главных сторонников тезиса о тотальной американской гегемонии З.Бжезинский, который в последнее время стал подвергать критике формируемый под эгидой США глобальный миропорядок, способный, по его словам, “превратить Америку в осажденную крепость”¹.

В Ираке силовое вмешательство США спровоцировало острейший межрелигиозный и межэтнический конфликт, фактически ввергло иракское общество в состояние перманентной гражданской войны. В этой ситуации насильственная “демократизация” исламского мира воспринимается на Востоке, да и многими на Западе как объявление войны со стороны христианской цивилизации. Провозглашенный Дж.Бушем “крестовый поход” против терроризма как бы подчеркивает религиозный и цивилизационный контекст данной проблемы.

Таким образом, предположения известного американского политолога С.Хантингтона о возможности столкновения цивилизаций уже становятся фатальной реальностью, причем, не в результате объективного исторического процесса, а вследствие авантюристического курса определенных политических элит современного мира.

В этих условиях задача сохранения межкультурного согласия приобретает первостепенное значение для человечества.

Вполне уместно привести высказывание руководителя парижского “Дома наук о человеке” М.Эмара о том, что “цивилизации должны научиться соблюдать правила различий: соглашаться с существованием других цивилизаций, признавать, что им никогда не удаст-

ся добиться господства над другими... Следует быть готовыми видеть в других равноправных партнеров..., одновременно внутри себя цивилизации должны признавать собственные отличия, эти отличия есть наследие их прошлого и ключ к их будущему"².

Кардинально меняющаяся в последние годы политическая ситуация в мире требует от международного сообщества глубокого переосмысления базовых подходов к проблемам глобального развития и взаимодействия цивилизаций.

Исходя из этого и предвидя опасность перерастания борьбы с международным терроризмом в противостояние между цивилизациями, религиями и народами, Генеральный директор ЮНЕСКО К.Мацуура в одном из своих выступлений сразу после террористического нападения на США в сентябре 2001 г. попытался предостеречь от сползания к межкультурному противостоянию и назвал укрепление диалога между культурами и цивилизациями "не просто желаемой утопией, а по существу единственной альтернативой выживаемости человечества..."³.

В принятых на основе консенсуса Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 2001 г. Глобальной повестке дня по развитию диалога между культурами и цивилизациями, а также в Декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г. (разработана по инициативе России и Франции) мировое сообщество однозначно высказалось за безальтернативность укрепления межкультурного и межкультурного диалога.

В основу этих документов были положены важные тезисы о том, что прогресс человечества основан на уважении исторических, религиозных и культурных традиций народов, национальной самобытности, сложившихся традиционных форм демократии и гражданского участия. Говорится в них и о том, что реализация этих принципов невозможна без отказа от стерео-

типов войны и насилия, доминирования отдельно взятой цивилизации за счет внутреннего развития других цивилизаций и прогресса, их творческого взаимодействия между собой.

По существу мировое сообщество сформулировало для себя глобальную сверхзадачу по формированию новой гуманной модели развития, способной противопоставить идею "культуры мира" и терпимости ныне господствующим принципам силового давления, войны, насилия и дискриминации. От способности всех государств проявить солидарность в достижении этой цели будет зависеть, насколько приемлемой окажется наша планета для совместного проживания нынешнего и грядущих поколений.

При этом рассуждения о монопольном господстве западной цивилизации сегодня выглядят по меньшей мере некорректными.

О начале заката могущественного Запада говорили еще О.Шпенглер, А.Тойнби и П.Сорокин.

Последний, в частности, называл в качестве одной из знаковых тенденций своего времени "перемещение "творческого центра" истории человечества, который был локализован в течение столетий в Европе и европеизированной Америке, на Восток... и его превращение в планетарный".

В дальнейшем, полагал П.Сорокин, "в великих спектаклях истории будет не просто одна евроамериканская "звезда", но несколько "звезд": Индии, Китая, Японии, России, арабских стран и других культур и народов"⁴.

С.Хантингтон, З.Бжезинский и другие западные политологи и историки вынуждены признать, что в XX в. отношения между цивилизациями про-

двинулись от фазы “монопольной западной гегемонии к интенсивному взаимодействию всех цивилизаций, причем власть доминировавшего когда-то Запада переходит к незападным цивилизациям, а глобальная политика становится межцивилизационной”⁵.

Одновременно на противоположном полюсе прогнозируется бурное развитие восточных цивилизаций: китайской, индийской, исламской и буддистской.

При этом наиболее яростным противником западной цивилизации выступает исламская цивилизация, стремительно распространяющая свое влияние далеко за пределы Арабского Востока.

Локальные цивилизации создают прочную экономическую и демографическую базу для того, чтобы активно отстаивать свою самобытность в глобализирующемся мире. Они будут оказывать все большую конкуренцию европейской и американской культурам, эффективно противостоять их экспансионистским амбициям в Африке, Латинской Америке, Азии и других частях планеты.

Всесторонняя политическая и экономическая поддержка КНР государствам Африки была, в частности, подтверждена на состоявшемся китайско-африканском саммите на высшем уровне (декабрь 2006 г., Пекин).

Провозглашение ООН диалога между культурами и цивилизациями в качестве императива XXI в. и принятие в 2001 г. Глобальной повестки дня по этому вопросу символизировало решимость большинства государств мира начать серьезную политическую работу по противодействию новым вызовам в сфере межцивилизационных отношений.

Для выполнения сформулированных в повестке дня задач потребовался

единый центр, который смог бы квалифицированно и эффективно вырабатывать рекомендации, а также координировать научно-исследовательскую и общественно-политическую работу в обозначенной области. Таким интеллектуальным мотором стала ЮНЕСКО, которой 56-я сессия ГА ООН (2001 г.) поручила сформулировать долгосрочную стратегию международного сотрудничества по реализации Глобальной повестки дня, включая разработку концептуальных основ проблематики диалога.

Заложенные в повестке тезисы во многом могут показаться утопичными. Однако мировому сообществу вряд ли удастся изменить направление нынешнего однопольного вектора мирового развития, если идеи диалога и партнерства между цивилизациями реально не овладеют целыми народами и не получат широкую государственную и международную поддержку.

Из вышесказанного следует, что на общепланетарном уровне должна быть совершена своего рода “революция мировоззрения”. Осуществить ее невозможно без радикальных перемен в системе образования и воспитания на всех уровнях.

Этика “культуры мира” должна войти в политические и предвыборные программы, учебники, методические пособия, информационные потоки, включая Интернет, ставший главной ареной борьбы за умы молодого поколения.

Только тогда эта судьбоносная битва будет выиграна не только на межцивилизационном и межгосударственном уровне, но и в сознании каждого человека.

Противостояние между идеологией войны и “культурой мира”, скорее всего, потребует смены нескольких поколений.

Между тем уже в течение последних 10 лет ЮНЕСКО удалось сформиро-

вать разветвленную сеть сторонников “культуры мира”.

Ее основу составляет неформальное движение клубов ЮНЕСКО, объединенных во Всемирную федерацию, имеющую статус международной НПО.

Сформированы и первые региональные сети в поддержку “культуры мира” и диалога между цивилизациями, в которые вошли известные мировые политики, ученые, представители неправительственных организаций и СМИ.

В рамках таких сетей ЮНЕСКО реализует многосторонние проекты, в том числе по изучению воздействия глобализации на развитие мировых культур.

Важнейшую мобилизующую роль на начальном этапе работы, связанной с концептуализацией идеи диалога, сыграл проведенный в штаб-квартире ООН в сентябре 2000 г. по инициативе Ирана круглый стол с участием 10 глав государств и двух министров иностранных дел, представлявших различные цивилизации (президенты Алжира, Грузии, Индонезии, Ирана, Латвии, Мали, Мозамбика, Намибии, Нигерии, эмир Катара, министры иностранных дел Индии и Коста Рики, а также руководители ООН и ЮНЕСКО). Именно тогда впервые на столь высоком уровне было сделано важное политическое заявление в пользу развития межкультурного диалога и намечены ориентиры совместной деятельности на этом направлении.

Хотя западные страны проигнорировали участие в круглом столе, впоследствии многие европейские лидеры поддержали идею диалога и способствовали реализации соответствующих программ ЮНЕСКО. Особую популярность эта тематика получила во Франции, которая серьезно озабочена проблемой дискриминации французского языка и культуры в условиях глобализации.

Начиная с 2001 г., тематика сохранения культурного разнообразия планеты, а также диалога между культурами и цивилизациями определена в качестве приоритетного направления программной деятельности ЮНЕСКО. Причем, эта работа стала носить междисциплинарный характер, то есть часть проектов в смежных областях (образования, социальных наук и коммуникации) также была сфокусирована на проектах, связанных с межкультурным и межкультурным диалогом.

Финансирование таких проектов из бюджета ЮНЕСКО и внебюджетных источников только в 2006–2007 гг. составило более 9,2 млн. долл.⁶.

Значительным стимулом в работе на данном направлении стало принятие в 2001 г. Всеобщей декларации о культурном разнообразии.

Политическая значимость этого документа состояла в том, что впервые с высокой трибуны ЮНЕСКО было заявлено о приверженности подавляющего большинства государств культурному плюрализму и выражена готовность защищать равенство всех мировых культур как на национальном, так и международном уровне. С точки зрения международного права, в декларации впервые было предложено рассматривать право на защиту культурного разнообразия как неотъемлемую составную часть базовых прав и свобод человека.

Важную катализирующую роль в формировании международных проектов ЮНЕСКО по проблематике диалога сыграли Ташкентский форум (сентябрь 2000 г.), посвященный межкультурному диалогу Восток-Запад в Центральной Азии), а также Вильнюсский форум “Диалог между цивилизациями” (апрель 2001 г.).

На состоявшейся Всемирной конференции по борьбе с расизмом, расовой

дискриминацией, ксенофобией и другими формами расовой нетерпимости (сентябрь 2001 г., ЮАР) были сформулированы рекомендации, которые легли в основу долгосрочного международного проекта по воспитанию религиозной и этнической терпимости.

В последние годы представительные форумы, посвященные диалогу между культурами и религиями, были организованы ЮНЕСКО в различных регионах мира: в России (2006 г.), Йемене (февраль 2004 г.), Нигерии (декабрь 2003 г.), Киргизии (июнь 2004 г.), Австралии (февраль 2005 г.) и др.

Изложенные в итоговых документах ряда конференций рекомендации, в частности, саммита по этническому и религиозному диалогу в государствах Южной Европы (Тирана, декабрь 2004 г.), впоследствии были использованы миротворческими миссиями по линии ООН и других международных организаций.

Поскольку сегодня многие межкультурные конфликты имеют ярко выраженные религиозные корни, нормализация диалога между основными мировыми конфессиями рассматривается ЮНЕСКО в качестве важнейшей составляющей межкультурного диалога в целом.

В этой связи в штаб-квартире ЮНЕСКО, а также в различных регионах мира за последние годы были проведены круглые столы, научные конференции и симпозиумы с участием духовных лидеров ведущих мировых религий, которые призваны сблизить позиции и улучшить понимание межконфессиональных проблем современного мира.

Центральное место в работе ЮНЕСКО по развитию диалога отводится региональным проектам: *“Невольничий путь”*, *“Шелковый путь”*, *“План Аравия”*, *проекты по Центральной Азии и Кавказу*, *“Европейско-Арабский диалог”* и другие.

Наибольшее развитие получил проект *“Невольничий путь”*, инициированный в 1993 г. по предложению Гаити и ряда африканских стран.

Сегодня он объединяет несколько международных программ, посвященных комплексному исследованию проблемы работорговли.

Проведенные в рамках *“Невольничьего пути”* уникальные междисциплинарные исследования были использованы в многотомном издании ЮНЕСКО *“История человечества”*.

Однако ценность данной программы не ограничивается чисто научным аспектом.

Созданные в ее рамках региональные научные сети, а также кафедры и ассоциированные школы ЮНЕСКО вносят существенный вклад в развитие диалога между культурами, религиями и цивилизациями стран, имеющих отношение к работорговле. Один из таких проектов концентрируется на сохранении материального и нематериального наследия, живых культур, духовных и ремесленных традиций (включая создание письменных и устных архивов) народов Африки, а также регионов Средиземноморья и Индийского океана.

Особое внимание уделяется вопросам взаимообогащения различных культур как действенного фактора борьбы с современными формами расизма, дискриминации и ксенофобии.

На эти же цели ориентирован проект *“Туристическая память”*, связанный с развитием культурного туризма в государствах Центральной и Северной Африки, Карибского региона и Индийского океана, а также программы по восстановлению разрушенных исторических памятников и памятных мест.

Успешная реализация проекта *“Невольничий путь”* способствовала принятию в сентябре 2001 г. Дурбанской декларации против расизма, расовой

дискриминации и ксенофобии, а также обьявлению 2004 г. международным Годом памяти борьбы с рабством и работорговлей.

Другим значимым региональным проектом ЮНЕСКО стал “План Аравия”, нацеленный на популяризацию в мире знаний об арабской культуре и развитие широкого межкультурного диалога между государствами Арабского Востока и другими культурами и религиями (прежде всего западными).

Задачей таких мероприятий, как проведенный в мае 2004 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО международный симпозиум “Опыт межконфессионального диалога в арабских странах”, является показ имманентно неагрессивного характера исламской культуры и религии, не несущих угрозы другим цивилизациям.

Касаясь религиозного аспекта деятельности ЮНЕСКО, нельзя не упомянуть шаги, которые руководство этой организации предприняло для нейтрализации негативных последствий появления в европейской печати карикатур на пророка Мохаммеда.

В своем заявлении по этому поводу Гендиректор ЮНЕСКО К.Мацуура назвал эти рисунки “провокацией против миролюбивой исламской культуры, внесшей неоценимый вклад в копилку общемировой цивилизации и ориентированную на взаимовыгодный диалог с другими религиями и культурами”⁷.

С учетом того, что развитие диалога между цивилизациями немислимо без сохранения языкового разнообразия, ЮНЕСКО делает особый акцент на проектах в этой области.

Ситуация, по мнению экспертов ЮНЕСКО, здесь складывается весьма драматичная: существует опасность исчезновения до конца XXI в. по меньшей мере половины, а, возможно, и большего числа из существующих на планете 5–6,7 тыс. языков⁸.

В основе данной проблемы лежит доминирование английского языка в печатной, аудио-визуальной продукции и, конечно, в Интернете.

Согласно данным ПРООН, хотя только один человек в мире из десяти в 2000 г. говорил на английском языке, более 80% сайтов Интернета являлись англоязычными.

Через международную программу “ЛИНГВАПАКС” и другие многосторонние проекты ЮНЕСКО поддерживает умирающие и редкие языки, проводит курс на более справедливое и пропорциональное использование языков в электронных и печатных СМИ.

Более заметных результатов удалось достичь на европейском и азиатском направлениях: на фоне высокого уровня экономического развития этих стран совместные усилия правительств и ЮНЕСКО позволяют здесь достаточно эффективно решать задачи, связанные с защитой языкового разнообразия.

Линия ЮНЕСКО на развитие диалога между цивилизациями получает широкую поддержку государств, усматривающих в ней единственную альтернативу силовому сценарию одноплюсного развития мира.

Активным сторонником политики диалога является Россия, выступающая за ее поэтапную трансформацию в более продвинутую форму международного сотрудничества в рамках “Альянса цивилизаций”.

В ходе последней 61-й сессии ГА ООН Генеральным секретарем ООН был поддержан доклад Группы высокого уровня по развитию этой инициативы.

Выступая по этому вопросу, К.Аннан отметил, что “террористическое нападение на США, война и беспорядки на Ближнем Востоке, необдуманные высказывания и рисунки только обостряют напряженность между последователями основных религий. Все большее распространение получают искаженные представления и стереотипы, которые лежат в основе столкновения цивилизаций... В этих условиях инициатива

создания "Альянса цивилизаций" появилась весьма своевременно"⁹.

В докладе Группы высокого уровня ООН сформулированы конкретные направления дальнейшей работы по развитию межкультурного и межкультурного диалога на основе универсального признания различий во взглядах, культуре, религии и образе жизни, которые всегда были движущей силой прогресса человечества.

Реализация этой политической линии будет зависеть от способности ООН и ЮНЕСКО мобилизовать мировое сообщество на формирование диалога между цивилизациями, под-

ключить к этому процессу гражданское общество, деятелей науки, религии, культуры и СМИ. Этому, прежде всего, должно способствовать взаимодействие между региональными организациями – Европейским союзом, Организацией исламская конференция, Африканским союзом, Организацией американских государств, Шанхайской организацией сотрудничества и другими.

На сегодня упомянутые объединения всецело разделяют идеи диалога, что является базовой предпосылкой для успешной работы ООН и ЮНЕСКО на данном направлении.

Следует отметить, что, несмотря на имеющиеся у ЮНЕСКО недостатки (не создана прозрачная схема контроля над расходованием бюджетных средств – около 70% бюджета идет не на программное обеспечение, а на содержание штаб-квартиры и персонала), на среднесрочную перспективу эта международная организация останется единственной в системе ООН профильной структурой, способной принимать и реализовывать коллективные решения в сфере глобальной культурной политики.

Примечания

¹ Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения. 2006. С. 8.

² Aymard M. Preface a l'edition russe de livre de Fernand Braudel. Grammaire des Civilisations, 2002. P. 2.

³ Мацуура К. Выступление на открытии симпозиума "Диалог между цивилизациями – теория и практика" 12 ноября 2001 г., Тунис. Публикация пресс-службы ЮНЕСКО. С. 1.

⁴ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 94.

⁵ Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon & Schuster. N-Y. 1996. P. 29.

⁶ Программа и Бюджет ЮНЕСКО на 2006–2007 гг. Париж. 2006. С.151.

⁷ Мацуура К. Заявление от 2 февраля 2006 г. Пресс-бюллетень ЮНЕСКО. Париж.

⁸ Доклад целевой группы о роли ЮНЕСКО в XXI веке. Документ Исполсовета ЮНЕСКО 159 EX/39 от 19 мая 2000 г. Париж. С. 25.

⁹ Выступление Генерального секретаря ООН в связи с докладом "Альянс цивилизаций". 13 ноября 2006 г. Нью-Йорк

ГУАМ

в контексте региональной политики Украины

Юрий Седякин,

кандидат исторических наук,
советник Второго департамента
стран СНГ МИД РФ

Украина при реализации своей региональной политики придает важное значение развитию сотрудничества в рамках объединения государств под названием ГУАМ, созданного в октябре 1997 г. бывшими союзными республиками – Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой (с 1999 по 2005 г. в него входил также Узбекистан).

Украина – один из главных инициаторов объединения и считает его, исходя из своей претензии на региональное лидерство на постсоветском пространстве, своего рода противовесом СНГ. Поэтому ее активность в ГУАМ постоянно заметна.

На киевском саммите объединения (май 2006 г.) Украина, например, добилась его преобразования в “*Организацию за демократию и экономическое развитие (ОДЭР) – ГУАМ*” (приняты устав, декларация, подписано коммюнике, создан секретариат) – для обеспечения энергетической безопасности (диверсификация энергоисточников, создание региональной зоны свободной торговли), координации интеграционных усилий по пути в НАТО и ЕС, борьбы с терроризмом и агрессивным сепаратизмом, производством и сбытом наркотиков, а также с незаконной миграцией и торговлей людьми.

Модифицированный блок, как представляется официальному Киеву, призван формировать пространство демократии, безопасности, верховенства права и основных свобод человека, устойчивого экономического развития в зоне своего действия от Каспия до Восточной Европы в опоре на ЕС, разумеется, при институциональной и технической помощи США* и, по возможности, в сотрудничестве с СНГ и Организацией Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).

* “Тесные партнерские отношения” ГУАМ – США осуществляются на основе принятой в декабре 2002 г. Рамочной программы содействия торговле и транспортировке, обеспечению пограничного и таможенного контроля, борьбе с терроризмом, оргпреступностью и распространением наркотиков и через так называемую евроатлантическую группу советников, созданную в 2005 г. после кишиневского саммита ГУАМ.

По мнению президента Украины В.Ющенко, одной из основных функций ОДЭР-ГУАМ является налаживание эффективного “диалога по региональным вопросам” энергетического взаимодействия, а также согласование политики по “замороженным” конфликтам и координация интеграционных усилий по пути в НАТО и ЕС (гуамовская “четверка” как мост в НАТО). Кишинев и Тбилиси вторят украинцам, неофициально используя для этой новой международной организации аббревиатуру СЕВ (Содружество европейского выбора) и характеризуя ее как механизм заполнения вакуума на период подготовки вступления стран-членов ГУАМ в европейские и евроатлантические структуры.

Последовательно позиционируя себя проамериканским региональным лидером, Украина, тем не менее, вряд ли собирается создавать на данном этапе “второй центр силы в СНГ” в виде альтернативной политико-экономической структуры, чтобы не раздражать Москву параллельной консолидацией усилий в объединении, созданном по подсказке США в противовес региональным интеграционным образованиям на постсоветском пространстве с доминирующим участием России.

Экономика, поэтому в действиях украинской стороны определяет политику, и Киев продолжает прилагать усилия, прежде всего, по имплементации соглашения о создании зоны свободной торговли ГУАМ, подписанного в свое время при его же активном лоббировании. Именно в таком контексте Украина пытается закрепить свое координирующее лидерство в ГУАМ, на которое претендуют, в свою очередь, и Грузия, и Азербайджан, последовательно превращая объединение в дееспособную международную организацию на постсоветском геополитическом пространстве б. СССР.

Министр иностранных дел Украины А.Яценюк по-своему прав, когда заявляет, что “сегодня Украина не страна первой линии геополитических игроков. В тоже время для Украины ГУАМ – это шанс стать региональным лидером. Региональное объединение важно как инструмент реализации целей и задач всех его членов”.

Итак, во главу угла гуамовцы ставят сотрудничество в энергетической сфере – по диверсификации поставок на европейский рынок энергоресурсов за счет привлечения каспийских источников.

Конкретный вклад Украины в развитие ОДЭР-ГУАМ – это проект Одесса-Броды-Гданьск (правда, в расчете на финансовые вливания Евросоюза), Бродский НПЗ, новые нефтетерминалы под Одессой, виртуальный центр по борьбе с оргпреступностью и терроризмом, “штаб-квартира” организации в Киеве.

Официальный Киев считает ОДЭР-ГУАМ новой геополитической реальностью, соответствующей объективным тенденциям развития на евразийском пространстве, где, начиная с 2004 г., Россия, дескать, перестала быть единоличным лидером, поэтому ГУАМ – это реакция на неэффективность СНГ.

Вместе с тем гуамовцы во главе с Украиной не перестают повторять, что их объединение не направлено против третьих стран, в первую очередь против России. По В.Ющенко, отношения Украины с Россией отвечают национальным и государственным интересам его страны, а СНГ Киев по-прежнему рассматривает как платформу для “координации системы интересов” в торгово-экономической сфере.

Ситуация, тем не менее, далека от радужной. В объединении не все проходит гладко. Существенных финансовых дивидендов не получено ни в од-

ной из столиц стран-участниц объединения.

Молдова критикует ГУАМ за неэффективность и его "превращение в инструмент политических спекуляций", Азербайджан прежде всего ждет выхода каспийской нефти на западный рынок, предпочитая проекты ТРАСЕКА и "Великого шелкового пути" и не скрывая своего интереса к НАТО.

Грузия, так же как Украина и Молдова, рассматривает развитие регионального сотрудничества вообще в контексте своей последующей интеграции в евроструктуры.

И хотя официальный Вашингтон в последнее время демонстративно подчеркивает, что ГУАМ за период 1997 – 2006 гг. превратился из консультативного органа в полноценную региональную структуру со своей повесткой и своим механизмом, в США, похоже, не скрывают своего неудовлетворения ГУАМ, – ведь главной заявленной целью существования этого блока было создание транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия*. Цель не достигнута, а Вашингтон за истекшее десятилетие проявил интерес к многим другим альтернативным транспортным проектам.

Поскольку экономическая составляющая, несмотря на прекрасные заявления и подписанные соглашения, так до сих пор и не заработала, ясно, что в новых условиях используются военно-политические перспективы ГУАМ, наметившиеся еще в 1999 году, когда Грузия, Азербайджан и Узбекистан вышли из Договора о коллективной безопасности СНГ.

В подтверждение такого развития ситуации говорит:

– обретение ГУАМ статуса международной региональной организации;

– практика совместных выступлений на Генеральной Ассамблее, Совете Безопасности, ООН, ЕС и т.д.;

– работа в форматах ГУАМ – США – ЕС, ГУАМ – НАТО (совместные действия постоянных парламентских делегаций стран ГУАМ в Парламентской ассамблее НАТО), ГУАМ – ОБСЕ (инициатива сотрудничества в ЮВЕ "10 пунктов", по которым ГУАМ рассчитывает получить помощь со стороны ОБСЕ);

– стремление Украины привлечь Совет Безопасности ООН к решению проблем "замороженных конфликтов" на постсоветской территории бывшего СССР;

– заинтересованность третьих стран принимать участие в его деятельности хотя бы в качестве наблюдателей.

Однако заметной особенностью на данном этапе стало намерение Украины с помощью ГУАМ интернационализировать миротворческие операции в зоне так называемых "замороженных" конфликтов, тем самым придать группировке, по сути, военно-политическую направленность. Украина поддерживала инициативу Грузии о создании объединенных миротворческих сил (батальона) под эгидой ООН, ОБСЕ, НАТО или ЕС вместе с подразделением гражданской полиции для участия в урегулировании "замороженных" конфликтов.

Во исполнение решения СМИД ГУАМ, принятого в Нью-Йорке 25 сентября 2006 г., в обозримом будущем, по заявлению минобороны Украины А.Гриценко, такой контингент должен быть создан.

В настоящее время ведется отработка его структуры и выработка заданий для него (например, "участвовать не только в военной, но и в правоохранительной сфере"). Президент В.Ющенко считает, что миротворческий контингент стран ГУАМ позволит значительно оптимизировать раз-

* Евразийский нефтетранспортный коридор в рамках реализации концепции многовариантности транспортировки каспийских энергоресурсов.

решение “замороженных” и “горячих” конфликтов на постсоветском пространстве.

Однако, по недавнему заявлению А.Яценюка, “вопрос о миротворческом контингенте ни завтра, ни послезавтра не стоит на повестке дня” объединения.

Кроме того, в документах объединения обозначено совместное противодействие его стран-участниц террористической угрозе как новому вызову международных отношений. В частности, ГУАМ заявляет об объединении усилий своих участников в борьбе с преступностью, связанной с наркобизнесом (соглашение о взаимопомощи и сотрудничестве в таможенных делах).

США, заинтересованные в присутствии в регионе юго-западного “подбрюшья” России, готовы оказывать ГУАМ помощь в реализации конкретных проектов на отраслевом уровне и программ в сфере приоритетных направлений сотрудничества.

Одним из таких проектов является обустройство таможенных пунктов на азербайджанско-грузинской и украинско-молдавской границах, а также создание в Баку информцентра и единой информсети для обмена данными в сфере борьбы с терроризмом (так называемый Виртуальный антитеррористический центр).

Формально же США имеют в ГУАМ статус наблюдателя и заявляют, что не намерены присоединяться к организации, поскольку она является региональной.

В принципе Украина не исключает контактов ГУАМ – Россия в контексте международных транспортно-энергетических проектов, таких как ТРАСЕКА и Центральное-азиатское сотрудничество. Более того, Киев давал понять, что ГУАМ даже надеется на поддержку со стороны России его деятельности в экономической и правоохранительной областях. Официальный

Киев полагает, что интеграционные процессы в рамках Европейского экономического пространства (ЕЭП) и ГУАМ друг другу не противоречат.

На данный момент очевидна распыленность Украины на региональные группы, включая ГУАМ, что отвлекает ее от решения не виртуальных, а практических задач по задекларированной евроинтеграции и выполнению обязательств в рамках СНГ/ЕЭП. Похоже, руководство страны начинает это понимать. К тому же без сильной финансовой поддержки извне, прежде всего со стороны США, и потенциального участия в объединении Казахстана, ГУАМ вряд ли будет иметь эффективное будущее.

Наблюдатели отмечают, что новый альянс создан не столько для решения экономических проблем региона, сколько в противовес российской политике в нем – “с каспийской нефтью в основе и задачей экспорта демократии американского образца на постсоветское пространство”. Подчеркивается, что в этом контексте России в будущем придется вести борьбу не за сохранение СНГ и в целом своего геополитического влияния, а за то, чтобы вырваться из ГУАМ богатый энергоресурсами Азербайджан.

В целом Украина пытается использовать реформированный ГУАМ – по явно просматривающейся аналогии с Вышеградской “четверкой” (“второй Бенилюкс”) – для возрождения группы и наполнения ее деятельности новым содержанием после “демократизации” Украины, Грузии и в, определенной степени, Молдовы.

ГУАМ теперь ставит перед собой цель стать энергетическим союзом, который будет использовать геополитическое положение стран-участниц для координации транзитной политики, – очевидный антироссийский энергетический демарш. К тому же просматривается возможность экспансии ГУАМ,

поскольку к вновь создаваемой Зоне свободной торговли (ЗСТ) может присоединиться Армения, а после демократизации – Беларусь.

Определенный интерес к ГУАМ проявляют Польша, Румыния, страны Балтии, Болгария, Турция, балканские страны, Вышеградская “четверка”.

Очередной саммит ГУАМ – второй саммит организации ОДЭР– ГУАМ – проведен в Баку (18–19 июня 2007 г.), поскольку к Азербайджану переходит председательство в объединении. По мнению аналитиков, в последнее время Азербайджан начинает играть в нем все большую движущую роль. Баку выражает готовность к лидерству в естественном коридоре между Центральной Азией, Каспийским регионом и Европой, предлагая создать топливно-энергетический совет ГУАМ, который бы вплотную занимался вопросами диверсификации маршрутов доставки каспийских углеводородов.

Наряду с этим, саммит сконцентрировался на мерах по формированию “общего пространства интеграции и безопасности” и консолидации позиций ГУАМ на международных форумах типа ООН и ОБСЕ.

По словам генсека ГУАМ В.Чечелашвили, в планах объединения продолжение работы по созданию полноценной зоны свободной торговли между странами-участниками, ужесточение борьбы с оргпреступностью, активизация культурно-гуманитарного сотрудничества, внесение темы “замороженных” конфликтов” в регионе на ближайшее заседание Генеральной ассамблеи ООН, активизация партнерских связей с США, Польшей, Японией, Евросоюзом.

На саммите принята Бакинская декларация, подписаны соглашение о привилегиях и иммунитетах организации, а также Меморандум о сотрудничестве по вопросам ядерной и радиационной безопасности.

По некоторым оценкам, ГУАМ представляет собой “интернационал

неимущих” и практически не поддержанных ни общественностью, ни парламентами своих стран. Для одних – это попытка реализовать свои лидерские амбиции (Украина, отчасти Грузия и Азербайджан), для других – улучшить экономическое положение (Молдова, Азербайджан).

То, что автором проекта ГУАМ в его первоначальном и нынешнем виде являются американцы, практически не скрывается. ГУАМ даже называют “главным управлением по американизации Москвы”.

Очевидно, что от интереса США будет зависеть дальнейшая судьба этого образования. Украина же, похоже, заявила о себе не просто как о региональном лидере, а как о проамериканском лидере в регионе.

Поэтому не случайно США и их сателлит в Европе Польша прислали официальные одобрительные приветствия “историческому” саммиту ГУАМ в Киеве, а польский президент Л.Качинский принял участие в бакинском саммите.

Не случайно также внимание к организации со стороны Литвы, позиционирующей себя лидером балтийского региона в зоне НАТО и ЕС, а также Румынии, Болгарии, даже Японии, ОЧЭС, ОБСЕ и др. международных организаций.

Вместе с тем следует отметить, что перспектива ГУАМ зависит не только от США, но и от российско-американских отношений в той степени, в какой американцы будут учитывать российские интересы в данном регионе.

Итак, разноформатная экономическая интеграция на постсоветском пространстве уже имеет место. Западные наблюдатели называют это геополитическим плюрализмом.

Цели создания и деятельности ГУАМ, в частности, известны – альтернативное взаимодействие по ограничению влияния России на постсоветском пространстве.

Поэтому, пресекая попытки этой организации создавать помехи в зоне российских интересов, целесообразно определять точки соприкосновения прагматических интересов России, СНГ и стран-членов ОДЭР – ГУАМ для придания сотрудничеству с ними такого характера, который бы служил взаимной выгоде и исключал параллелизм и конкуренцию, – например, по линии антитеррористических структур СНГ (АТЦ) и ГУАМ (ВАТЦ).

Представляется, что на повестку дня должно быть вынесено сотрудничество в зоне соседства России с ЕС. Мнение о том, что ГУАМ, Содружество демократического выбора и так называемая балто-черноморско-каспийско-евразийская дуга – это не что иное как защитный кордон вокруг России, действующий как фактор сдерживания и как плацдарм влияния на внутренние процессы, верно лишь отчасти.

В глобализирующемся мире многообразие региональных интеграционных связей логично и неизбежно. Наблюдаемое показное равнодушие России к ГУАМ можно было бы объяснить не просто дистанцированием от него, но и тем фактом, что эта организация по существу пока так и не смогла сыграть какой-либо значительной роли на постсоветском пространстве, не смогла повлиять ни на реальные экономические, ни на реальные политические процессы.

Тем не менее игнорировать ГУАМ как параллельное с СНГ региональное объединение уже не получается.

В российских интересах не конфронтация, а компромиссное и взаимовыгодное сотрудничество с новыми региональными силами по выстраиванию цельной системной политики, в том числе путем формирования интеграционных групп постсоветских и иных государств с российским участием, а также форсирования двусторонних отношений без завышенных задач и нереальных проектов.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Маркетинговая парадигма электоральной борьбы XXI века

Ирина Недяк,
кандидат исторических наук

Более четверти века маркетинговые технологии являются неотъемлемой частью избирательных кампаний в странах зрелых представительных демократий.

Выборные технологии стали активно применяться в постсоветской России. Хотя каждый электоральный цикл имел свою специфику (детально проанализированную отечественными политологами), можно выделить две “родовые” особенности российских политических технологий:

1. Они имеют во многом *имитационный* характер. Немало применяемых на выборах “технологий” по сути своей антимаркетинговые.

Самый яркий пример – приемы “продажи кандидата как стирального порошка” считаются у нас чуть ли не визитной карточкой маркетинга, хотя противоречат его азбучным постулатам.

2. В российской электоральной практике превалирует применение *устаревших маркетинговых технологий*, которые доказали свою эффективность в условиях индустриального общества, но не отвечают требованиям современного.

Новый парадигмальный подход, разработанной в ответ на запросы постиндустриального общества, получил название *маркетинг взаимоотношений* или *социетальный маркетинг*, имеющего два важнейших постулата:

- *борьба за доверие* избирателей для партий стратегически важнее борьбы за голоса избирателей;
- “*мягкая сила*” убеждения эффективнее жестких технологий агитации.

Многомерность феномена “политический маркетинг”

Автор термина “политический маркетинг” является американский политолог Стенли Келли, применивший его в работе, посвященной анализу профессионализации избирательных кампаний в США в 1956 г.

Отношение к политическому маркетингу крайне противоречиво. О нем говорят как о “золотоносной жиле”, которая может обогатить исследователей новыми возможностями изучения политики и укрепления демократии. О

нем говорят и как о “маркетинговом демоне”, “колонизаторе политики”. Огромная амплитуда в оценках связана с двумя взаимосвязанными факторами: многоплановостью этого феномена и недостаточной глубиной его изученности.

Можно выделить несколько уровней изучения политического маркетинга.

– Политический маркетинг трактуют как **умонастроение, философию и культуру поведения**, в основе которых лежит видение политики как специфического вида бизнес-деятельности.

Катализатором формирования такого взгляда стало развитие в середине прошлого века теории рационального выбора (ТРВ), применившей экономические методы к изучению политики (на рыночный характер политической борьбы указывали еще античные мыслители).

Теория рационального выбора сошла с политиков “белые одежды служителей высоким идеалам” и стала рассматривать политику как конкурентную борьбу участников рыночного обмена, каждый из которых преследует свои корыстные интересы.

Согласно теории рационального выбора, все субъекты политического процесса действуют инструментально, рационально и стремятся максимизировать свою индивидуально понимаемую выгоду.

Своеобразной визитной карточкой ТРВ стало утверждение Энтони Даунса: “Политические партии формулируют свои программы для того, чтобы победить на выборах, а не побеждают на выборах для того, чтобы формулировать свои программы”¹.

Поведение граждан также чаще всего мотивировано “эгоистическим” интересом, и избиратель “обменивает” свой голос на обещания того кандидата, который в большей степени учитывает его чаяния.

Подход неоклассиков дополняет философия общего маркетинга, краеугольным камнем которой является положение о том, что целью каждой организации (включая политические партии, государственные структуры, общественные организации и проч.) является удовлетворение потребностей граждан (а не навязывание доверчивой публике товара по принципу “не обманешь – не продашь”).

Политический маркетинг стал определяться как управление политическими обменами для получения политическими организациями искомых выгод посредством максимально полного удовлетворения потребностей избирателей и общества.

Целью маркетинга как функции партии является:

- обеспечение постоянного контакта с избирателями;
- изучение их потребностей;
- разработка отвечающих запросам избирателей политических “продуктов”;
- проведение коммуникативных программ, выражающих цели партии.

Под политическим продуктом в маркетинге понимается вся деятельность партии: идеология, характер лидерства, поведение/имиджи членов партии и кандидатов, уставные документы, партийная символика, организационная структура, работа по связям с общественностью, предвыборные программы, агитационные материалы и т.д.

Гуру теории маркетинга Филип Котлер справедливо отмечает, что по мере своего развития многие организации утрачивают связь с потребителями и превращаются в самодовлеющие структуры. Врачи могут потерять интерес к пациентам, педагоги – к учащимся, чиновники из мэрии – к жителям города и т.д.

С партиями может случиться та же беда. Универсальные партии видят в

государстве (а не в массовости, как ранее) основной источник пополнения своих конкурентных возможностей. Партии начинают выполнять роль “брокеров власти”, а не представителей интересов граждан и “связующего звена” в системе отношений “гражданское общество-государство”².

В маркетинговых терминах это означает, что политические партии *теряют исходное предназначение своей социальной функции. Задача политического маркетинга как функции партии заключается в том, чтобы вернуть/обеспечивать ориентированность их действий на удовлетворение потребностей избирателей.*

– Политический маркетинг является **органичной частью социального и политического процесса**, а не инородным телом, злонамеренно принесенным кем-то извне. Маркетинговый подход к изучению политики связан не только с “экономическим империализмом” теории рационального выбора.

Маркетизация современной политики вызвана объективными социально-политическими процессами: десакрализацией власти, трансформацией публичной сферы, размытием сложившихся в индустриальном обществе социально-классовых групп и изменении структуры ценностных ориентаций их представителей; фрагментацией общества; деидеологизацией политического процесса; индивидуализацией полити-

ческого сознания и поведения; картelizацией массовых партий, централизацией и бюрократизацией партийного руководства и т.д.

Политический маркетинг является междисциплинарной областью знаний, которая оформилась в самостоятельное исследовательское направление в 70-е годы на стыке предметных полей политической экономии, управленческих и поведенческих дисциплин.

Политический маркетинг изучает политический процесс в “логике спроса и предложения”³. Предметом его изучения является поведение индивидов в процессе проведения политических транзакций. Теория политического маркетинга развивается довольно обособленно от академической политологии.

Вслед за представителями теории рационального выбора, маркетологи видят в политических акторах не радетелей общественных интересов, а действующих согласно логике соревновательной среды индивидов.

Во второй половине прошлого века *логика соревновательной борьбы потребовала кардинального пересмотра маркетинговых ориентиров. Маркетинг индустриального общества – маркетинг транзакций* – передает эстафетную палочку маркетингу постиндустриального общества – *маркетингу взаимоотношений*. Новая, социетальная, концепция маркетинга предлагает партиям принципиально иную стратегию поведения.

Концепции политического маркетинга: от борьбы за голоса избирателей к усилиям по построению доверия

Политический маркетинг “вооружает” партии четырьмя концепциями и стратегиями поведения, взяв за основу разработки общего (коммерческого) маркетинга и адаптировав их под специфику политического рынка (табл.).

Концепция совершенствования продукта (А) и концепция интенсификации политических усилий (Б) аккумулировали многовековой опыт производителей, помогая продавать имеющийся у них товар при помощи различных стратегий и технологий его совершен-

Таблица

Концепции политического маркетинга

Концепции политического маркетинга	1. Парадигмальный подход	2. Стратегические ориентиры	3. Цель электоральных усилий	4. Понимание политической транзакции	5. Основные средства электоральной коммуникации	
Г. Концепция социетального маркетинга	Маркетинг взаимоотношений (маркетинг пост-индустриального общества) Игра с ненулевой суммой	Ориентация на интересы общества	Победа на выборах путем удовлетворения потребностей избирателей и общества	Процесс управления стратегическими отношениями доверия, который обеспечивается согласованием интересов участников транзакции	Синергетическая связь диалоговой и медиатизированной коммуникаций Члены партии выполняют функции маркетологов	
В. Концепция политического маркетинга	Маркетинг транзакций (маркетинг индустриального общества) Игра с нулевой суммой	Ориентация на интересы избирателей	Победа на выборах путем удовлетворения потребностей избирателей	Разовый тактический обмен ценностями, который достигается любой ценой	Медиатизированная коммуникация подавляет диалоговую. Члены партии выполняют функцию “одобрения элит”	
Б. Концепция интенсификации политических усилий		Ориентация на сбыт политического продукта	Победа на выборах путем совершенствования продукта и/или его продаж		Диалоговая коммуникация подкрепляется медиатизированной	
А. Концепция совершенствования продукта					Члены партии – “субстанция ее деятельности”	

ствования и реализации. Их называют концепциями продаж.

Строго говоря, это прото-маркетинговые концепции, потому что “сбыт и маркетинг – это скорее антиподы, чем родственные понятия”⁴, ибо при продажах акцент делается на нужды продавца/партии, а при маркетинге – на потребностях потребителей/избирателей.

Партия, руководствующаяся концепциями продаж, формирует/совершенствует политический продукт, исходя из своего видения целей и задач, а затем предпринимает активные агитационные/коммуникативные усилия для того, чтобы “продать” его, то есть получить максимальное число голосов на выборах.

Массовые партии начала века прибегали к стратегиям продаж. Они концентрировали свои электоральные усилия на:

- совершенствовании своего продукта, стержнем которого была идеология;

- его реализации при помощи членов партии и активистов основным “потребителям” – идеологическим сторонникам партии и ее симпатизантам.

Концепция политического маркетинга (В) – это концепция ориентации на рынок. Она нацеливает партии на удовлетворение потребностей избирателей. Задача маркетинга как функции партии – сделать усилия по продаже излишними, а для этого:

- изучить потребности граждан настолько полно, чтобы

- создать продукт (например, предвыборную программу партии), который сможет

- продавать себя сам (получать поддержку избирателей), не требуя агрессивных технологий продвижения.

Массовые партии западной демократии стали применять концепцию маркетинга в середине прошлого века

при трансформации в универсальные (всеохватные, картельные). Новая маркетинговая стратегия помогла партиям удержаться на плаву под напором “селевых потоков”, образованных размываемыми социально-идеологическими “разломами” индустриального общества⁵.

В многочисленных исследованиях справедливо указывается на негативные последствия стратегии всеохватности: деидеологизация и снижение интеллектуального уровня электоральной борьбы, повышение капиталоемкости кампаний, засилье популизма, снижение гражданской и электоральной активности граждан.

Однако, прибегая к стратегии маркетинга, партии обостряют крайне опасный для представительных демократий процесс – падение доверия граждан к институту выборов.

Имеются три самых уязвимых места концепции “всеохватной” ориентации на рынок в свете рассматриваемой темы, а именно:

Во-первых, она нацеливает партии на медианного избирателя, а не на идеологическое ядро.

Стержнем политического продукта партий становится пакет программ, объединяющий непротиворечивые интересы гетерогенных групп избирателей. Стремясь “обслужить” медианного избирателя, партии теряют свою идеологическую самость. Избирателю все сложнее отличить программу одной партии от другой, они обезличиваются.

В маркетинговых терминах это звучит как смертельный диагноз для партии: *обесценивание политического продукта за счет потери конкурентных преимуществ и снижения уровня доверия к нему*.

Доверие составляет больше половины совокупной стоимости потребительского товара на современном рынке.

Например, стоимость бренда *Coca-Cola* составляет 60 % от рыночной капитализации всей компании. Специалисты замечают, что *Coca-Cola*, лишенная ассоциаций доверия и престижа была бы только водой с сахаром и щепоткой специй – не очень вкусной и не очень полезной.

Доверие в маркетинговой структуре ценности политического продукта составляет более двух третей его совокупной стоимости, и партии, теряя доверие граждан с убийственной для них стремительностью, также превращаются в глазах избирателей в нечто “не очень вкусное и не очень полезное”. Общемировая картина известна: партии занимают нижние строчки в рейтингах доверия институтам общества, а показатели абсентеизма и эскапизма имеют тенденцию к росту.

Во-вторых, создание политического продукта “под нужды” избирателей требует от партий жесткого самоконтроля, который редко им удается. Партии увязают в трясине популизма. Из организаций, ведущих граждан к идеологическим идеалам в интересах общего блага, они рискуют превратиться в организации, ведомые неоднородной массой избирателей в интересах суммы разрозненных частных/групповых интересов. Вместе с лидерскими функциями партии утрачивают доверие граждан.

В-третьих, концепции маркетинга индустриального общества видят в политической транзакции одномоментную сделку (обмен голосов избирателей на электоральные усилия партии), которую необходимо совершить во что бы то ни стало. Поэтому технологически оправданными считаются и популистская буффонада, и “грязные” технологии, и агрессивная реклама, которые с неизбежностью снижают уровень доверия избирателей к партиям.

Добиваясь голосов избирателей любой ценой, партии рубят сук, на кото-

ром сидят, ибо представительные демократии могут нормально функционировать только при определенном уровне социального и институционального доверия.

Концепция социетального маркетинга (Г) – основана на новом парадигмальном видении маркетинговых целей и задач в XXI в.

В маркетинговой литературе часто прибегают к метафорам “политик-охотник” или “политик-земледелец”, подчеркивая отличия установок парадигм индустриального и постиндустриального общества.

Какие стратегии поведения предлагает современным партиям маркетинг взаимоотношений?

Какие задачи считает приоритетными для них?

Какие способы и средства достижения целей определяет как технологически грамотные?

– *Завоевывать доверие*, возвращать и культивировать гражданскую и политическую лояльность – так определяют маркетологи стратегию развития политических партий в новом тысячелетии. В информационном обществе затраты (политические, социальные, экономические) на постоянное удержание лояльного избирателя в конечном итоге оказываются несопоставимо ниже расходов на получение разовой электоральной поддержки любой ценой.

– Считая доверительные отношения с избирателями необходимым условием сохранения конкурентной способности партий, маркетинг предлагает им новый концептуальный взгляд на политическую транзакцию (табл. гр. 1, 3, 4).

В условиях индустриального общества политическая транзакция рассматривалась как:

1. Разовый, тактический обмен имеющимися у акторов ценностями (например, получение голосов избирате-

лей в обмен на обещания партий в период избирательной кампании);

2. Игра с нулевой суммой, то есть когда одна из сторон обмена выигрывает за счет другой.

Маркетинг взаимоотношений определяет транзакцию принципиально иначе, как:

1. Процесс формирования и управления стратегическими отношениями доверия участников обмена;

2. Игра с ненулевой суммой, то есть когда все стороны обмена выигрывают за счет согласования интересов (или видимости одного – нельзя сбрасывать со счетов манипулятивный характер маркетинговых технологий).

Победа на выборах “любой ценой”, без создания стратегических отношений доверия (или видимости таковых) выборной власти и электората оценивается маркетологами как технологический брак (именно такие оценки нередко даются электоральным действиям “Единой России” на парламентских выборах 2003 года).

– *Вернуть членам партии былую значимость* (табл. гр. 5.). До середины прошлого века активисты составляли, по определению “саму материю партии, субстанцию ее деятельности”⁶. Во всеохватных партиях роль членов сводится до “одобрения партийных элит”⁷.

Универсальные партии делают ставку на медиатизированные формы агитации. Партийная “вертикаль” управления входит в противоречие с “горизонтальным”, сетевым характером коммуникативных процессов информационного общества и продуцирования межличностного, социального и институционального доверия.

Здесь современный маркетинговый подход перекликается с теорией поли-

тических сетей и называет устаревшей систему субъект – объектных отношений партийной элиты и рядовых членов/сторонников партии. Характерная для индустриального общества асимметрия отношений “партия – активный поставщик политического продукта” vs “избиратель, партийный активист – пассивный потребитель” препятствует завоеванию доверия деидеологизированных рациональных индивидуалистов-избирателей атомизирующегося общества.

Маркетинг XXI в. видит в активности рядовых членов партии “предпосылку процесса политического производства”, отводит им роль “со-создателей” политического продукта, разделяющих ответственность за его качество⁸. Партийной “пехоте” и сторонникам партии делегируются функции маркетологов, которые, продвигая совместно созданный продукт партии, формируют сетевые отношения доверия.

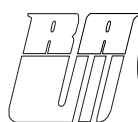
– *Акцентировать внимание на диалоговой коммуникации*. На нее возлагается стержневая задача – формировать лояльные “горизонтальные” отношения основных субъектов электоральных транзакций. А так как синергетика действий является важнейшим принципом маркетинга, то вносятся существенные коррективы в технологию “вертикальной”, медиатизированной электоральной коммуникации – основного средства воздействия на массовое сознание.

Безусловное предпочтение отдается методам “мягкой силы”. Жесткие технологии, которые подрывают доверие не только к политическому сопернику, но и к партиям в целом, к сетям доверия сами маркетологи называют неандертальскими.

Примечания

¹ Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York : Harper & Row, 1957. P. 36.

- ² *Katz R.S., Mair P.* Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // *Party Politics*. 1995. Vol. 1. P. 5–28.
- ³ *Бурдые П.* Социология политики. / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. *Н.А.Шматко*. М.: Socio-Logos, 1993. С. 182.
- ⁴ *Друкер П.Ф.* Энциклопедия менеджмента. М.; СПб; Киев: Вильямс, 2004. С. 41.
- ⁵ *Lipset R.S.* Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // *Party System and Voter Alignments. Cross-National Perspectives*. N. Y.; London: The Free Press, 1967.
- ⁶ *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2002. С. 117.
- ⁷ *Katz R.S.* Party as Linkage: A Vestigial Function? // *European Journal of Political Research*. 1990. Vol. 18(1). P. 143.
- ⁸ *Johansen H.P.M.* Political Marketing: More than Persuasive Techniques. An Organizational Perspective // *Journal of political marketing*. 2005. Vol. 4 (4). P. 99.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России: “Хроника” (1985–2007 гг.)» на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Маршал А.М. Василевский на службе Родине в послевоенные годы

Владимир Афанасьев,
полковник запаса,
Николай Щербаков,
майор

Широко известен весомый вклад, принесенный замечательным советским полководцем Маршалом Советского Союза А.М.Василевским, на алтарь Победы нашего народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Почти всю войну он возглавлял “мозг советской армии” Генеральный штаб – основной рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования, в качестве представителя Ставки ВГК, а на завершающем этапе войны и командующего войсками фронта принимал самое непосредственное участие в подготовке и проведении важнейших операций, приведших нашу страну к Победе.

Его деятельность в годы войны заслуженно была отмечена многими высшими знаками отличия и нашла достойное отражение в исторической литературе. Послевоенная же служба Маршала Василевского менее известна широкому читателю, хотя и была исключительно плодотворна.

Война закончилась. Страна начала переходить на мирные рельсы. Были упразднены высшие органы управления страной и ее Вооруженными Силами в военное время – Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования.

Перед Генеральным штабом, оставшимся основным органом управления вооруженными силами страны,

встали совершенно новые задачи. Александр Михайлович Василевский, вновь возглавивший Генштаб в марте 1946 г., оказался в центре событий.

Предстояло обеспечить демобилизацию огромной массы людей (около 8,5 млн. чел.), сохранив при этом боеспособность армии.

Задача была исключительно сложной.

На основе тщательного анализа обстановки предстояло определить наиболее целесообразный состав Вооруженных Сил, сколько и каких иметь военных округов и армий, их состав и предназначение, рассчитать сколько и каких соединений и частей оставить и где их разместить. Огромная масса войск встретила день Победы за границами нашей страны.

Как быть с ними?

Учитывая политические, экономические, военные и многие другие факторы, предстояло переместить огромные массы войск. При этом любая ошибка стала бы тяжелым экономическим бременем для разоренной войной страны. Генеральный штаб под руководством Маршала Василевского с возложенными обязанностями справился.

Численность Вооруженных Сил, составлявшая в мае 1945 г. 11,4 млн. чел., к 1948 г. была сокращена до 2 млн. 874 тыс. чел.

К этому времени был завершен вывод советских войск из Северной Норвегии, Чехословакии, Маньчжурии, Северного Ирана и Болгарии, а к концу года и из Кореи.

Части и соединения, остававшиеся в соответствии с международными договоренностями на территории зарубежных государств, были объединены в группы войск: Группу советских оккупационных войск в Германии (в 1949 г. преобразованную в Группу советских войск в Германии), Северную (Польша), Центральную (Австрия, Венгрия) и Южную группы войск (Румыния, Болгария), которая после подписания мирных договоров с Румынией и Болгарией в 1947 г. была расформирована.

Практически была закончена работа и по размещению частей и соединений на территории нашей страны.

При этом, не смотря на значительное сокращение Вооруженных Сил, они сохранили свою боеспособность.

Необходимо отметить, что сложнейший вопрос перевода армии с воен-

ного на мирное положение был досконально продуман в Генеральном штабе. Во главу угла ставилась задача, при значительном сокращении численности армии и флота, сохранить на высоком уровне военный потенциал государства.

Генеральным штабом был просчитан и выдержан необходимый баланс между возможностями и потребностями экономики страны, с одной стороны, и необходимостью поддержания соответствующего уровня боеспособности, с другой.

Демобилизация личного состава проводилась не поспешно, а была растянута на три года, позволяя тем самым плавно перевести армию на новую организационно-штатную структуру, максимально сохранив ее боевые возможности и создав при этом значительную мобилизационную базу. Соединения и части, подлежащие сокращению, расформировывались лишь после того, как их вооружение и военная техника были переданы, согласно планам, другим частям или сданы на склады или базы хранения.

К сожалению, этот бесценный опыт далеко не в полной мере был использован военным руководством страны при сокращении Вооруженных Сил в 90-е годы прошлого столетия.

Перевод армии на мирное положение было важным, но далеко не единственным направлением деятельности Генерального штаба в то время.

Под руководством А.М.Василевского шла разработка нового плана обороны страны, подготовка мобилизационного плана, готовились предложения по совершенствованию организационной структуры войск.

При этом А.М.Василевский прекрасно понимал, что подготовка войск должна вестись обязательно с учетом богатейшего, поистине бесценного опы-

та, приобретенного в годы Великой Отечественной войны.

Для обобщения этого опыта в Генеральном штабе в 1946 г. создается военно-историческое управление, ставшее своего рода преемником подразделений Генштаба, занимавшихся обобщением опыта боевых действий (сначала это был отдел, а с марта 1944 г. – управление).

Здесь на основе изучения боевого опыта, готовились инструкции и наставления, разрабатывались предложения по внесению изменений в штатную структуру войск, определялись требования к поступающим в части и соединения образцам техники и вооружения.

В то же время Генеральный штаб под руководством А.М.Василевского внимательно следил за появлением новых средств вооруженной борьбы и делал все возможное для оснащения ими Вооруженных Сил. В войска поступала новая техника, совершенствовалась их организационная структура.

Сухопутные войска становились все более моторизованными, маневренными, все большей становилась их оснащенность автоматическим оружием, увеличивалась их огневая мощь.

Если в стрелковой дивизии организации 1944 г. было 419 автомобилей и тягачей, то в 1948 г. на ее оснащении было уже 1488 автомашин, тягачей и бронетранспортеров.

Количество орудий и минометов в стрелковом корпусе возросло на 21%, а танков и САУ – более чем в 20 раз. Формировались механизированные дивизии, количество бронированной техники в которых превышало количество аналогичной техники в механизированном корпусе времен Великой Отечественной войны.

Начала появляться реактивная авиация.

Активно шла разработка принципиально нового оружия – ракетного.

В июле 1946 г. была сформирована первая ракетная часть, в октябре 1947 г.

на полигоне Капустин Яр был осуществлен первый пуск немецкой ракеты ФАУ-2, а еще через год был произведен первый пуск управляемой баллистической ракеты дальнего действия Р-1, созданной на предприятиях нашей страны.

Уже тогда Генеральный штаб под руководством А.М.Василевского сумел разглядеть в первых, далеко не совершенных образцах ракет будущее грозное оружие, которое составит основу военного могущества страны.

С учетом произошедших в армии изменений назрела необходимость разработки новой концепции ведения войны, отвечающей велениям времени, и в соответствии с ней подготовить для войск необходимые уставные документы.

А.М.Василевский принял в этой работе самое деятельное участие, используя весь свой богатейший опыт. В результате была выработана теория так называемой обычной машинной войны, в основу которой был заложен обобщенный опыт войны с учетом новой расстановки военно-политических сил, перестройки организационной структуры Вооруженных Сил и их оснащения новыми видами обычных вооружений.

Эта теория нашла свое отражение в вышедшем в 1948 г. Полевом уставе Вооруженных Сил. Вплоть до середины 50-х годов применительно к его положениям и требованиям велось строительство армии и флота.

В этом же духе осуществлялось стратегическое и оперативное планирование, организовывалась подготовка военных кадров и штабов.

Василевскому и его подчиненным по-прежнему, как и в годы войны, приходилось работать с предельным напряжением, так как в мире вновь стало неспокойно.

Тон задавали наши бывшие союзники.

С речи бывшего английского премьера У.Черчилля в американском городе Фултоне 5 марта 1946 г. началась эпоха “холодной” войны.

12 марта 1947 г. президент США Г.Трумэн огласил в американском конгрессе свою программу борьбы против сил демократии и социализма, вошедшую в историю как “доктрина Трумэна”.

Американское руководство заявило, что считает Советский Союз своим вероятным противником в будущей войне.

18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 “Цели США в войне против России”, рассчитанную на многие десятилетия. Делая ставку на свое монопольное владение ядерным оружием, американское военное руководство разрабатывало один за другим планы ядерной войны против СССР.

Уже в 1946 г., в июне, Комитет Начальников штабов США разработал план войны против СССР под кодовым названием “Pincher”, предусматривавший нанесение 50 атомных ударов по 20 городам.

В марте 1948 г. был подготовлен план “Broiler” – нанесение 34 ядерных ударов по 24 городам СССР, в декабре того же года план “Sizzle” – применение 133 ядерных авиабомб по 70 городам, в том числе 8 авиабомб по Москве и 7 авиабомб по Ленинграду.

Даже после первого испытания в СССР атомной бомбы США продолжали планирование ядерных ударов по городам СССР.

Так, в октябре 1949 г. был подготовлен план “Shakedown”, предусматривавший применение 200 ядерных авиабомб по 104 городам СССР, за ним последовал план “Dropshot”, в соответствии с которым планировалось применение уже 300 ядерных авиабомб по 200 городам СССР.

Подобные планы разрабатывались регулярно и позже.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне министрами иностранных дел 10 европейских государств, США и Канады был подписан Североатлантический договор, в соответствии с которым в Европе была создана НАТО и сформирована мощная группировка Объединенных вооруженных сил, угрожавшая безопасности нашей страны.

Обстановка требовала от советского руководства незамедлительного принятия адекватных мер. Нужно было в самые сжатые сроки так модернизировать вооруженные силы страны, чтобы они в случае необходимости смогли дать достойный ответ возможному агрессору.

Для руководства этой работой нужен был человек, досконально знающий армейскую службу, пользующийся безусловным авторитетом в войсках и при этом способный мыслить стратегическими категориями, хорошо знающий “кухню” стратегического планирования, знакомый со всеми ее тонкостями и нюансами.

И этим человеком оказался А.М.Василевский, который и был назначен министром Вооруженных Сил*.

Работа предстояла сложная и многоплановая:

* В феврале 1946 г. Наркомат обороны был преобразован в Наркомат Вооруженных Сил СССР, переименованный в марте того же года в Министерство ВС СССР, куда в качестве вида вооруженных сил вошел и Военно-морской флот.

До марта 1947 г. наркомом, а затем министром Вооруженных Сил оставался И.В.Сталин. На этом посту его сменил Н.А.Булганин, а с 24 марта 1949 г. министром стал А.М.Василевский.

В феврале 1950 г. Министерство ВС СССР разделилось на два самостоятельных ведомства – Военное министерство СССР и Военно-морское министерство СССР.

Во-первых, в тесном взаимодействии с учеными и промышленностью предстояло ликвидировать отставание в военно-технической области. Нужно было в кратчайшие сроки создать ядерное оружие, ликвидировав тем самым монополию США на его обладание, разработать средства его доставки. Предстояло рассмотреть возможность применения в военном деле новейших научно-технических разработок того времени, прежде всего, в области теории реактивного движения, радиотехники и радиолокации и т.д.

Во-вторых, необходимо было оснастить созданным оружием войска, для чего предстояло организовать серийное его производство, определив предварительно, для каких целей, сколько и какого вооружения нужно иметь. Нужно было разработать наиболее оптимальную штатную структуру подразделений и частей, вооруженных новым оружием.

В-третьих, предстояло разработать теорию применения нового оружия, внести существенные коррективы в тактику и оперативное искусство, разработать новые нормативные документы для войск, подготовить целый комплекс инструкций и наставлений. Для этого нужно было максимально активизировать военную науку, в полной мере использовать ее возможности.

Наконец, нужно было подготовить кадры, способные управлять новым оружием. Организовать обучение войск действиям в условиях широко-масштабного применения нового оружия и военной техники.

За исполнение возложенных на него обязанностей А.М.Василевский взялся со свойственной ему ответственностью.

К тому времени, когда Маршал Василевский возглавил министерство Вооруженных Сил, советские ученые и

конструкторы смогли разгадать секрет ядерного оружия, и 29 августа 1949 г. в СССР проведено было первое ядерное испытание. Тогда на Семипалатинском полигоне был осуществлен подрыв ядерного устройства мощностью 22 килотонны. Но для того чтобы это устройство в полной мере стало оружием, оно должно было отвечать ряду требований, в первую очередь, габаритно-весовых и эксплуатационных, которые определялись военными.

К слову сказать, в Генеральном штабе 4 сентября 1947 г., то есть еще в бытность его начальником А.М.Василевского, был создан Специальный отдел во главе с генерал-майором инженерных войск Болятко В.А., занимавшийся проблемами ядерного оружия.

Поэтому Александр Михайлович постоянно был в курсе ядерных дел и участвовал в определении требований к новому оружию. В условиях строжайшего соблюдения режима секретности работы по созданию этого оружия продолжались. После осуществленного 18 октября 1951 г. на Семипалатинском полигоне воздушного ядерного взрыва начались работы по совершенствованию ядерных боеприпасов и созданию термоядерных зарядов.

Успешно шли работы и по созданию принципиально новых средств доставки грозного оружия.

Результаты летных испытаний ракеты Р-1 позволили Правительству СССР 28 ноября 1950 г. принять ракетный комплекс на вооружение.

В этом же году ракеты Р-1 поступили в первую ракетную боевую часть, где отрабатывалась методика их боевого применения. Начался новый этап в развитии отечественных средств вооруженной борьбы.

С принятием на вооружение ракеты Р-2 (27 ноября 1951 г.) начали разрабатываться новые ракетные соединения.

В декабре 1950 г. на полигоне Капустин Яр формируется вторая по счету бригада особого назначения РВГК, а в 1952–1953 гг. формируются еще четыре подобные бригады.

Появление нового вида оружия потребовало детальной разработки вопросов его боевого применения. Проведенные расчеты позволили сделать вывод, что ракеты Р-1 и Р-2 могут быть применены для поражения особо важных целей в оперативной глубине обороны противника, сильно прикрытых средствами противовоздушной обороны, исключающих применение авиации. Исходя из этого положения, разрабатывались все вопросы тактики ракетных частей, их боевого обеспечения и другие вопросы, касающиеся их боевой деятельности.

Проведенные исследования и теоретические наработки летом 1950 г. были проверены на тактическом учении бригады особого назначения, прошедшем под руководством М.И.Неделина на полигоне Капустин Яр.

По указанию А.М.Василевского Генеральным штабом были проведены расчеты потребности в ракетах на военное время. Эти расчеты и соображения по боевому применению ракет 19 декабря 1951 г. были доложены Бюро Совета Министров СССР. В результате Правительством было принято решение об их серийном производстве.

Существенные изменения произошли и в войсках противовоздушной обороны.

Бурное развитие авиации и появление у вероятного противника ядерного оружия, носителем которого была тогда преимущественно авиация, подняло значение противовоздушной обороны. Не случайно в 1948 г. Войска ПВО были выведены из подчинения командующего артиллерией Советской Армии и преобразованы в самостоятельный вид Вооруженных Сил.

Была полностью реорганизована вся система противовоздушной обороны страны. С этой целью вся территория СССР была разделена на две части: приграничную полосу, противовоздушное прикрытие которой возлагалось на военные округа, и внутреннюю территорию (районы ПВО), прикрываемую объединениями ПВО территории страны.

Большое значение А.М.Василевский уделял оснащению войск ПВО новыми современными средствами.

На вооружение стали поступать новые зенитные артиллерийские комплексы (57-, 100- и 130-мм зенитные пушки), радиолокационные станции орудийной наводки и приборы управления огнем.

Активно велись работы по созданию первых зенитно-ракетных комплексов.

В частности, в августе 1950 г. началась интенсивная разработка первого отечественного зенитно-ракетного комплекса "Беркут", который в последующем был принят на вооружение под индексом С-25, а уже в апреле 1953 г. этим комплексом были произведены успешные стрельбы по реальным целям.

На вооружение истребительной авиации ПВО начали поступать реактивные истребители МиГ-15, МиГ-17.

Важнейшей государственной задачей считалось развитие радиолокационной техники. 15 января 1952 г. А.М.Василевский подписал директиву о создании службы обнаружения, оповещения и наведения, для чего организовывалась единая радиолокационная система.

В соответствии с этой директивой создавалась внешняя полоса обнаружения и наведения в странах народной демократии; приграничная полоса вдоль государственной границы СССР, а также полосы в районах Войск ПВО страны.

Все наземные радиолокационные средства обнаружения и наведения, находившиеся в частях и соединениях ис-

требительной авиации, объединялись со средствами войск наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) и на этой базе создавались радиотехнические войска.

В поле зрения А.М.Василевского, безусловно, находились и Военно-воздушные силы, которые в этот период интенсивно развивались.

Авиация перевооружалась на реактивные самолеты МиГ-9, МиГ-15, Як-15, Ла-15 и др.

На вооружение поступали новые бомбардировщики и транспортные самолеты.

Удельный вес ВВС к 1953 г. возрос более чем в три раза.

Были разработаны новые боевые уставы, наставления и руководства по боевому применению видов и родов авиации. Для обеспечения надежного самолетовождения, точного бомбометания и стрельбы самолеты оснащаются различными радиоэлектронными системами; было начато оборудование аэродромов системой “слепой” посадки самолетов по приборам. Поступление на вооружение ВВС ядерного оружия обусловило коренные изменения в формах и способах боевого применения ВВС и резко повысило их роль в ведении войны.

Как уже отмечалось, за послевоенные годы претерпели значительное изменение и Сухопутные войска. Они насыщались современной военной техникой и оружием, стали более мобильными, существенно возросла их огневая мощь. Повысилась маневренность и боевые возможности артиллерии. На вооружение войск поступили новые танки с мощной броней и вооружением, большей скоростью.

Короче говоря, в вооруженных силах, во всех видах и родах войск шла коренная перестройка.

За этим стояла напряженная ежедневная работа А.М.Василевского, его заместителей, командующих видами и родами войск, руководителей главных

и центральных управлений, сотрудников Генерального штаба и центрального аппарата министерства.

Под непосредственным руководством Маршала Василевского осуществлялся весь комплекс мероприятий, необходимых для укрепления боевой мощи и технического перевооружения армии.

Предметом особой заботы А.М.Василевского как руководителя военного ведомства была подготовка кадров.

Это естественно, поскольку эксплуатация новой, сложной техники требовала соответствующей подготовки. Без грамотных специалистов техника, какой бы совершенной она ни была, останется бесполезной грудой металла.

Как показало первое послевоенное аттестование командного состава, которое было проведено в 1947 г., многие офицеры не имели достаточной теоретической подготовки. Сказались частая сменяемость и быстрый рост кадров в годы войны.

В сухопутных войсках, например, 88,5% командиров стрелковых полков окончили только военные училища или курсы усовершенствования, 28,5% командиров стрелковых дивизий и 30% начальников штабов дивизий не имели высшего, а в авиации свыше 22% офицеров — специального военного образования.

Нужно было срочно принимать меры.

Для подготовки и переподготовки кадров открывается ряд новых высших и средних военно-учебных заведений, преимущественно инженерно-технического профиля, организуются курсы для переучивания на новую технику, увеличилась численность курсантов и слушателей в существовавших вузах.

В результате к 1953 г. количество инженеров в Вооруженных Силах возросло по сравнению с довоенным периодом в 3 раза, а техников в 1,5 раза.

Шла напряженная боевая учеба и в войсках.

На полигонах и войсковых стрельбищах, в учебных классах и парках шло освоение новой техники. Для высшего руководства Вооруженных Сил, для командующих войсками военных округов и групп войск организовывались показательные занятия с использованием новой техники. В военных округах систематически проходили войсковые учения с использованием этой техники.

А.М.Василевский старался больше бывать в войсках, быть в гуще армейской жизни, чтобы своими глазами видеть изменения, происходившие в армии и вовремя принимать необходимые меры. Результат не замедлил сказаться. Год от года Вооруженные Силы страны становились все сильнее, росли их техническая оснащенность и подготовка.

В целом необходимо отметить, что за время руководства А.М.Василевским министерством Вооруженные Силы неузнаваемо изменились. Армия изменилась качественно: на ее вооружении появились ядерные боеприпасы, ракетное оружие, значительное количество радиоэлектронных средств; значительно повысилась ее подвижность и огневая мощь; претерпела изменения организационная структура; значительно возросла техническая грамотность личного состава.

Главное же состоит в том, что благодаря усилиям ученых, работников промышленности, военных. Советские Вооруженные Силы достигли состояния, не позволившего правительству США претворить в жизнь свои агрессивные планы в отношении нашей страны. Немалая заслуга в этом и Маршала Василевского.

Однако после смерти И.В.Сталина служебное положение А.М.Василевского изменилось.

Военное министерство было преобразовано в министерство обороны, в состав которого вновь был включен Военно-морской флот как вид Вооруженных Сил.

Министром обороны был назначен Н.А.Булганин, а Маршал Василевский стал его первым заместителем. На такую же должность был назначен и Г.К.Жуков, возвращенный в Москву из Уральского военного округа.

Круг обязанностей у А.М.Василевского несколько сократился, но все же он оставался в эпицентре работы по укреплению боеспособности страны. Он продолжал бывать в войсках, выезжал с проверками, участвовал в учениях. Учитывая тот факт, что Александр Михайлович как никто другой из высшего военного руководства был в курсе ракетно-ядерной проблемы, он продолжал некоторое время курировать вопросы, связанные с этой проблемой.

Так, при подготовке в 1954 г. войскового учения с применением ядерного оружия Г.К.Жуков, назначенный руководителем этих учений, планировал организовать показ новой ракетной техники военачальникам и руководителям военного ведомства.

Получив проект доклада о развитии ракетного вооружения, который должен был прозвучать во время показа, Георгий Константинович немедленно направил его Василевскому с просьбой ознакомиться с ним и высказать свое мнение. При этом он поинтересовался, можно ли хотя бы в двух словах сказать слушателям о дальнейших работах в области создания ракетного оружия.

В 1955 г. А.М.Василевский совместно с рядом руководителей промышленности и военных, непосредственно занимавшихся ракетной тематикой, обратился в Президиум ЦК КПСС с докладной запиской "О ракетной и реактивной технике", в которой было изложено положение дел с разработкой

ракетного и реактивного вооружения, указаны проблемные вопросы и высказаны конкретные предложения по организации руководства работами по созданию этого вооружения.

Эта записка сыграла положительную роль. В частности, учитывая высказанные в ней предложения, для координации, планирования и контроля работ в области ракетного вооружения был создан Специальный комитет Совета Министров СССР по ракетному и реактивному вооружению.

В марте 1956 г. А.М.Василевский был освобожден от занимаемой должности. Официально по его личной просьбе, а фактически по настоянию Н.С.Хрущева, стоявшего в то время во главе государства.

Однако уже в августе этого же года по предложению Г.К.Жукова, бывшего в то время министром обороны, Александр Михайлович был назначен заместителем министра обороны по вопросам военной науки.

Для военной науки это было по истине золотое время.

И Жуков, и Василевский понимали всю важность ее развития и прилагали максимум усилий к тому, чтобы военные знания стали более доступными для широкой армейской аудитории.

Вклад Маршала Василевского в послевоенные годы в обеспечение безопасности Отечества поистине огромен.

Под его руководством советские Вооруженные Силы поднялись на новый, более высокий качественный уровень, начался процесс оснащения их принципиально новым оружием, формирования новых видов вооруженных сил и родов войск. Во многом благодаря плодотворной деятельности А.М.Василевского нашей стране удалось сохранить мир в исключительно сложной международной обстановке.

При всей сложности решаемых задач Александр Михайлович, работая с исключительным напряжением сил, неизменно оставался предельно тактичным и внимательным к людям, независимо от занимаемого ими положения. Это был замечательный человек и талантливый воспитатель.

В нашей военной истории А.М.Василевский, несомненно, сохранится не только как замечательный полководец, с именем которого неразрывно связаны многие великие победы, но и как настоящий патриот, гражданин и человек, много сделавший для обеспечения безопасности своей Родины.

Были повышены требования к научным исследованиям, которые должны были ориентироваться, прежде всего, на перспективную материальную базу вооруженной борьбы.

Большая работа проводилась по обобщению и систематизации опыта Великой Отечественной войны.

Был подготовлен целый ряд фундаментальных трудов по этой тематике.

Готовился целый ряд справочных изданий, рассчитанных на широкий круг армейских читателей.

Начали выходить замечательные книги серии "Библиотека офицера".

Доступными для широкой армейской общественности стали книги зарубежных авторов по военной тематике.

В короткие сроки на русском языке были изданы книги, уже опубликованные в США, Англии, Франции и других странах: мемуары Эйзенхауэра, де Голля, Гудериана, Манштейна и многих других иностранных авторов.

Советские генералы и офицеры получили возможность следить за новинками военно-теоретической и военнотехнической мысли за рубежом.

Однако после печально известного Октябрьского 1957 г. Пленума ЦК КПСС А.М.Василевский, также как и Г.К.Жуков, был уволен в отставку, хотя мог еще много сделать для укрепления обороноспособности нашей страны.

Организация воинских перевозок на Дальний Восток в 1945 году

Илья Мартыненко,
ПОЛКОВНИК

Капитуляция гитлеровской Германии еще не означала конца Второй мировой войны. На Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана продолжались сражения, японский милитаризм не желал складывать оружие.

Подготовка Советских Вооруженных Сил к войне против Японии началась после Крымской конференции союзников по антигитлеровской коалиции.

Конкретные указания о подготовке транспорта к переброске войск и военной техники на Дальний Восток председатель ГКО И.В.Сталин дал наркому путей сообщения еще в январе 1945 г.

Сам факт посвящения наркома в планы Верховного Главнокомандования за несколько месяцев до начала операций не был случайным. Прежде чем начать сосредоточение войск на Дальнем Востоке, надо было тщательно подготовить пути сообщения на всем огромном пространстве от Берлина до Владивостока. Поэтому председатель ГКО поручил НКПС обеспечить необходимое развитие и ремонт сети дорог Дальнего Востока и принять другие меры, гарантирующие стратегическое сосредоточение и развертывание войск.

Для своевременной подготовки железных дорог и непосредственного ру-

ководства их работой в 1945 г. был создан Дальневосточный округ железных дорог во главе с заместителем Наркома путей сообщения В.А.Гарныком.

Уполномоченным ЦУП ВОСО Красной Армии был назначен генерал-майор А.В.Добряков.

Это региональное учреждение оперативно решало все вопросы, связанные с подготовкой железных дорог и выполнением массовых воинских перевозок всеми видами транспорта как на территории Советского Союза, так и на территории, освобождаемой от противника.

На заседании ГКО, состоявшемся 13 апреля 1945 г., на котором присутствовали представители НКПС, Тыла Советской Армии, военных сообщений и автодорожной службы, нарком путей сообщения подробно доложил о возможностях пропуска воинских эшелонов на Восток, дал оценку состояния всей дорожной сети, по которой предстояло перевозить воинские грузы, особенно дорог Урала, Дальнего

Востока и Транссибирской магистрали. За годы войны эти дороги были сильно изношены. Необходимо было сменить миллионы сгнивших шпал и тысячи рельсов.

Для рассредоточения воинских перевозок Верховный Главнокомандующий дал согласие начать немедленно, не дожидаясь окончания войны с Германией, перевозку с Урала новых танков Т-34 для перевооружения войск Дальнего Востока. Срок сосредоточения на Дальнем Востоке войск – трех общевойсковых и одной танковой армий, нескольких механизированных и артиллерийских соединений и войсковых учреждений – Верховный Главнокомандующий оставил без изменения – 1–5 августа 1945 г.

Для ликвидации “узких мест” на сети железных дорог от западных до восточных границ СССР и значительного усиления кадров транспортников с железных дорог европейской части СССР на Дальний Восток было направлено 2400 машинистов, 2900 помощников машинистов, 3100 паровозных слесарей и много других специалистов транспорта.

Туда же возвращались специальные формирования НКПС общей численностью 14 тыс. чел., ранее направленные на западные дороги страны (Военно-эксплуатационное управление № 34).

Кроме того, были посланы пять паровозных колонн особого резерва НКПС с личным составом и 150 паровозами, а также 650 паровозов с других дорог сети.

В апреле из Румынии и Польши в распоряжение Дальневосточного военного округа прибыли три эксплуатационных железнодорожных полка и три военно-эксплуатационных отделения.

В апреле 1945 г. для строительства 123-километрового с двумя большими тоннелями

Кругобайкальского обхода в район работ были переброшены 6-я, 7-я и 9-я железнодорожные бригады, которыми командовали генерал-майоры Д.А.Терехов, Н.И.Новосельский и полковник Д.А.Новиков.

Руководил строительством генерал-майор Ф.Н.Доронин.

Развитие Челябинского узла и усиление пропускной способности Южно-Уральской железной дороги возлагались на 27-ю и 47-ю, Омского – на 1-ю, а Пермского – на 11-ю железнодорожные бригады.

Прибывшие железнодорожные войска и спецформирования НКПС оперативно развернули работы по увеличению пропускной способности железных дорог, развитию станций, усилению верхнего строения пути, водоснабжения, строительству паромных переправ, дублирующих мостовые переходы через реки, обходов железнодорожных мостов*.

Для пропуска войск, следовавших походным порядком, на железнодорожных мостах укладывались деревянные настилы, по которым, не мешая движению поездов, проходили гусеничная и колесная техника, пехота.

Произведено усиление станций Борзя, Свободный, Биробиджан-2, Гродеково и др.

Проведенные реконструктивные мероприятия позволили увеличить пропускную способность железных дорог от Новосибирска до Владивостока (5949 км) с 24 до 30 пар поездов в сутки, а от Карымской до Борзи (247 км) – с 12 до 16 пар.

Дальневосточный театр военных действий отличался огромными размерами и чрезвычайно сложными условиями транспортного обслуживания.

* С 10 августа по 30 сентября железнодорожные части и спецформирования Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов восстановили и перешли 2623 км главных и 978 км станционных путей, восстановили 28 больших, 11 средних и 60 малых мостов, 5 туннелей, выполнили многие другие работы.

Ко времени подготовки операций против Японии от Транссибирской магистрали к советско-маньчжурской границе подходили семь однопутных железнодорожных линий, к Японскому морю – две и к Татарскому проливу – одна. Увеличивали возможности перевозок глубокие обходы железнодорожных мостов через крупные реки Хор, Бикин, Уссури, Иман, сооруженные еще до Великой Отечественной войны, паромные переправы (например, у Белогорья через Зею можно было передавать до 400 вагонов в сутки), и предусмотренные при подготовке к операциям для дублирования железной дороги на ее пересечениях с этими реками, а также Зеей, Томью и Буреей, однопутные обходы, на которых были сооружены (или могли быть быстро сооружены) мосты.

Отличительной особенностью дальневосточной железнодорожной сети являлось хорошее развитие станций выгрузки войск.

Только 55 погрузочно-выгрузочных мест Приморской железной дороги позволяли производить выгрузку не менее 200 полносоставных эшелонов в сутки.

Приморье и Приамурье с Охотским побережьем, о-вом Сахалин, полуостровами Камчатка и Чукотка связывал морской транспорт. Наибольшая часть мощностей портов и портпунктов приходилась на участок береговой линии от Владивостока до Николаевска-на-Амуре. Кроме портов НКМФ, в бассейне размещались порты Наркомата рыбной промышленности, Дальстроя и других ведомств и организаций.

Из 322 морских судов различного назначения пароходствам НКМФ (Дальневосточному и Николаевскому) принадлежали 180, остальные – различным хозяйственным наркоматам и ведомствам. Суммарная вместимость грузопассажирских судов составляла 3,6 тыс. мест, грузоподъем-

ность сухогрузных судов – 777 тыс. т, наливных – 148 тыс. т, рефрижераторов – 22 тыс. т и лесовозов – 60 тыс. т.

Не хватало судов малой грузоподъемности, которые можно было бы использовать для доставки мелких партий воинских грузов, особенно в небольшие портпункты.

Значительная часть советско-маньчжурской границы проходила по крупной судоходной магистрали – Амуру и его судоходному притоку Уссури. Верхне- и Нижне-Амурское речные пароходства, обслуживавшие судоходные пути общей протяженностью свыше 4,2 тыс. км, располагали довольно большим флотом, насчитывавшим 251 судно, но на судах не хватало персонала, были ограничены запасы топлива.

Порты и пристани не были подготовлены к массовым перевозкам войск и тяжелой военной техники.

Автомобильные дороги, сосредоточенные, в основном, в наиболее обжитой южной части Дальнего Востока, либо проходили параллельно Транссибирской магистрали, либо соединяли ее станции с глубинными районами.

Основную часть автодорожной сети составляли грунтовые дороги, которые после сильных дождей становились почти непроезжими.

Развивался на Дальнем Востоке и воздушный транспорт. В Иркутске, Чите, Хабаровске и Владивостоке располагались основные аэропорты.

Авиалинии связывали между собой многие города и поселки.

Построенный в годы войны нефтепровод под Татарским проливом для перекачки нефти с Северного Сахалина на материк положил начало трубопроводному транспорту в этом обширном районе.

К каждому фронту были выделены тыловые районы, в которых размещались тыловые части и учреждения, глубина тылового района Забай-

кальского фронта, далеко отстоящего от Транссибирской магистрали, на разных участках составляла от 250 до 650 км. Тыловые районы 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, находившихся ближе к магистрали, имели меньшую глубину – от 50 до 150 км.

В транспортном отношении условия для базирования вновь образованных фронтов были следующими:

- Транссибирская магистраль оставалась в распоряжении Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке.

- Для базирования Забайкальского фронта выделялись 7 железнодорожных участков протяженностью от 47 до 366 км, из них 2 – союзной колеи (их пропускная способность была 18 пар поездов в сутки) и 5 военно-полевых железных дорог с провозной способностью от 350 до 1200 т в сутки.

Фронтальной распорядительной станцией служила станция Борзя с отделением на станции Баин-Тумэн.

- 2-й Дальневосточный фронт базировался на 9 участках, протяженностью от 52 до 446 км, из них 7 были союзной колеи с пропускной способностью от 6 до 24 пар поездов в сутки, а 2 – военно-полевыми железными дорогами, обладавшие провозной способностью от 400 до 600 т в сутки.

Фронтальной распорядительной станцией служила станция Свободный с отделениями на станциях Куйбышевская-Восточная и Хабаровск 2.

- 1-й Дальневосточный фронт опирался на 8 участков протяженностью от 27 до 193 км, из них 7 – союзной колеи с пропускной способностью от 11 до 17 пар поездов в сутки и один – военно-полевой железной дороги, по которому можно было провезти 300 т в сутки.

Условия снабжения войск на 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах были благоприятными. Их склады располагались в основном на выделенных фронтам железнодорожных участках, армейские склады, как правило, в небольшом удалении от фронтовых. Каждая из армий (кроме 16-й и 35-й)

получила свои железнодорожные участки с несколькими станциями снабжения.

В наиболее трудных условиях в отношении транспортного обеспечения находился самый мощный Забайкальский фронт.

Его основной коммуникацией служила однопутная железнодорожная линия Карымская – Борзя – Баин-Тумэн, имевшая пропускную способность всего лишь 7 пар поездов в сутки.

В июне 1945 г. на этом участке были открыты 13 новых разъездов и проведены другие работы, что позволило поднять его пропускную способность до 18 пар поездов в сутки, причем для водоснабжения паровозов к ним прикреплялись цистерны с водой.

Войска сосредоточивались в нескольких сотнях километров от железнодорожного участка союзной колеи Борзя – Баин-Тумэн, на котором из-за слабой технической оснащённости нельзя было размещать армейские базы. Пришлось на станции Баин-Тумэн, в конечном пункте союзной колеи, срочно построить железнодорожное кольцо, протяженностью 30 км, и на нем разместить основную базу фронта с полевыми фронтowymi складами и их отделениями.

В связи с недостаточным развитием железных дорог, особенно в зоне базирования Забайкальского фронта, большое внимание уделялось сооружению автомобильных дорог.

Их в полосе фронта было отремонтировано около 320 км. В конечном счете, Забайкальский фронт имел 6 военно-автомобильных дорог (общей протяженностью 3228 км), 2-й Дальневосточный – 4 дороги (1100 км) и 1-й Дальневосточный – 10 дорог (2763 км). Однако они после ливней становились в ряде мест непроезжими.

Командование Забайкальского и 2-й Дальневосточного фронтов нередко давало указание войскам передвигаться по железнодорожному полотну.

Дорожные войска фронтов включали: управление военно-автомобильных дорог, дорожно-эксплуатационный полк, 17 дорожно-эксплуатационных, 26 дорожно-строительных и 12 мостостроительных отдельных батальонов.

Автотранспортные войска к началу операции состояли из 3 автомобильных бригад, 5 автомобильных полков и 35 отдельных автотранспортных батальонов фронтового и армейского подчинения.

Предвидя трудности транспортного обеспечения наступательных операций, Ставка Верховного Главнокомандования выделила в помощь Забайкальскому фронту две транспортные авиационные дивизии, которым пришлось доставлять войскам не только боеприпасы и горючее, но даже воду для личного состава и животных.

Из 228 транспортных самолетов, находившихся на дальневосточных фронтах, 189 имел Забайкальский фронт.

Железнодорожные войска по прибытию на места тщательно изучали железнодорожные направления в границах фронта, согласовывали с органами военных сообщений схемы восстановления и развития станций выгрузки, перегрузочных и распорядительных станций, готовили техническую документацию, подвозили строительные материалы и составляли планы по заграждению железных дорог Дальнего Востока.

Восстановление искусственных и других сооружений, в случае их разрушения противником, возлагалось на сами железные дороги и частично на железнодорожные войска. Предполагалось привлекать к этим работам и местное население. Управлением железных дорог Дальневосточного округа было сформировано более 20 восстановительных поездов, свыше 50 летучек и большое количество специальных команд.

Для противовоздушной обороны фронтовых коммуникаций были выделены 22 бронепоезда и 6 зенитных артиллерийских дивизионов и отдельная зенитная батарея для ПВО станции Баин-Тумен.

Крупные железнодорожные узлы прикрывали силы и средства, выделенные Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

ПВО крупных искусственных сооружений, наземная охрана и оборона железных дорог возлагалась на войска НКВД, охрана станций погрузки (выгрузки) – на перевозимые войска, второстепенных железнодорожных объектов – на военизированную охрану НКПС.

Воинские снабженческие поезда (с боеприпасами и горючим) сопровождали зенитно-пушечные пулеметные взводы из двух вагонов с укрепленными на них зенитными пушками (один вагон в голове, другой – в хвосте поезда); подчинялись органам военных сообщений.

Железные дороги в Маньчжурии намечалось охранять советскими войсками по мере продвижения их вглубь страны. Для предотвращения разрушения важнейших транспортных и других объектов отступающим противником, планировались воздушные десанты в Мукден, Чанчунь и другие города, а также у 6 тоннелей на железнодорожной линии от государственной границы СССР до Муданьцзяна.

9 мая 1945 г. в Читу прибыл основной состав управления Дальневосточного округа железных дорог во главе с В.А.Гарныком, в июле – основной аппарат уполномоченного ЦУП ВОСО, возглавляемый генералом-лейтенантом А.В.Добряковым. Наличие при Дальневосточном округе железных дорог уполномоченного ЦУП ВОСО, обладающего правами заместителя начальника тыла Советской Армии, позволяло во взаимодействии с Главным командованием советскими войсками на

Дальнем Востоке и командующими фронтами быстро решать на месте все вопросы, связанные с воинскими перевозками.

Кроме того, уполномоченный ЦУП ВОСО объединял руководство и решал на месте все вопросы взаимодействия линейных и полевых органов военных сообщений, а также органов военноморских сообщений Дальнего Востока.

Крупные работы были выполнены по подготовке не только железных дорог, но и других видов транспорта: в морских портах освобождены от невывезенных и опасных грузов склады, отремонтированы причалы, пирсы и крановое оборудование, часть морских судов оборудована для перевозки войск, в речных портах Хабаровск и Комсомольск отремонтированы причалы, на пристани Ленинское подготовлены стоечные баржи для наводки наплавных мостов (в том числе и железнодорожных) и сборно-разборные причалы.

В апреле – августе 1945 г. была осуществлена одна из крупнейших в истории военного искусства и железнодорожного транспорта стратегическая перегруппировка советских войск от Берлина до Владивостока.

Перебазирование частей советских войск и военной техники на Дальний Восток потребовало от железнодорожников и офицеров военных сообщений высокой организованности. Работники всех железных дорог, идущих от западных границ Советского Союза до Тихого океана, бесперебойно пропускали поезда с войсками и военными грузами, следующие в районы сосредоточения и развертывания войск Забайкальского, 1-го, 2-го Дальневосточных фронтов.

“Пришлось, – вспоминал Маршал Советского Союза А.М. Василевский, – много поработать над планом перевозок, который по своим вырисовывавшимся показателям был поистине грандиозным.

Предстояло осуществить эти перевозки по единственной железнодорожной магистрали в крайне сжатые сроки и на огромные расстояния – от 9 тысяч до 12 тысяч километров. В этом отношении они не имели себе равных в истории второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией”.

В период подготовки и проведения этой операции огромная нагрузка легла на Центральное управление движения НКПС и Центральное управление военных сообщений Красной Армии. Задания на важнейшие перевозки немедленно докладывались наркому путей сообщения или его заместителям. Тут же давались необходимые указания дорогам.

В апреле – мае 1945 г. на Дальний Восток начали перебрасывать войска и штабы.

5-я армия (110 эшелонов) из Восточной Пруссии направлялась в Приморье; 39-я – из района Инстербург – Кенигсберг, 53-я и 6-я гвардейская танковая армия из-под Праги – в Забайкалье.

На Дальний Восток в первую очередь направлялись части, которые приобрели опыт боевых действий в условиях, сходных с дальневосточным ТВД.

Ежесуточно в Забайкалье в июне 1945 г. поступало около 30 поездов (46% всех воинских перевозок), в июле – 22 поезда.

Нелегко пришлось труженикам Забайкальской магистрали. Потребовались вводить дополнительные мощности – заправлять паровозы, выделять подвижной состав только для воинских перевозок. Понадобилось очень быстро освобождать вагоны от различных не столь срочных грузов.

Все, что необходимо было для подготовки и ведения боевых операций 1-м, 2-м Дальневосточным и Забайкальским фронтами, доставлялось к месту назначения через Забайкальскую дорогу.

Особую трудность и сложность в продвижении воинских поездов испытывали на участке от Карымской до Отпора (ныне Забайкальск) с тяжелым профилем пути. Для организации ускоренного пропуска поездов были командированы опытные машинисты-инструкторы. Вводилась и кратная тяга*. Когда нужно было подвести максимум поездов, они двигались только в направлении к фронту. На ряде перегонов для увеличения пропускной способности вводилась “живая”** блокировка.

Сложность состояла в том, что на дороге для отопления паровозов применялись бурые, низкосортные угли, часто к ним примешивались опилки и другие отходы.

Только по Забайкальской дороге в первом полугодии 1945 г. машинисты паровозов доставили к линии фронта на 811 тяжеловесных поездов больше, чем за весь предыдущий год.

Два раза в сутки – по состоянию на 6 и 18 час. – местонахождение каждого эшелона отражалось на специальном бланке в Центральном управлении движения НКПС: средняя скорость движения оперативных эшелонов составляла до 600 км, а снабженческих транспортов – до 450 км в сутки.

Этот документ докладывался ежедневно наркому путей сообщения И.В.Ковалеву. Работники аппарата НКПС, особенно Центрального управления движения, находились на службе круглые сутки. Так же работали и на дорогах, по которым следовали оперативные эшелоны и воинские грузы на Дальний Восток.

Причем за все время перегруппировки войск не произошло ни одного крушения или большой аварии.

Очень важно было провести массовые воинские перевозки и подготовку к ним скрытно.

Об обстановке строгой секретности, в которой производилась подготовка железных дорог к переброске войск на Дальний Восток, свидетельствовал тот факт, что даже начальники дорог, готовившие магистрали к этим перевозкам, до определенного времени не знали конечной цели проводимых мероприятий.

Имея богатый опыт по проведению маскировочных мероприятий на железных дорогах фронтов, органы военных сообщений успешно применяли их на дорогах Дальнего Востока в период подготовки и выполнения массовых воинских перевозок.

Маршал Советского Союза А.М.Василевский, оценивая важность маскировки при выполнении воинских перевозок, писал: “Для обеспечения скрытности массовых железнодорожных воинских перевозок служба ВОСО проводила следующие меры: было крайне ограничено количество лиц, допущенных к выполнению централизованных воинских перевозок, а также к разработке документов, связанных с ними, станции выгрузки и обслуживания эшелонов занумеровывались; передача сводок о движении эшелонов строго контролировалась офицерами ВОСО, а телефонные переговоры по этим вопросам запрещались; на приграничных участках Дальнего Востока отдельные группы воинских эшелонов пропускались в темное время, а на Приморской железной дороге, близко расположенной к границе, ночью проводилась и разгрузка эшелонов; ряд эшелонов пропускался через узловые станции с ходу; техническое обслуживание некоторой части эшелонов осуществлялось на промежуточных станциях”.

* Кратная тяга – обслуживание поездов двумя и более локомотивами для повышения провозной способности на участках железной дороги.

** “Живая” блокировка – способ движения поездов по принципу автоблокировки с временными проходными сигналами.

В общей сложности в мае-июле 1945 г. на железнодорожных путях Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока и на маршах в районах развертывания находилось до миллиона советских войск.

Противовоздушная оборона объектов железнодорожного транспорта и воинских перевозок на Дальнем Востоке была возложена на 6 зенитных артиллерийских дивизионов, 8 зенитных поездов, 5 полков и отдельный дивизион ПВО воинских поездов.

Всего на Дальний Восток прибыло 1666 оперативных эшелонов (84902 вагона) и 50584 вагона с грузами снабжения. Большой объем имели и внутрифронтовые перевозки: 27183 вагона в оперативных воинских эшелонах и 65584 вагона с грузами снабжения. В апреле-августе 1945 г. к Владивостоку было перевезено 7 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков и 110 самолетов.

Довольно крупные воинские перевозки выполнили и другие виды транспорта. Морской транспорт в процессе подготовки операций перевез 38 тыс. военнослужащих и около 180 тыс. т воинских грузов. Однако воинские морские перевозки в ряде случаев были сопряжены с большими простоями судов из-за недостаточного развития портовых устройств.

Опыт организации и выполнения воинских перевозок для Советских Вооруженных Сил, участвовавших в войне против Японии, убедительно показал, что только при комплексном использовании и централизованном управлении всеми видами транспорта можно наиболее полно обеспечить потребности войск в перевозках.

Так, неподготовленность портпункта Арково (Северный Сахалин) стала причиной большого скопления судов, часть которых простаивала под выгрузкой по 9–10 суток.

Во время подготовки операции по рекам Амурского бассейна было перевезено около 9 тыс. солдат и офицеров, 83 тыс. т воинских и 140 тыс. т импортных грузов. Войска и грузы, направлявшиеся на Северный Сахалин и Камчатку, перегружались в порту Николаевск на морской транспорт.

Импортные грузы из Владивостока доставлялись морскими судами в Николаевск, далее речными судами – в Комсомольск или Хабаровск, откуда следовали по железной дороге.

Самый большой объем автомобильных перевозок – около 100 тыс. т – был выполнен на Забайкальском фронте в период, предшествующий операции.

От станции Баин-Тумен в сутки отправлялось в среднем около 3 тыс. автомобилей, в том числе 1300 – на Тамцаг – Булак, 600 – на Югодзыр – Хид, 450 – на Байшнит и 650 – на Улдза.

К 7 августа 1945 г. стратегическая группировка для наступательной операции была создана. Она насчитывала 1557725 чел., 26137 орудий и минометов, 5556 танков и самоходно-артиллерийских установок, 3446 боевых самолетов.

Уникальный источник информации по современной Британии

Юрий Фокин,
Чрезвычайный и Полномочный Посол*

Британия и Россия – важные игроки на мировой арене уже в течение нескольких столетий. Их исторические пути различны, но было и остается немало точек соприкосновения.

Лихолетье 90-х годов скрыло от россиян многие важные процессы в Туманном Альбионе. Как говорится, было не до того.

Работы по современной Великобритании были редкостью. Подправить эту тенденцию помогает ряд свежих публикаций, среди которых видное место занимает коллективная монография “Великобритания: эпоха реформ”. Это первая книга в многотомной страновой серии Института Европы РАН “Старый Свет – новые времена” (научный руководитель проекта – академик РАН Н.П.Шмелев)**.

Авторский коллектив попытался разобраться, что представляет собой Соединенное Королевство сегодня, как страна удерживает лидирующие пози-

ции в мировой политике, экономике, культуре. Прояснение этого явления позволит достичь лучшего взаимопонимания между нашими странами, осознать, что нас сближает, а что делает непохожими. Торгово-экономические отношения Великобритании и России в последние годы успешно развиваются, появляются крупные инвестиционные проекты.

В монографии анализируются причины “взлетов и падений” и отдельных размолвок в двусторонних отношениях, вплоть до кризисных моментов, в частности по Ираку, Балканам, расширению НАТО и др.

“Великобритания: эпоха реформ” не пытается объять необъятное, хотя близка к энциклопедичности.

Авторы максимально объективно исследуют важные стороны жизни британского общества и перспективы его эволюции. Глубина раскрытия выбранных тем, их взаимосвязанность позволяют рассматривать монографию как

* Ю.Е.Фокин – с 2000 по 2006 г. был ректором Дипломатической академии МИД России, в настоящее время – советник ректора Дипломатической академии.

** Согласно заявленному проекту Института Европы, только в текущем году на очереди выход коллективных работ по Франции, Юго-Восточной Европе, Испании. Всего же в страновой серии Института заявлено 9 томов. В последний раз нечто похожее удалось осуществить в начале 80-х годов в ИМЭМО.

уникальный источник информации по современной Британии. Почаще бы такого рода подход принимался на вооружение британскими исследователями сегодняшней России!

Если лаконично обозначать суть процессов внутри Великобритании за последние четверть века, то наиболее точным представляется слово “модернизация”.

В книге подробно отражены экономические вопросы, оборонная политика, эволюция партийно-политической системы, роль церкви и монархии в общественной жизни. Показана внутрипартийная и межпартийная борьба в Консервативной и Лейбористской партиях, восполнен недостаток внимания к малым партиям. Отдельная часть посвящена гендерной проблематике.

С похвальной тщательностью описаны сдвиги во внешнеполитических подходах Лондона к узловым международным вопросам, к отдельным государствам, его политика в отношении России, проанализировано место Британии в кризисах и войнах в Боснии, Косово, Афганистане и Ираке. Модернизация затронула и британские вооруженные силы – об этом также рассказывается в книге.

Авторами монографии выступили как признанные российские англоведы, так и начинающие ученые.

Во многих научных школах за последние два десятилетия замечен нежелательный разрыв между поколениями, когда молодые исследователи долгое время в академические институты почти не шли. Вышедший труд – свидетельствует, что ситуация, похоже, меняется к лучшему.

Расширенному исследованию политической проблематики посвящена мо-

нография Ал.А.Громыко “Модернизация партийной системы Великобритании”, где наглядно представлена многоярусная структура партийно-политической системы (ППС) страны.

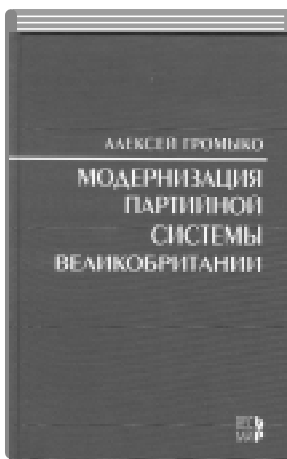
Внутренние процессы, происходившие в ней, рассмотрены в увязке друг с другом. Три из четырех подсистем имеют общенациональный характер: локальная (местные выборы и довыборы), национальная (всеобщие и дополнительные парламентские выборы), наднациональная (выборы в Европарламент, проводятся с 1979 г.). Четвертая подсистема – региональная – охватывает Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию. В последних трех сформировались собственные ППС, появились и укореняются свои электоральные и институциональные измерения.

Наряду с Консервативной и Лейбористской партиями, а также Партией либеральных демократов, внимание уделено малым партиям. Это и региональные партии – Шотландская национальная партия, Плайд Камри из Уэльса и партии Северной Ирландии, а также общенациональные малые партии – Партия зеленых, Социалистическая партия, Британская национальная партия, Партия независимости Соединенного Королевства и др.

Проблема британской самоидентификации в условиях превращения Европейского союза в мировой центр силы показана через призму программных установок партий по этому вопросу.

В монографии подробно рассмотрен феномен “третьего пути” – этого идеологического фундамента “нового лейборизма”.

После прихода Лейбористской партии к власти (май 1997 г.) “третий

путь” воспринимался и как попытка подвести базу под широкую политическую коалицию, что позволило бы лейбористам оставаться у власти длительный срок, лишив консерваторов электоральной опоры. Обновленные ценности лейборизма – попытка найти золотую середину на новом витке общественного развития. Раньше речь шла о конвергенции социализма и капитализма, а теперь – о сплаве социально ориентированной европейской модели развития с неолиберальной англосаксонской.

Это обстоятельство превратило “третий путь” в удобную мишень для критики справа и слева. Прозвучали обвинения в эклектичности, расплывчатости, недоработанности, отрыве от интересов простого британца. Риторика и практика “третьего пути” позволила лейбористам удерживаться у власти уже 10 лет, победить на всеобщих выборах 2001 г. и 2005 г. и продолжить модернизацию страны с учетом ошибок и просчетов предшествующих правительств.

Деволуция как новое явление в британской общественной жизни анализируется в контексте сходных процессов в других странах ЕС.

Под деволуцией понимается переходное состояние британского государственного устройства от унитарного к федеративному.

Страна сегодня не отвечает критериям унитарного государства, однако не может считаться федерацией, переживая процесс федерализации. Деволуция, принявшая форму “распыления” власти, – важнейший элемент начавшихся конституционных реформ лейбористов, фактор эволюции вестминстерской модели демократии в сторону консенсусной.

Параллельно с указанной эволюцией Британии в книге говорится о смене

социально-реформистского политического цикла 1945–1979 гг. либерально-рыночным/леволиберальным. Среди главных причин автор выделяет трансформацию индустриального общества в постиндустриальное и информационное, социальную реструктуризацию, изменения в национальном самосознании после распада Британской империи.

Для обоих циклов характерно достижение межпартийного консенсуса: в первом случае он базировался на социал-демократическом этатизме (кейнсианство, “смешанная экономика”, “государство благосостояния”), а во втором – на неолиберализме (рыночная экономика, усеченное государство) и леволиберальных подходах. Последние подразумевают, в первую очередь, деволюцию, ряд других конституционных реформ, включая реформу Палаты лордов и избирательных систем.

По широте охвата проблем и степени их анализа обе книги представляют собой заметное явление в отечественном англоведении. Они – ценное пособие для тех, кто интересуется преобладающими сегодня тенденциями развития ведущих государств Европы. Благодаря этим работам Британия, безусловно, станет понятнее российскому читателю.

Нельзя не оценить эти публикации как вклад в науку, а также как важное подспорье и для нашей практической дипломатической работы в направлении Британии и Европы.

Великобритания. Эпоха реформ / Под ред. Ал.А.Громыко. Серия “Старый свет – новые времена”. РАН. Институт Европы.М.: Издательство “Весь мир”, 2007. – 536 с.

Алексей Громыко. Модернизация партийной системы Великобритании. РАН. Институт Европы. М.: Издательство “Весь мир”, 2007. – 344 с.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 16.08.2007. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 55.